

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskya1alexander.ru/> приятного чтения!

Собрание сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский

Снегурочка
весенняя сказка
в четырех действиях с прологом
Действие происходит в стране берендеев в доисторическое время.

Пролог на Красной горке, вблизи Берендеева посада, столицы царя Берендея. Первое действие в заречной слободе Берендеевке. Второе действие во дворце царя Берендея. Третье действие в заповедном лесу. Четвертое действие в Ярилиной долине.

Пролог
ЛИЦА:

Весна – Красна.

Дед – Мороз.

Девушка – Снегурочка.

Леший.

Масленица – соломенное чучело.

Бобыль Бакула.

Бобылиха, его жена.

Берендеи обоего пола и всякого возраста.

Свита Весны, птицы: журавли, гуси, утки, грачи, сороки, скворцы, жаворонки и другие.

Начало весны. Полночь. Красная горка, покрытая снегом. Направо кусты и редкий безлистный березник; налево сплошной частый лес больших сосен и елей с сучьями, повисшими от тяжести снега; в глубине, под горой, река; польньи и проруби обсажены ельником. За рекой Берендеев посад, столица царя Берендея: дворцы, дома, избы – все деревянные, с причудливой раскрашенной резьбой; в окнах огни. Полная луна серебрит всю открытую местность. Вдали кричат петухи.

Явление первое
Леший сидит на сухом пне. Все небо покрывается прилетевшими из-за моря птицами. Весна-Красна на журавлях, лебедях и гусях спускается на землю, окруженная свитой птиц.

Леший

Конец зиме пропели петухи,
Весна-Красна спускается на землю.
Полночный час настал, сторожку Леший
Отсторожил, – ныряй в дупло и спи!
(Проваливается в дупло.)

Весна-Красна спускается на Красную горку в сопровождении птиц.

Весна-Красна

В урочный час обычной чередою
Являюсь я на землю берендеев,
Нерадостно и холодно встречает
Весну свою угрюмая страна.
Печальный вид: под снежной пеленою

Лишенные живых, веселых красок,
Лишенные плодотворящей силы,
Лежат поля остывшие. В оковах
Игривые ручьи, – в тиши полночи
Не слышно их стеклянного журчанья.
Леса стоят безмолвны, под снегами
Опущены густые лапы елей,
Как старые, нахмуренные брови.
В малинниках, под соснами стеснились
Холодные потемки, ледяными
Сосульками янтарная смола
Висит с прямых стволов. А в ясном небе
Как жар горит луна и звезды блещут
Усиленным сиянием. Земля,
Покрытая пуховою порошей,
В ответ на их привет холодный кажет
Такой же блеск, такие же алмазы
С вершин дерев и гор, с полей пологих,
Из выбоин дороги прилощенной.
И в воздухе повисли те же искры,
Колеблются, не падая, мерцают.
И все лишь свет, и все лишь блеск холодный,
И нет тепла. Не так меня встречают
Счастливые долины юга, – там
Ковры лугов, акаций ароматы,
И теплый пар возделанных садов,
И млечное, ленивое сиянье
От матовой луны на минаретах,
На тополях и кипарисах черных.
Но я люблю полунощные страны,
Мне любо их могучую природу
Будить от сна и звать из недр земных
Родящую, таинственную силу,
Несущую беспечным берендеям
Обилье жит неприхотливых. Любо
Обогревать для радостей любви,
Для частых игр и празднеств убирать
Укромные кустарники и рощи
Шелковыми коврами трав цветных.
(Обращаясь к птицам, которые дрожат от холода.)

Товарищи: сороки-белобоки,
Веселые болтушки-щекотуньи,
Угрюмые грачи, и жаворонки,
Певцы полей, глашатаи весны,
И ты, журавль, с своей подружкой цаплей,
Красавицы лебедушки, и гуси
Крикливые, и утки-хлопотуньи,
И мелкие пичужки, – вы озябли?
Хоть стыдно мне а надо признаваться
Пред птицами. Сама я виновата,
Что холодно и мне, Весне, и вам.
Шестнадцать лет тому, как я для шутки
И теша свой непостоянный нрав,
Изменчивый и прихотливый, стала
Заигрывать с Морозом, старым дедом,
Проказником седым; и с той поры
В неволе я у старого. Мужчина
Всегда таков: немножко воли дай,
А он и всю возьмет, уж так ведется
От древности. Оставить бы седого,
Да вот беда, у нас со старым дочка –
Снегурочка. В глухих лесных тущобах,
В нетающих лядинах возвращает
Старик свое дитя. Любя Снегурку,
Жалеючи ее в несчастной доле,
Со старым я поссориться боюсь;
А он и рад тому – знобит, морозит

Меня, Весну, и берендеев. Солнце
Ревнивое на нас сердито смотрит
И хмурится на всех, и вот причина
Жестоких зим и холодов весенних.
Дрожите вы, бедняжки? Попляшите,
Согреетесь! Видала я не раз,
что пляскою отогревались люди.
Хоть нехотя, хоть с холоду, а пляской
Отпразднуем прилет на новоселье.
Одни птицы принимаются за инструменты, другие запевают, третьи пляшут.

Хор птиц

Сбирались птицы,
Сбирались певчи
Стадами, стадами.
Садилась птицы,
Садилась певчи
Рядами, рядами.
А кто у вас, птицы,
А кто у вас, певчи,
Большие, большие?
А кто у вас, птицы,
А кто у вас, певчи,
Меньшие, меньшие?
Орел – воевода,
Перепел – подьячий,
Подьячий, подьячий.
Сова – воеводша,
Желтые сапожки,
Сапожки, сапожки.
Гуси – бояре,
Утята – дворяне,
Дворяне, дворяне.
Чирята – крестьяне,
Воробьи – холопы,
Холопы, холопы.
Журавль у нас – сотник
С долгими ногами,
Ногами, ногами.
Петух – целовальник,
Чечет – гость торговый,
Торговый, торговый.
Ласточки-молодки –
Касатки девицы,
Девицы, девицы.
Дятел у нас – плотник,
Рыболов – харчевник,
Харчевник, харчевник.
Блинница цапля,
Кукушка кликуша,
Кликуша, кликуша.
Красная рожа
Ворона пригожа,
Пригожа, пригожа.
Зимой по дорогам,
Летом по застрехам,
Застрехам, застрехам.
Ворона в рогоже,
Нет ее дороже,
Дороже, дороже.
Из лесу на пляшущих птиц начинает сыпаться иней, потом хлопья снега, подымается ветер, – набегают тучи, закрывают луну, мгла совершенно застилает даль. Птицы с криком жмутся к Весне.

Весна-Красна

(птицам)

В кусты скорей, в кусты! Шутить задумал
Старик Мороз. До утра подождите,
А завтра вам растают на полях
Проталинки, на речке полыньи.
Погреетесь на солнышке немного,
И гнездышки начнете завивать.
Птицы уходят в кусты, из леса выходит Мороз.

Явление второе
Весна-Красна, Дед-Мороз

Мороз

Весна-Красна, здорово ли вернулась?
Весна

И ты здоров ли, Дед-Мороз?
Мороз

Спасибо,
Живется мне не худо. Берендеи
О нынешней зиме не позабудут,
Веселая была; плясало солнце
От холоду на утренней заре,
А к вечеру вставал с ушами месяц.
Задумаю гулять, возьму дубинку,
Повыясню, повысеребряю ночку,
Уж то-то мне раздолье и простор.
По богатым посадским домам
Колотить по углам,
У ворот верями скрипеть,
Под полозьями петь
Любо мне,
Любо, любо, любо.
Из леску по дорожке за возом воз,
На ночлег спешает скрипучий обоз.
Я обоз стерегу,
Я вперед забегу,
По край-поля, вдали,
На морозной пыли
Лягу маревом,
Средь полночных небес встану заревом.
Разольюсь я, Мороз,
В девяносто полос,
Разбегуся столбами, лучами несметными,
Разноцветными.
И толкуются столбы и спираются,
А под ними снега загораются,
Море свету-огня, яркого,
Жаркого,
Пышного;
Там сине, там красно, а там вишнево.
Любо мне,
Любо, любо, любо.
Еще злей я о ранней поре,
На румяной заре.
Потянулся к жильям из оврагов полянами,
Подкрадусь, подползу я туманами.
Над деревней дымок завивается,
В одну сторону погибается;
Я туманом седым
Заморожу дым.
Как он тянется,
Так останется,
По-над полем, по-над лесом,
Перевесом,
Любо мне,

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Любо, любо, любо.
Весна

Не дурно ты попировал, пора бы
И в путь тебе, на север.
Мороз

Не гони,
И сам уйду. Не рада старику,
Про старое скоренько забываешь.
Вот я, старик, всегда один и тот же.
Весна

У всякого свой нор и обычай.
Мороз

Уйду, уйду, на утренней заре,
По ветерку, умчусь к сибирским тундрам.
Я соболий треух на уши,
Я оленью доху на плечи,
Побрякушками пояс увешаю;
По чумам, по юртам кочевников,
По зимовкам зверовщиков
Заброжу, заброжу, зашаманствую,
Будут мне в пояс кланяться.
Владычество мое в Сибири вечно,
Конца ему не будет. Здесь Ярило
Мешает мне, и ты меня меняешь
На глупую породу празднлюбцев.
Лишь праздники считать да браги парить
Корчажные, да вари ведер в сорок
Заваривать медовые умеют.
Весеннего тепла у солнца просят.
Зачем – спроси? Не вдруг пахать возьмется,
Не лажена соха. Кануны править
Да бражничать, весняки петь, кругами
Ходить всю ночь с зари и до зари, –
Одна у них забота.
Весна

На кого же
Снегурочку оставишь?
Мороз

Дочка наша
На возрасте, без нянек обойдется.
Ни пешему, ни конному дороги
И следу нет в ее терем. Медведи
Овсянники и волки матерые
Кругом двора дозором ходят; филин
На маковке сосны столетней ночью,
А днем глухари вытягивают шеи,
Прохожего, захожего блюдут.
Весна

Тоска возьмет меж филинов и леших
Одной сидеть.
Мороз

А теремная челядь!
В прислужницах у ней на побегушках
Лукавая лисица-сиводушка,
Зайчата ей капустку добывают;
Чем свет бежит на родничок куница
С кувшинчиком; грызут орехи белки,
На корточках усевшись; горностайки
В приспешницах сенных у ней на службе.
Весна

Да все ж тоска, подумай, дед!
Мороз

Работай,
Волну пряди, бобровую опушкой
Тулупчик свой и шапки обшивай.
Строчи пестрей оленьи рукавички.
Грибы суши, бруснику да морошку
Про зимнюю бесхлебницу готовь;
От скуки пой, пляши, коль есть охота,
Чего еще?
Весна

Эх, старый! Девке воля
Милей всего. Ни терем твой точеный,
Ни соболи, бобры, ни рукавички
Строченные не дороги; на мысли
У девушки Снегурочки другое:
С людьми пожить; подружки нужны ей
Веселые да игры до полночи,
Весенние гулянки да горелки
С ребятами, покуда...
Мороз

Что покуда?
Весна

Покуда ей забавно, что ребята
Наперебой за ней до драки рвутся.
Мороз

А там?
Весна

А там полюбится один.
Мороз

Вот то-то мне и нелюбо.
Весна

Безумный
И злой старик! На свете все живое
Должно любить. Снегурочку в неволе
Не даст тебе томить родная мать.
Мороз

Вот то-то ты некстати горяча,
Без разума болтлива. Ты послушай!
Возьми на миг рассудка! Злой Ярило,
Палящий бог ленивых берендеев,
В угоду им поклялся страшной клятвой
Губить меня, где встретит. Топит, плавит
Дворцы мои, киоски, галереи,
Изящную работу украшений,
Подробностей мельчайшую резьбу,
Плоды трудов и замыслов. Поверишь,
Слеза проймет. Трудись, корпи, художник,
Над лепкою едва заметных звезд –
И прахом все пойдет. А вот вчера
Из-за моря вернулась птица-баба,
Уселась на полынье широкой
И плачется на холод диким уткам,
Ругательски бранит меня. А разве
Моя вина, что больно тороплива,
Что с теплых вод, не заглянувши в святцы,
Без времени, пускается на север.
Плела-плела, а утки гоготали,

Ни дать ни взять в торговых банях бабы;
И что же я подслушал! Между сплетень
Такую речь сболтнула птица-баба, –
Что, плавая в заливе Ленкоранском,
В Гилянских ли озерах, уж не помню,
У пьяного оборвыша факира
И солнышко горячий разговор
Услышала о том, что будто Солнце
Сбирается губить Снегурку; только
И ждет того, чтоб заронить ей в сердце
Лучом своим огонь любви; тогда
Спасения нет Снегурочке, Ярило
Сожжет ее, испепелит, растопит.
Не знаю как, но умертвит. Доколе ж
Младенчески чиста ее душа,
Не властен он вредить Снегурке.
Весна

Полно!
Поверил ты рассказам глупой птицы!
Недаром же ей кличка – баба.
Мороз

Знаю
Без бабы я, что злой Ярило мыслит.
Весна

Отдай мою Снегурочку!
Мороз

Не дам!
С чего взяла, чтоб я такой вертушке
Поверил дочь?
Весна

Да что ж ты, красноносый,
Ругаешься!
Мороз

Послушай, помиримся!
Для девушки присмотр всего нужнее
И строгий глаз, да не один, а десять.
И некогда тебе, и неохота
За дочью приглядывать, так лучше
Отдать ее в слободку Бобылю
Бездетному, на место дочки. Будет
Заботы ей по горло, да и парням
Корысти нет на бобылеву дочку
Закидывать глаза. Согласна ты?
Весна

Согласна, пусть живет в семье бобыльской;
Лишь только бы на воле.
Мороз

Дочь не знает
Любви совсем, в ее холодном сердце
Ни искры нет губительного чувства;
И знать любви не будет, если ты
Весеннего тепла томящей неги,
Ласкающей, разымчивой...
Весна

Довольно!
Покличь ко мне Снегурочку.
Мороз

Снегурка,

Снегурушка, дитя мое!
Снегурочка

(выглядывает из лесу)

Ау!
(Подходит к отцу.)

Явление третье
Весна, Мороз, Снегурочка, потом Леший.

Весна

Ах, бедная Снегурочка, дикарка,
Поди ко мне, тебя я приголублю.
(Ласкает Снегурочку.)

Красавица, не хочешь ли на волю?
С людьми пожить?
Снегурочка

Хочу, хочу, пустите!
Мороз

А что манит тебя покинуть терем
Родительский, и что у берендеев
Завидного нашла?
Снегурочка

Людские песни.
Бывало я, прижавшись за кустами
Колючими, гляжу не наглажуся
На девичьи забавы. Одинокой
Взгрустнется мне, и плачу. Ах, отец,
С подружками по алию малину,
По черную смородину ходить,
Аукаться; а зорькою вечерней
Круги водить под песни, – вот что мило
Снегурочке. Без песен жизнь не в радость.
Пусти, отец! Когда, зимой холодной,
Вернешься ты в свою лесную глушь,
В сумеречки тебя утешу, песню
Под наигрыш метели запою
Веселую. У Леля перейму
И выучусь скорехонько.
Мороз

А Леля
Узнала ты откуда?
Снегурочка

Из кусточка
Ракитова; пасет в лесу коровок
Да песенки поет.
Мороз

Почем же знаешь,
Что это Лель?
Снегурочка

К нему девицы ходят
Красавицы, и по головке гладят,
В глаза глядят, ласкают и целуют.
И Лелюшкой и Лелем называют,
Пригоженьким и миленьким.
Весна

А разве

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Пригожий Лель горазд на песни?
Снегурочка

Мама,
Слыхала я на жаворонков пенье,
Дрожащее над нивами, лебяжий
Печальный клич над тихими водами,
И громкие раскаты соловьев,
Певцов твоих любимых; песни Леля
Милее мне. И дни и ночи слушать
Готова я его пастушьи песни.
И слушаешь, и таешь...
Мороз

(Весне)

Слышишь: таешь!
Ужасный смысл таится в этом слове.
Из разных слов, придуманных людьми,
Страшней всего Морозу слово: таять.
Снегурочка, беги от Леля, бойся
Речей его и песен. Ярым солнцем
Пронизан он насквозь. В полдневный зной,
Когда бежит от Солнца все живое
В тени искать прохлады, гордо, нагло
На припеке лежит пастух ленивый,
В истоме чувств дремотной подбирает
Лукавые заманчивые речи,
Коварные обманы замышляет
Для девушек невинных. Песни Леля
И речь его – обман, личина, правды
И чувства нет под ними, то лишь в звуки
Одетые палящие лучи.
Снегурочка, беги от Леля! Солнца
Любимый сын-пастух, и так же ясно,
Во все глаза, бесстыдно, прямо смотрит,
И так же зол, как Солнце.
Снегурочка

Я, отец,
Послушное дитя; но ты уж очень
Сердит на них, на Леля с Солнцем; право,
Ни Леля я, ни Солнца не боюсь.
Весна

Снегурочка, когда тебе взгрустнется,
Иль нужда в чем, – девицы прихотливы,
О ленточке, о перстенечке плакать
Серебряном готовы, – ты приди
На озеро, в Ярилину долину,
Покличь меня. Чего б ни попросила,
Отказу нет тебе.
Снегурочка

Спасибо, мама,
Красавица.
Мороз

Вечернею порой
Гуляючи, держися ближе к лесу,
А я отдам приказ тебя беречь.
Ау, дружки! Лепетушки, Лесовые!
Заснули, что ль? Проснитесь, отзовитесь
На голос мой!
В лесу голоса леших.

Ау, ау!
Из сухого дупла вылезает Леший, лениво дотягиваясь и зевая.

Леший

Ау!
Мороз

Снегурочку блюдите! Слушай, Леший,
Чужой ли кто, иль Лель-пастух пристанет
Без отступа, аль силой взять захочет,
Чего умом не может: заступись.
Мани его, толкай его, запутай
В лесную глушь, в чашу; засунь в чепыжник,
Иль по пояс в болото втисни.
Леший

Ладно.
(Складывает над головой руки и проваливается в дупло.)

Вдали слышны голоса.
Весна

Валит толпа веселых берендеев.
Пойдем, Мороз! Снегурочка, прощай!
Живи, дитя, счастливо!
Снегурочка

Мама, счастья
Найду иль нет, а поищу.
Мороз

Прощай,
Снегурочка, дочурка! Не успеют
С полей убрать снопов, а я вернусь.
Увидимся.
Весна

Пора бы гнев на милость
Переменить. Уйми метель! Народом
Везут ее, толпами провожают
Широкою...
(Уходит.)

Вдали крики: «честная Масленица!» Мороз, уходя, машет рукой; метель унимается, тучи убегают. Ясно, как в начале действия. Толпы берендеев: одни подвигают к лесу сани с чучелой Масленицы, другие стоят поодаль.

Явление четвертое
Снегурочка, Бобыль, Бобылиха и берендеи.

1-й хор берендеев

(везущих Масленицу)

Раным-рано куры запели,
Про весну обвестили.
Прощай, Масленица!
Сладко, воложно нас кормила,
Суслom, бражкой поила.
Прощай, Масленица!
Пито, гуляно было вволю,
Пролило того боле.
Прощай, Масленица!
Мы зато тебя обрядили
Рогозиной, рединой.
Прощай, Масленица!
Мы честно тебя проводили,
На дровнях волочили.
Прощай, Масленица!

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Завезем тебя в лес подале,
Чтоб глаза не видали.
Прощай, Масленица!
(Подвинув санки в лес, отходят.)

2-й хор

Честная Масленица!
Веселенько тебя встречать, привечать,
Трудно-нудно со двора провожать.
Уж и как нам тебя вертать, ворочать?
Воротись, Масленица, воротись!
Честная Масленица!
Воротись хоть на три денечка!
Не воротись на три денечка,
Воротись к нам на денечек!
На денечек, на малый часочек!
Честная Масленица!
1-й хор

Масленица-мокрохвостка!
Поезжай долой со двора,
Отошла твоя пора!
У нас с гор потоки,
Заиграй овражки,
Выверни оглобли,
Налаживай соху!
Весна-Красна,
Наша ладушка пришла!
Масленица-мокрохвостка!
Поезжай долой со двора,
Отошла твоя пора!
Телеги с повети,
Улья из клетки.
На повесть санки!
Запоем веснянки!
Весна-Красна,
Наша ладушка пришла!
2-й хор

Прощай, честная Маслена!
Коль быть живым, увидимся.
Хоть год прождать, да ведать-знать,
Что Маслена придет опять.
Чучело Масленицы

Минует лето красное,
Сгорят огни купальные.
Пройдет и осень желтая
С снопом, с скирдом и с братниной.
Потемки, ночи темные,
Карачуна проводите.
Тогда зима изломится,
Медведь переверотится,
Придет пора морозная,
Морозная-Колядная:
Овсень-коляду кликати.
Мороз пройдет, метель найдет.
Во вьюгах с перевеями
Прибудет день, убудет ночь.
Под крышами, застрехами
Воробки зашевелиются.
Из лужицы, из наледи
Напьется кочет с курами.
К пригреву, на завалинки
С ледяными сосульками
Из изб ребята высыпят.
На солнышке, на припеке,

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Коровий бок нагреется.
Тогда и ждать меня опять.
(Исчезает.)

Бобыль хватается за пустые сани, Бобы лиха – за Бобыля.

Бобылиха

Пойдем домой!
Бобыль

Постойте! Как же это?
Неужто вся она? Кажись бы, мало
Погуляно и попито чужого.
Чуть только я маленько разгулялся,
Голодная утробушка чуть-чуть
Заправилась соседскими блинами,
Она и вся – прикончилась. Печаль
Великая, несносная. Как хочешь
Живи теперь да впроголодь и майся
Без Масленой. А можно ль бобылю?
Никак нельзя. Куда тебе деваться,
Бобыльская хмельная голова?
(Поет и пляшет.)

У Бакула бобыля
Ни кола, ни двора,
Ни кола, ни двора,
Ни скота, ни живота.
Бобылиха

Домой пора, бесстыжий, люди смотрят.
Берендеи

Не тронь его!
Бобылиха

Шатался всю неделю;
С чужих дворов нейдет, – своя избенка
Нетоплена стоит.
Бобыль

Аль дров не стало?
Бобылиха

Да где ж им быть? Они не ходят сами
Из лесу-то.
Бобыль

Давно бы ты сказала.
Не скажет ведь, такая, право... Я бы..
Топор со мной, охапки две нарубим
Березовых, и ладно. Подожди!
(Идет в лес и видит Снегурочку, кланяется и смотрит несколько времени с
удивлением. Потом возвращается к жене и манит ее в лес.)

В это время Снегурочка отходит и из-за куста смотрит на берендеев, на ее место у
дупла садится Леший.

(Бобылихе.)

Смотри, смотри! Боярышня.
Бобылиха

Да где?
(Увидав лешего.)

Ах, чтоб тебя! Вот невидаль какая.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
(Возвращаясь.)

У! пьяница! Убила бы, кажись.
Снегурочка опять возвращается на свое место. Леший уходит в лес.

Один берендей

Да что у вас за споры?
Бобыль

Поглядите!
Диковина, честные берендеи.
Все подходят к дуплу.

Берендеи

(с удивлением)

Боярышня! Живая ли? Живая.
В тулупчике, в сапожках, в рукавичках.
Бобыль

(Снегурочке)

Дозволь спросить, далеко ль держишь путь
И как зовут тебя и величают?
Снегурочка

Снегурочкой. Куда идти, не знаю.
Коль будете добры, с собой возьмите.
Бобыль

К царю отвесть прикажешь, к Берендею
Премудрому в палаты?
Снегурочка

Нет, у вас
В слободке, я пожить хочу.
Бобыль

Спасибо
На милости! А у кого ж?
Снегурочка

Кто первый
Нашел меня, тому и буду дочкой.
Бобыль

Да точно ль так, да вправду ли ко мне?
Снегурочка кивает головою.
Ну, чем же я, Бакула, не боярин!
Вались, народ, на мой широкий двор,
На трех столбах да на семи подпорках!
Пожалуйте, князья, бояре, просим.
Несите мне подарки дорогие
И кланяйтесь, а я ломаться буду.
Бобылиха

И как это, живешь-живешь на свете,
А все себе цены не знаешь, право.
Возьмем, Бобыль, Снегурочку, пойдем!
Дорогу нам, народ! Посторонитесь.
Снегурочка

Прощай, отец! Прощай и мама! Лес,
И ты прощай!
Голоса из лесу

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Прощай, прощай, прощай!
Деревья и кусты кланяются Снегурочке. Берендеи в ужасе убегают, Бобыль и Бобылиха уводят Снегурочку.

действие первое
ЛИЦА:

Девушка – Снегурочка.

Бобыль Бакула.

Бобылиха.

Лель, пастух.

Мураш, богатый слобожанин.

Купава, молодая девушка, дочь Мураша.

Мизгирь, торговым гость из посада Берендеева.

Радушка, Малуша } слободские девушки.

Брусило, Малыш, Курилка, Бирюч } парни.

Слуги Мизгиря.

Слобожане: старики, старухи, парни и девки.

Заречная слободка Берендеевка; с правой стороны бедная изба Бобыля с пошатнувшимся крыльцом; перед избой скамья; с левой стороны большая, разукрашенная резьбой изба Мураша; в глубине улица; через улицу хмельник и пчельник Мураша; между ними тропинка к реке.

Явление первое

Снегурочка сидит на скамье перед домом Бобыля и прядет. Из улицы идет Бирюч, надевает шапку на длинный шест и поднимает высоко; со всех сторон сходятся слобожане. Бобыль и Бобылиха выходят из дому.

Бирюч

Слушайте, послушайте,
Государевы люди,
Слободские берендеи!
По царскому нацзу,
Государеву приказанью,
Старому, исконному обычью,
Собиратися вам на завтрее
На вечерней на зорюшке,
Теплой, тихой, погодливой,
В государев заповедный лес,
На гульбище, на игрище, на позорище
Венки завивать,
Круги водить, играть-тешиться
До ранней зорьки, до утренней.
Напасены про вас, наготовлены
Пива-браги ячные,
Старые меды стоялые.
А на ранней заре утренней
Караулить, встречать солнце восхожее,
Кланяются Ярилу светлому.
(Снимает шапку с шеста, кланяется на все четыре стороны, и уходит.)

Слобожане расходятся. Бобыль и Бобылиха подходят к Снегурочке и смотрят на нее, качая головами.

Бобыль

Хе-хе, хо-хо!
Бобылиха

Ахти, Бобыль Бакула!
Бобыль

Хохонюшки!
Бобылиха

На радость взяли дочку,
Все ждем-пождем, что счастье поплывет.
Поверил ты чужому разговору,
что бедному приемеши на счастье,
да вот и плачь – достался курам на смех
Под старость лет.
Бобыль

Скудаться нам до веку,
Таскать кошель на плечах на роду
Написано. За что Бобыль Бакула
Ни хватится, ничто ему не впрок.
Нашел в лесу девичку – мол, подспорье
В сиротский дом беру, – не тут-то было:
Ни на волос не легче.
Снегурочка

Сам ленив,
Так нечего пенять на бедность. Бродишь
Без дела день-деньской, а я работы
не бегаю.
Бобыль

Да что твоя работа!
Кому нужна? От ней богат не будешь,
А только сыт; так можно, без работы,
кусочками мирскими прокормиться.
Бобылиха

Помаялись, нужда потеряла плечи,
Пора бы нам пожить и в холе.
Снегурочка

Кто же
мешает вам? живите.
Бобыль

Ты мешаешь.
Снегурочка

Так я уйду от вас. Прощайте!
Бобылиха

Полно!
Живи себе! Да помни и об нас,
Родителях названных! Мы не хуже
Соседей бы пожить умели. Дай-ко
Мошну набить потолок, так увидишь:
Такую-то взбодрю с рогами кичу,
что только ах, да прочь поди.
Снегурочка

Откуда ж
Богатству быть у девушки-сиротки?
Бобылиха

Краса твоя девичья то ж богатство.
Бобыль

Богатства нет, за ум возьмись. Недаром
Пословица, что ум дороже денег.
С огнем ищи по свету, не найдешь
Счастливее тебя: от свах и сватов
Отбою нет, пороги отоптали.
Житье-то бы, жена!
Бобылиха

Ну, что уж! Было,
Да мимо рта прошло.
Бобыль

А парни наши
С ума сошли; оравами, стадами
Без памяти кидались за тобой,
Покинули невест, перебранились,
Передрались из-за тебя. Жена,
Житье-то бы!
Бобылиха

Не говори, Бакула,
Не огорчай! В руках богатство было.
А хватать-похватать, меж пальцами ушло.
Бобыль

И всех-то ты отвадила суровым,
Неласковым обычаем своим.
Снегурочка

Зачем они гонялись вслед за мною,
За что меня покинули, не знаю.
Напрасно ты зовешь меня суровой.
Стыдлива я, смирна, а не сурова.
Бобыль

Стыдлива ты? Стыдливость-то к лицу
Богатенькой. Вот так всегда у бедных:
Что надо – нет, чего не надо – много.
Иной богач готов купить за деньги
Для дочери стыдливости хоть малость,
А нам она не ко двору пришла.
Снегурочка

Чего же вы, завистливые люди,
От девочки Снегурочки хотите?
Бобыль

Приваживай, ласкай ребят.
Снегурочка

А если
Не по сердцу придется?
Бобыль

Поневолься,
Не по сердцу, а парня ты мани,
А он прильнет и не отстанет, будет
Похаживать.
Бобылиха

Да матери подарки
Понашивать.
Бобыль

Отца медком да бражкой
Попаивать. Уж долго ль, коротко ли
Поводится с тобой, а нам барыш.

Соскучишься с одним, поприглядится,
Повытрясет кису, мани другого,
Поманивай!
Бобылиха

А мне опять подарки.
Бобыль

А мне медок да бражка с хохолком.
Что день, то пир, что утро, то похмелье, –
Вот самое законное житье!
Снегурочка

Моя беда, что ласки нет во мне.
Толкуют все, что есть любовь на свете,
что девушке любви не миновать;
А я любви не знаю; что за слово
«Сердечный друг» и что такое «милый»,
Не ведаю. И слезы при разлуке,
И радости при встрече с милым другом
У девушек видала я; откуда ж
Берут они и смех и слезы, – право,
Додуматься Снегурочка не может.
Бобыль

Беды тут нет, что ты любви не знаешь,
Пожалуй, так и лучше.
Бобылиха

Вот уж правда!
Полюбится на грех бедняк, и майся
Всю жизнь, как я с Бакулой Бобылем.
Бобыль

Ребята все равно тебе не милы –
И всех ласкай равно; да на досуге –
Присматривай, который побогаче,
да сам – большой, без старших, бессемейный.
А высмотришь, так замуж норови.
Да так веди, чтоб Бобылю Бакуле
На хлебах жить, в чести у зятя.
Бобылиха

Теще
Хозяйкой быть над домом и над вами.
Снегурочка

Коль правда то, что девку не минует
Пора любви и слез по милом, ждите,
Придет она.
Бобыль

Ну, девка.
За сценой пастуший рожок.
Бобылиха

чу, рожок!
Пригнал пастух скотину. Нет своих,
Хоть на чужих коровок люблюсь.
(Уходит.)

Входят Лель и один из берендеев-слобожан и подходят к избе Мураша. Мураш сходит с крыльца.

Явление второе
Бобыль, Снегурочка, Лель, Мураш, берендей.

Берендей

Куда его вести? Черед за нами.
Мураш

Не надо мне.
Берендей

И мне ведь не корысть.
Мураш

А вон Бобыль! Сведем к нему!
Лель

(низко кланяясь)

Да что вы,
Родимые, как словно от чумы,
Хоронитесь от пастуха?
Мураш

Поди-ко,
Поклонами обманывай других,
А мы тебя, дружка, довольно знаем,
Что бережно, то цело, говорят.
Подходят к Бобылю.

Берендей

(Лелю)

Иди к нему, ночуй у Бобыля!
Бобыль

Какая есть моя возможность? Что ты?
Забыл аль нет, что миром порешили
Освободить меня от всех накладов,
По бедности моей сиротской? Что ты!
Мураш

Накладу нет с тебя, отправь постой!
Бобыль

Пужинать запросит? Сам не евши
Который день, а пастуха корми!
Мураш

Об ужине и слова нет, накормим;
А твой ночлег, тебе убытку нет.
Бобыль

Освободить нельзя ли, братцы?
Лель

(кланяясь)

Дядя,
Пусти меня!
Бобыль

Диви б жалели хлеба,
А места он не пролежит у вас.
Берендей

Да видишь, тут такое вышло дело:
Сомнительно пускать-то Леля, – дочка
На возрасте, на выданье у свата.
(Показывая на Мураша.)

У свата дочь, а у тебя?
Мураш

(показывая на берендея)

Жена
Красавица, да часом малодушна.
Избавь-ко нас от Леля и напредки,
За наш черед пускай к себе. Заплатим,
Кажись, рубля не жаль.
Бобыль

И есть за что,
Да вот что, друг, и у меня капуста,
Пустить козла и мне не прибыль.
Мураш

Полно,
Чего тебе бояться? Не похожа
Снегурочка на наших баб и девок.
Бобыль

Куда ни шло, останься, Лель.
Мураш

Спасибо,
Сторгуемся, не постоим, заплатим.
Мураш и берендей уходят.
Лель

(Бобылю)

За ласковый прием, за теплый угол
Пастух тебе заплатит добрым словом
Да песнями. Прикажешь, дядя, спеть?
Бобыль

До песен я не больно падох, девкам
Забава та мила, а Бобылю
Ведерный жбан сладимой, ячной браги
Поставь на стол, так будешь друг. Коль хочешь,
Играй и пой Снегурочке; но даром
Кудрявых слов не трать, – скупа на ласку.
У ней любовь и ласка для богатых,
А пастуху: «спасибо да прощай!»
(Уходит.)

Явление третье
Снегурочка, Лель.

Лель

Прикажешь петь?
Снегурочка

Приказывать не смею,
Прошу тебя покорно. Слушать песни
Одна моя утеха. Если хочешь,
Не в труд тебе, запой! А за услугу
Готова я служить сама. Накрою
Кленовый стол ширинкой браной, стану
Просить тебя откусать хлеба-соли,
Покланяюсь, попотчую; а завтра
На солнечном восходе разбужу.
Лель

Не стою я твоих поклонов.
Снегурочка

Чем же
Платить тебе за песни?
Лель

Добрым словом,
Приветливым.
Снегурочка

Какая ж это плата?
Со всеми я приветлива.
Лель

За песни
Не платы жду. Мальчонка-пастушонка
Убогого за песню приголубят
Поласковой, когда и поцелуют.
Снегурочка

За поцелуй поешь ты песни? Разве
Так дорог он? При встрече, при прощанье
Целуюсь я со всяким, – поцелуй
Такие же слова: «прощай» и «здравствуй»!
Для девушки споешь ты песню, платит
Она тебе лишь поцелуем; как же
Не стыдно ей так дешево платить,
Обманывать пригоженького Леля!
Не пой для них, для девушек, не знают
Цены твоим веселым песням. Я
Считаю их дороже поцелуев
И целовать тебя не стану, Лель.
Лель

Сорви цветок с травы и подари
За песенку, с меня довольно.
Снегурочка

Шутишь,
Смеешься ты. На что тебе цветочек?
А нужен он, и сам сорвешь.
Лель

Цветок
Не важность есть, а дорог мне подарок
Снегурочки.
Снегурочка

К чему такие речи?
Зачем меня обманываешь, Лель?
Не все ль равно, где б ни взял ты цветочек, –
Понюхаешь и бросишь.
Лель

Вот увидишь,
Давай его!
Снегурочка

(подавая цветок)

Возьми!
Лель

На видном месте
Приткну его. Пусть девки смотрят. Спросят,
Откуда взял, скажу, что ты дала.
(Поет.)

Земляничка-ягодка
Под кусточком выросла;
Сиротинка-девушка
На горе родилась,
Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка,
Без пригреву вызрела,
Сиротинка-девушка
Без призору выросла,
Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка
Без пригреву вызябнет,
Сиротинка-девушка
Без привету высохнет.
Ладо, мое Ладо!

Снегурочка, почти плача, кладет свою руку на плечо Леля. Лель вдруг запекает весело:

Как по лесу лес шумит,
За лесом пастух поет,
Раздолье мое!
Ельничек мой, ельничек,
Частый мой березничек,
Приволье мое!
По частым по кустикам,
По малой тропиночке
Девушка бежит.
Ой, бежит, торопится,
Два венка с собой несет –
Себе да ему.
Студеной колодезь мой,
По мхам, по болотинкам
Воды не разлей.
Не мешай по тропочкам,
По стежкам-дороженькам
Девушке бежать.
Не шуми, зеленый лес,
Не шатайтесь, сосенки,
Во чистом бору!
Не качайтесь, кустики,
Не мешайте девушке
Два слова сказать.
Две девушки издали манят Леля. Он вынимает цветок, данный Снегурочкой, и бросает, и идет к девушкам.

Снегурочка

Куда бежишь? Зачем цветок бросаешь?
Лель

На что же мне завялый твой цветок!
Куда бегу? Смотри, вон села птичка
На деревце! Немножко попоет
И прочь летит; удержишь ли ее?
Вон, видишь, ждут меня и ручкой манят.
Побегаем, пошутим, посмеемся,
Пошепчемся у тына под шумок,
От матушек сердитых потихоньку.
(Уходит.)

Явление четвертое
Снегурочка – одна.

Снегурочка

Как больно здесь, как сердцу тяжело стало!
Тяжелой обидой, словно камнем,

На сердце пал цветок, измятый Лелем
и брошенный. И я как будто тоже
Покинута и брошена, завяла
От слов его насмешливых. К другим
Бежит пастух; они ему милее;
Звучнее смех у них, теплее речи,
Податливей они на поцелуй;
Кладут ему на плечи руки, прямо
В глаза глядят и смело, при народе,
В объятиях у Леля замирают.
Веселье там и радость.
(Прислушивается.)

чу! смеются.

А я стою и чуть не плачу с горя,
Досаую, что Лель меня оставил.
А как винить его! Где веселее,
Туда его и тянет сердце. Прав
Пригожий Лель. Беги туда, где любят,
Ищи любви, ее ты стоишь. Сердце
Снегурочки, холодное для всех,
и для тебя любовью не забьется.
Но отчего ж обидно мне, досада
Сжимает грудь, томительно-тоскливо
Глядеть на вас, глядеть на вашу радость,
Счастливые подружки пастуха?
Отец-Мороз, обидел ты Снегурку.
Но дело я поправлю: меж безделок,
Красивых бус, дешевых перстеньков
У матери-Весны возьму немного,
Немножечко сердечного тепла,
Чтоб только лишь чуть теплилось сердечко.
На улице показываются Малуша, Радушка, Малыш, Брусило, Курилка, Лель и другие
парни и девушки, потом Купава. Парни с поклоном подходят к девушкам.

Явление пятое

Снегурочка, Купава, Малуша, Радушка, Малыш, Брусило, Курилка, Лель и берендеи.

Малуша

(парням)

Оставьте нас! Подите подлещайтесь
К Снегурочке своей!
Радушка

(Брусилу)

Не подходи,
Бесстыжие глаза твои!
Брусило

Доколе ж
Томится нам, скажите!
Курилка

Порешите
Хоть чем-нибудь!
Радушка

К Снегурочке подите!
Сменяли раз подруг своих заветных
На новую, так веры нет.
Малуша

Найдите
Получше нас, коль мы нехороши.
Брусило

А если нам от новой взятки гладки,
Куда ж тогда?
Радушка

Не плакать же об вас.
Брусило

Уж каялись; не век же распинаться;
Пора забыть про старое.
Радушка

Не вдруг
Забудем мы, не дожидайтесь.
(Малуше.)

Прямо
В глаза тебе смеются, вынимают
Ретивое из белой груди, после
И ласться, как путные робята:
Мол, так пройдет, как будто ничего,
Забудется.
Малуша

Ни в жизнь не позабудем.
Брусило

Покорствуем, повинную приносим,
А жалости не видим над собой.
Радушка

Умри в глазах, и то не пожалею.
Брусило

Все дело врозь да надвое.
Курилка

Ау!
Хоть волком вой.
Брусило

А врозь, так врозь; и сами
Столкнутся без нас, на мировую
Потянутся.
Радушка

Слепой сказал: посмотрим.
Девушки и парни расходятся в разине стороны.

Купава

(подходя к Снегурочке)

Снегурочка, одна стоишь, бедняжка!
Оставили тебя, забыли парни,
Хоть Леля бы ласкала.
Снегурочка

Лель не любит
Скучать со мной, ему веселья нужно,
Горячих ласк, а я стыдлива.
Купава

Я-то,
Снегурочка, а я-то как счастлива!
От радости и места не найду,
Вот так бы я ко всякому на шею
И кинулась, про радость рассказала,

Да слушать-то не все охочи. Слушай,
Снегурочка, порадуйся со мной!
Сбирала я цветы на Красной горке,
Навстречу мне из лесу молодец,
Хорош-пригож, румяный, круглолицый,
Красен, кудряв, что маковый цветок.
Сама суди, не каменное сердце,
Без милого не проживешь, придется
Кого-нибудь любить, не обойдешься.
Так лучше уж красавца, чем дурного.
Само собой, по скромности девичьей,
Стараешься ретивое сердечко
Удерживать немного; ну, а все же
На всякий час не спасешься. Парень
Пригож собой, жениться обещает,
Да так-то скор, да так-то скор, что, право,
Скружит совсем, ума не соберешь.
Ну что и как... уж долго ль, коротко ли,
А только мы сдружились. Он богатый
Отецкий сын, по имени Мизгирь,
Торговый гость из царского посада.
Родители мои, конечно, рады
Моей судьбе; а он уж так-то клялся
В Ярилин день, на солнечном восходе,
В глазах царя венками обменяться
И взять меня женой, тогда прощайте.
В его дому, в большом посаде царском,
На всем виду, богатою хозяйкой
Забарствую. Сегодня мой Мизгирь
Приедет к нам в слободку спознаваться
С девицами и парнями. Увидишь,
Порадуйся со мной!
Снегурочка ее целует.
Повеселимся.
Круги водить пойдем на Красной горке.
Да вот и он!
(Бежит и прячется между девушек.)

Входит Мизгирь, за ним двое слуг с мешками. Снегурочка прядет.

Явление шестое

Снегурочка, Купава, Малуша, Радушка, Мизгирь, Малыш, Брусило, Курилка, Лель,
слуги Мизгирия и берендеи.

Купава

Голубушки-девицы,
Пришел красы девичьей погубитель,
С подружками, с родными разлучитель.
Не выдайте подружку, схороните!
А выдайте, так за великий выкуп.
Мизгирь

(учтиво кланяясь)

Красавицы-девицы, между вами
Не прячется ль красавица Купава?
Радушка

Красавица Купава нам, девицам,
Самим нужна. Отдать, так не с кем будет
Круги водить, и вечера сидеть,
И тайности девичьи говорить.
Мизгирь

Красавицы, подружка вам нужна,
А мне нужней. Один-один гуляю,
Хозяйки нет: кому я золотые

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Ключи отдам от кованных ларцов?

Радушка

(девушкам)

Отдать иль нет?

Малуша

Не отдавай подружку,
У нас еще и песни не допеты,
И игры мы не доиграли с ней.
Мизгирь

Красавицы, подружка вам нужна,
А мне нужней того. Сиротским делом
Кому ласкать меня, лелеять, нежить,
Кому чесать и холить кудри русы?
Радушка

Отдать иль нет подружку?

Малуша

Разве выкуп
Великий даст.
Радушка

Рублем или полтиной,
А жаль рубля, хоть золотою гривной
Дари девиц, Купаву отдадим.
Мизгирь

Не жаль для вас ни гривны, ни полтины,
Не жаль рубля девицам подарить.
(Берет у слуги из мешка деньги и раздает девушкам.)

Орехов вам и пряников печатных
Корабль пришел.
(Отдает мешок с орехами и пряниками.)

Парни окружают Купаву.

Малыш

Не вдруг возьмешь Купаву.
Без выкупа не отдадим. Ребята,
Горой стоять! Не выдавайте даром!
А то у нас всех девок поберут,
А нам самим в слободке недостача.
Мизгирь

К девицам я и лаской и приветом,
А с вами речь иную поведу;
Отсыплю вам – давайте берендейку –
Пригоршни две, и разговор короток.
Малыш подставляет шапку-берендейку, Мизгирь сыплет две пригоршни и берет
Купаву.

Купава

Сердечный друг, свою девичью волю,
Подруг, родных, на милого дружка
Сменяла я; не обмани Купаву,
Не погуби девического сердца.
Отходят и садятся на крыльце избы Мураша.

Брусило

Однако нам Мизгирь в глаза смеется.

Ну, братцы, жаль, не на меня напал!
Не очень-то со мной разговоришься.
Не стал бы я терпеть обидных слов,
Своих ребят чужому-чуженину
Не выдал бы на посмеянье.
Малыш

Ой ли?
А что ж бы ты?
Брусило

Да не тебе чета.
Уж, кажется...
(Засучивает рукава.)

Малыш

Начни, а мы посмотрим.
Брусило

Крутенек я и на руку тяжел.
Уж лучше вы меня свяжите, братцы,
чтоб не было беды какой.
Малыш

Смотри,
Коль сунешься, не пяться.
Брусило

Невозможно,
Попотчую, небитым из слободки
Не выпущу. Курилка, задирай!
Курилка

(Мизгирю)

Эй ты, Мизгирь, послушай, брат, робята
Обиделись.
Мизгирь

(встает с крыльца)

На что?
Курилка

На грубость.
Мизгирь

Будто?
Курилка

Уж верно так.
Мизгирь

(подходя к Курилке)

А ты обижен тоже?
Ну, что ж молчишь!
Курилка

Да я-то ничего.
Мизгирь

Так прочь поди; да поумней пошлите
кого-нибудь.
Курилка

А я небось дурак,

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
по-твоему?
Мизгирь

Дурак и есть.
Курилка

За дело ж
Сбирается тебя побить Брусило.
Мизгирь

Брусило? Где? Какой такой? Кажите!
Давай его!
Малыш

(удерживает Брусилу)

Куда же ты? Пстой!
Мизгирь

Брусило ты! Поди сюда поближе!
Брусило

(парням, которые его подталкивают)

Да полно вам!
(Мизгирию.)

Не слушай, государь!
Известно, так дурачимся, для шутки,
Промеж себя.
Радушка

Эх, горе-богатырь!
Да так тебе и надо.
Малуша

Ништо им!
У них в глазах и нас возьмут чужие.
Курилка

А мы пойдем за девками чужими.
Радушка

А мы об вас и думать позабыли.
Девки и парни расходятся врозь.
Купава

(парням)

Не стыдно ль вам? К девице-слобожанке
Жених пришел, его приветить нужно;
А вы на брань и драку лезть готовы.
Малыш

Брусило здесь зажига.
Брусило

Непорядок –
Чужих ребят пускать в слободку. Сами
Вспокаетесь, – останемся без девок,
Купаву взять и без него умели б.
Купава

Умел бы ты, да я-то не умею
Любить тебя, вот горе.
(Девушкам.)

Запевайте,

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Подруженьки, веселую погромче!
Пойдем в лужок да заведем кружок!
Девушки запевают: «Ай во поле липонька» – и уходят; парни за ними, поодаль. Лель садится подле Снегурочки и оплетает рожок берестой. Купава с Мизгирем подходят к Снегурочке.

Купава

Снегурочка, потешь свою подружку
В последний раз, в останешний, – пойдем
Круги водить, играть на Красной горке.
Не долго мне резвиться-веселиться,
Последний день моей девичьей воли,
Снегурочка, последний.
Снегурочка

Я, Купава,
Иду с тобой, возьмем и Леля. Пряжу
Снесу домой и побегу за вами.
(Уходит в избу.)

Купава

(Мизгирю)

Сердечный друг, пойдем! Они догонят.
Мизгирь

Постой, постой!
Купава

Девицы за слободкой
Полком стоят и ждут.
Мизгирь

Твоя подружка
Снегурочка; а Лель у вас при чем?
Снегурочка выходит, за ней Бобыль и Бобылиха.

явление седьмое
Снегурочка, Купава, Мизгирь, Лель, Бобыль, Бобылиха.

Купава

Снегурочке без Леля будет скучно.
Мизгирь

Да правда ли? Не веселей ли будет
Снегурочке со мной идти?
Купава

А я-то?
Мизгирь

А ты возьми хоть Леля.
Купава

Как же, милый?
Ведь я твоя, твоя; одна могила
Разлучит нас.
Мизгирь

Пойдешь ли ты, иль нет,
А я останусь здесь.
Бобыль

Покорно просим.
Купава

Закрой сперва сыпучими песками
Глаза мои, доской тяжелой сердце
У бедненькой Купавы раздави,
Тогда бери другую. Очи видеть
Разлучницы не будут, горя злого
Ревнивое сердечко не учует.
Снегурочка, завистница, отдай
Дружка назад!
Снегурочка

Подружка дорогая,
И ты, дружок ее, оставьте нас.
Слова твои обидно, больно слушать.
Снегурочка чужая вам. Прощайте!
Ни счастьем вы пред нами не хвалитесь,
Ни в зависти меня не упрекайте!
(Хочет идти.)

Мизгирь

(удерживает ее)

Снегурочка, останься! Кто счастливец
Любовник твой?
Снегурочка

Никто.
Мизгирь

Так буду я.
(Купаве)

Смотри туда, Купава! Видишь, Солнце
На западе, в лучах зари вечерней,
В пурпуровом тумане утопает!
Воротится ль оно назад?
Купава

Для Солнца
Возврата нет.
Мизгирь

И для любви погасшей
Возврата нет, Купава.
Купава

Горе, горе!
Голубушки-подружки, воротитесь!
(Убегает.)

Мизгирь

Люби меня, Снегурочка! Дарами
Бесценными красу твою осыплю
Бесценную.
Снегурочка

Любви моей не купишь.
Мизгирь

И жизнь свою отдам в придачу. Слуги,
Казну мою несите!
Бобылиха

(Снегурочке)

Ты, с ума-то

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Великого, не вздумай отказаться!

Бобыль

Мешки тащат, Снегурочка, попомни
Родителей!
Бобылиха

Не пронесли бы мимо.
А так в глазах и заплясала кика
Рогатая с окатным жемчугом.
Снегурочка

Сбирайте дань, завистливые люди,
С подружкина несчастья, богатеите
Моим стыдом. Не жалуйтесь, согласна
Притворствоваться для ваших барышей.
Бобыль

Попотчевал бы гостя, да не знаю,
Чего подать: сотов медовых, меду
Стоялого серебряную стопу,
Коврижку ли медовую да бражки?
Мизгирь

Чего не жаль, того и дай.
Бобыль

Помилуй,
Жалею ль я. Чего душе угодно?
Мизгирь

Подай медку!
Бобыль

Какой тебе по нраву:
Малиновый аль вишневый, инбирный?
Мизгирь

Какой-нибудь.
Бобыль

И всякого довольно,
Да не у нас, а у соседей. Веришь,
Шаром кати – ни корки хлеба в доме,
Ни зернушка в сусеке, ни копейки
Железной нет в мошне у Бобыля.
Мизгирь

Бери мешок, старик, – пойдет в задаток
За дочь твою.
Бобыль

Тащи в избу, старуха,
Корпи над ним! Покорно благодарствуй!
Теперь медком и бражкой разживемся,
Попотчую тебя и сам напьюсь.
Мизгирь

Давать казну, так знать за что. Уж Леля
Подальше ты держи, а то разладим.
Рассоримся, старик.
Бобыль

Такое ль дело,
Чтоб ссориться! Велик ли Лель, помилуй!
Да как тебе угодно, так и будет, –
Велишь прогнать, прогоним.
Мизгирь

Прогони!
Бобыль

Снегурочка! Не полюбилось гостю,
что Лель торчит перед глазами. Дочка,
скажи ему, чтоб он гулял кругом
да около, сторонкой обходил
Бобыльский двор! А у избы толочься
не для чего, мол, друг любезный, так-то!
Снегурочка

Поди от нас, уйди подальше, Лель!
Не я гоню, нужда велит.
Лель

Прощайте!
Снегурочка

О чем же ты заплакал? Эти слезы
о чем, скажи!
Лель

Когда сама заплачешь,
узнаешь ты, о чем и люди плачут.
(Отходит.)

Мизгирь

(обнимая Снегурочку)

Не знаешь ты цены своей красе.
По свету я гулял торговым гостем,
на пестрые базары мусульман
заглядывал; со всех сторон красавиц
везут туда армяне и морские
разбойники, но красоты подобной
на свете мне встречать не приходилось.
Входит Купава с девушками и парнями. Мураш сходит с крыльца.

Явление восьмое
Снегурочка, Мизгирь, Бобыль, Лель, Купава, Мураш, Радушка, Малуша, Малыш,
Брусило, Курилка, берендеи и берендейки.

Купава

Голубушки-подружки, поглядите!
отец, гляди, в слезах твоя Купава!
Тоска ее за горло душит, сухи
уста ее горячие; а он –
с разлучницей, веселый, прямо в очи
установился, глядит, не наглядится.
Мураш

Да как же так?
Малыш

Диковина, ребята.
Радушка

Обидел он Купаву кровно.
Малуша

Всех,
обидел всех девиц.
Мураш

Такого дела

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Не слыхано у честных берендеев.
Купава

Скажи, злодеи, при всем честном народе,
Тогда ли ты обманывал Купаву,
Когда в любви ей клялся? Или вправду
Любил ее и обманул теперь,
Позарившись несатыми очами
На новую добычу? Говори!
Мизгирь

К чему слова! Для сердца нет указки.
Немало клятв безумных приберешь
В пылу любви, немало обещаний;
Да разве их запомнишь после? Клятвы
Цепями ты считаешь, я – словами,
Не помню их, и сердца не вяжу:
Вольно ему любить и разлюбить;
Любил тебя, теперь люблю другую,
Снегурочку.
Радушка

Обидно берендейкам
Такую речь от берендея слышать.
Брусило

Чего еще! Уж хуже не бывает.
Мураш

Давно живу, и старые порядки
Известны мне довольно. Берендеи,
Любимые богами, жили честно.
Без страха дочь мы парню поручали,
Венок для нас – порука их любви
И верности до смерти. И ни разу
Изменю венок поруган не был,
И девушки не ведали обмана,
Не ведали обиды.
Радушка

Всем обида,
Обида всем девицам–берендейкам!
Купава

За что же ты Купаву разлюбил?
Мизгирь

Влюбленному всего дороже скромность
И робкая оглядка у девицы;
Сам-друг она, оставшись с милым, ищет
Как будто где себе защиты взором.
Опушены стыдливые глаза,
Ресницами покрыты; лишь украдкой
Мелькнет сквозь них молящий нежно взор.
Одной рукой ревниво держит друга,
Другой его отталкивает прочь.
А ты меня любила без оглядки,
Обеими руками обнимала
И весело глядела.
Купава

Ах, обида!
Мизгирь

И думал я, твое бесстыдство видя,
Что ты меня сменяешь на другого.
Купава

Ах, ах! Отец, родные, заступитесь!

Все стоят пораженные.

Защиты нет Купаве?

Все молчат. Купава, подняв руки, обращается к пчельнику:

Пчелки, пчелки!

Крылатые, летите ярым роем,

Оставьте вы соты медовые, впейтесь

в бесстыжие глаза! Не заикнулся ж

язык его, не поперхнулось горло

Сказать, что я девица без стыда,

И пристыдить родимых. Залепите

лицо его и песий взгляд лгуна!

(Обращаясь к хмельнику.)

Хмелинушко, тычинная былинка,

Высоко ты по жердочке взвился,

Широко ты развесил яры шишки.

(Становится на колени.)

Молю тебя, кудрявый ярый хмель,

Отсмей ему, насмешнику, насмешку

над девушкой! За длинными столами,

дубовыми, за умною беседой,

в кругу гостей почетных, поседелых,

поставь его, обманщика, невежей

нетесаным и круглым дураком.

Домой пойдет, так хмельной головою

ударь об тын стоячий, прямо в лужу

лицом его бесстыжим урони!

О реченька, студеная водица,

Глубокая, проточная, укрой

тоску мою и вместе с горем лютым

ретивое сердечко утопи!

(Бежит к реке, Лель ее удерживает, почти бесчувственную.)

Лель

Зачем топить ретивое сердечко!

Пройдет тоска, и сердце оживет.

Мураш

За девушек обманутых заступник

великий царь. Проси царя, Купава.

Все

За всех сирот заступник Берендей.

Купава

Постылый ты, постылый человек!

(Падает на руки Леля.)

Мураш

Дождался ты проклятья от Купавы.

Не долго ждать погибельного гнева

от праведно карающих богов.

Действие второе

лица:

Царь Берендей.

Бермята, ближний боярин.

Елена Прекрасная, его жена.

Снегурочка.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Купава.

Бобыль.

Бобылиха.

Мизгирь.

Лель.

Бояре, Боярыни, Гусяры, Слепые, Скоморохи, Отроки, Бирючи, Берендеим всякого званья, обоого пола.

Открытые сени во дворце царя Берендея; в глубине, за точеными балясами переходов, видны вершины деревьев сада, деревянные резные башни и вышки.

Явление первое

Царь Берендей сидит на золотом стуле, расписывает красками один из столбов. У ног царя сидят на полу два скомороха; несколько поодаль – слепые гусяры с гусярами; на переходах и у дверей стоят царские отроки.

Гусяры

(поют)

Вещие, звонкие струны рокочут
Громкую славу царю Берендею.
Долу опустим померкшие очи.
Ночи
Мрак безрассветный смежил их навечно,
Зрячую мыслью, рысучей оглянем
Ближних соседей окрестные царства.
Что мне звенит по заре издалече?
Слышу и трубы, и ржание коней,
Глухо стези под копытами стонут.
Тонут
В сизых туманах стальные шеломы,
Звонко бряцают кольчатые брони,
Птичьи стада по степям пробуждая.
Луки напряжены, тулы открыты,
Пашут по ветру червленые стяги,
Рати с зарания по полю скачут.
Плачут
Жены на стенах и башнях высоких:
Лад своих милых не видеть нам боле,
Милые гибнут в неизвестном поле.
Стоны по градам, притоптаны нивы..
С утра до ночи и с ночи до свету
Ратаи черными вранами рыщут.
Прыщут
Стрелы дождем по щитам вороненым,
Гремят мечи о шеломы стальные,
Сулицы сквозь прободают доспехи.
Чести и славы князьям добывая,
Ломят и гонят дружины дружины,
Топчут кононями, копьями нижут.
Лижут
Звери лесные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитых,
Тугой поникли деревья и травы.
Веселы грады в стране берендеев,
Радостны песни по рощам и долам,
Миром красна Берендея держава.
Слава
В роды и роды блюстителю мира!
Струны баянов греметь не престанут
Славу златому столу Берендея.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Царь знаком благодарит слепых, их уводят.

1-й скоморох

Что ж это царь, – к чему, скажи, пристало –
Внизу столба коровью ногу пишет.

2-й скоморох

Аль ты ослеп? Да где ж она, коровья?

1-й скоморох

Какая же?

2-й скоморох

Какая! Видишь: песья.

1-й скоморох

Коровья, шут.

2-й скоморох

Ау, песья.

1-й скоморох

Ан, коровья,

С копытами.

2-й скоморох

Да песья ж.

1-й скоморох

Сам ты пес,

Собачий нос.

2-й скоморох

А ты корова.

1-й скоморох

я-то?

Дерутся.

Так я тебя рогами забоду!

2-й скоморох

А я тебя зубами загрызу!

Встанут на ноги и расходятся, приготавливаясь биться на кулачки.

Царь

На место, вы!

Скоморохи садятся.

Ни песья, ни коровья,

А крепкая нога гнедого тура.

Палатное письмо имеет смысл.

Небесными кругами украшают

Подписчики в палатах потолки

Высокие; в простенках узких пишут,

Утеху глаз, лазоревы цветы

Меж травами зелеными; а турьи

Могучие и жилистые ноги

На притолках дверных, припечных турах,

Подножиях прямых столбов, на коих

Покоится тяжелых матиц груз.

В преддвериях, чтоб гости веселее

Вступали в дом, писцы живописуют

Таких, как вы, шутов и дураков.

Ну, поняли, глупцы?

1-й скоморох

Скажи, который
Из нас двоих глупее.
2-й скоморох

Вот задача!
Нехитрому уму не разгадать.
Царь

Приятно ум чужой своим примерить,
На меру взять и на вес; глупость мерить –
Напрасно труд терять.
Входит Бермята.

Подите вон!

Скоморохи уходят.

Явление второе
Царь Берендей, Бермята.

Бермята

Великий царь счастливых берендеев,
Живи вовек! От радостного утра,
От подданных твоих и от меня
Привет тебе! В твоём обширном царстве
Покуда все благополучно.
Царь

Правда ль?
Бермята

Воистину.
Царь

Не верю я, Бермята.
В суждениях твоих заметна легкость.
Не раз тебе и словом и указом
Приказано, и повторяю вновь,
Чтоб глубже ты смотрел на вещи, в сущность
Проникнуть их старался, в глубину.
Нельзя ж легко, порхая мотыльком,
Касаться лишь поверхности предметов:
Поверхностность – порок в почетных лицах,
Поставленных высоко над народом.
Не думай ты, что все благополучно,
Когда народ не голоден, не бродит
С котомками, не грабит по дорогам.
Не думай ты, что если нет убийств
И воровства...
Бермята

Воруют понемножку.
Царь

И ловите?
Бермята

Зачем же их ловить,
Труды терять? Пускай себе воруют,
Когда-нибудь да попадутся; в силу
Пословицы народной: «Сколько вору
Ни воровать, кнута не миновать.»
Царь

Конечно, грех неправого стяжанья
По мелочи не очень-то велик

Сравнительно, а все же не мешает
Искоренять его. Не уклонимся ж
От главного предмета разговора.
Благополучие – велико слово!
Не вижу я его давно в народе,
Пятнадцать лет не вижу. Наше лето
Короткое, год от году короче
Становится, а весны холодней –
Туманные, сырые, точно осень,
Печальные. До половины лета
Снега лежат в оврагах и лядинах,
Из них ползут туманы по утрам,
А к вечеру выходят злые сестры –
Трясучие и бледные кумохи.
И шляются по деревням, ломая,
Знобя людей. Недавно мы гуляли
С женой твоей, Прекрасною Еленой,
В саду моем тенистом. Под кустами,
От зорких глаз садовников скрываясь,
Таилась подтаявшая льдинка;
Беспечные, как дети, мы шутили,
Резвились с Прекрасной Еленой;
Но холодок, вися тонкой струйкой,
Лица ее прекрасного коснулся;
И вздулись вдруг малиновые губы
И правая румяная щека,
Гора горой, мгновенно исказилась
Улыбка уст медовых. Нет, Бермята,
Не все у нас благополучно, друг.
Пятнадцать лет не кажется Ярило
На наш призыв, когда, встречая Солнце,
В великий день Ярилин, мы напрасно
Тьмотысячной толпой к нему взываем
И песнями его величье славим.
Сердит на нас Ярило.
Бермята

Царь премудрый,
За что б ему сердиться?
Царь

Есть за что.
В сердцах людей заметил я остуду
Немалую; горячности любовной
Не вижу я давно у берендеев.
Исчезло в них служенье красоте;
Не вижу я у молодежи взоров,
Увлажненных чарующею страстью;
Не вижу дев задумчивых, глубоко
Вздыхающих. На глазах с поволокой
Возвышенной тоски любовной нет,
А видятся совсем другие страсти:
Тщеславие, к чужим нарядам зависть
И прочее. В женатых охлажденье
Заметнее еще: на жен, красавиц
Диковинных, с сокольими очами,
На пышную лебяжью белизну
Упругих плеч – супруги-берендеи,
Сонливые, взирают равнодушно.
Кажись бы я... эх, старость, старость! Где вы
Минувшие веселые года
Горячих чувств и частых увлечений?
Чудесные дела недуг любовный
Творил в душе моей: и добр и нежен
Бывал тогда счастливый Берендей,
И всякого готов принять в объятья
Открытые. Теперь и стар и сед,
А все-таки не понимаю, можно ль

Холодным быть, бесстрастным оставаться
При виде жен румяных, полногрудых.
Но в сторону не будем уклоняться,
На прежнее воротимся. А жены!
Нельзя сказать, что потеряли вовсе
Горячую привязанность к мужьям,
А все ж таки супружеская верность
Утратила немного, так сказать,
Незыблемость свою и несомненность.
Короче, друг, сердечная остуда
Повсюдная, – сердца охолодели,
И вот тебе разгадка наших бедствий
И холода: за стужу наших чувств
И сердится на нас Ярило-Солнце
И стужей мстит. Понятно?
Бермята

Понимаю,
Великий царь, но горю пособить
Не вижу средств.
Царь

А средства быть должны.
Подумай-ко, Бермята!
Бермята

Царь премудрый,
Издай указ, чтоб жены были верны,
Мужья нежней на их красу глядели,
Ребята все чтоб были поголовно
В невест своих безумно влюблены,
А девушки задумчивы и томны..
Ну, словом, как хотят, а только б были
Любовники.
Царь

Весьма нехитрый способ,
А пользы-то дождемся?
Бермята

Никакой.
Царь

К чему ж тогда указы?
Бермята

Перед Солнцем
Очистка нам: приказано, мол, было,
Не слушают, так их вина, нельзя же
По сторожу ко всякому приставить.
Царь

Придуманно неглупо, но некстати.
Мольбами лишь смягчают гнев богов
И жертвами. Бессонницей томимый,
Продумал я всю ночь, до утра вплоть,
И вот на чем остановился: завтра,
В Ярилин день, в заповедном лесу,
К рассвету дня сойдутся берендеи.
Велим собрать, что есть в моем народе,
Девуш-невест и парней-женихов
И всех зараз союзом неразрывным
Соединим, лишь только Солнце брызнет
Румяными лучами по зеленым
Верхам дерев. И пусть тогда сольются
В единый клич привет на встречу Солнцу
И брачная торжественная песнь.
Угодней нет Яриле жертвы!

Мудрый,
Великий царь, уж как ни весела,
Ни радостна такая встреча Солнцу,
Да только жаль, что невозможна.
Царь

что?
Чего нельзя, Бермята? Невозможно
Исполнить то, чего желает царь?
В уме ли ты?
Бермята

Не гневайся! Невесты
Рассорились до драки с женихами.
Уж где женить! На сажень маховую
Не подведешь друг к другу.
Царь

Из чего?
Бермята

Какая-то в зареченской слободе
Снегурочка недавно объявилась.
Передрались все парни за нее.
На женихов накинулись невесты
Из ревности, и брань идет такая –
Усобица, что только руки врозь!
Царь

Во-первых, я не верю, во-вторых,
Быть может, ты и прав, тогда старайся
Уладить всех и примирить до завтра.
Решение мое непременимо.
Входит отрок.
Отрок

Девушка красная
Просится, кучится
Взнести челобитьице.
Царь

Разве для девушек
Входы заказаны,
Двери затворены?
Отрок вводит Купаву.

Явление третье
Царь Берендей, Бермята, Купава, отрок

Купава

(кланяясь)

Батюшко, светлый царь!
Царь

(ласково подымая ее)

Сказывай, слушаю!
Купава

Батюшко, светлый царь,
Нешто так водится?
Где ж это писано,
Где же показано?
Сердце-то вынувши...

Царь

Сказывай, слушаю.
Купава

Сердце-то вынувши,
Душу-то вызнобив,
Девичьей ласкою
Вдосталь натевшившись,
Вдоволь нахваставшись,
При людях девицу
Назвал бесстыжею.
Царь

Слышу я, девица,
Слезную жалобу,
Горе-то слышится,
Правда-то видится,
Толку-то, милая,
Мало-малехонько.
Сказывай по ряду,
Что и как деялось,
Чем ты обижена,
Кем опозорена!
Купава

(плача)

Сказывать, светлый царь?
Царь

Сказывай, умница!
Купава

Время весеннее,
Праздники частые,
Бродишь, гуляючи,
По лугу, по лесу,
Долго ли встретиться,
Долго ль знакомиться
Девушке с парнями?
Вот я и встретилась.
Царь

С кем же ты встретилась,
С кем познакомилась?
Купава

Встретилась с юношем
Чину торгового,
Роду Мизгирьево.
Царь

Знаю, красавица.
Купава

(плача)

Сказывать, светлый царь?
Царь

Сказывай, сказывай!
Купава

Дай-ко, спрошу тебя,
Батюшко, светлый царь:

Клятвы-то слушать ли,
В совесть-то верить ли,
Али уж в людях-то
Вовсе извериться?
Царь

Как же не верить-то,
Милая девушка!
Чем же и свет стоит?
Правдой и совестью
Только и держится.
Купава

(плача)

Я и поверила.
Сказывать, светлый царь?
Царь

Сказывай, умница!
Купава

Дай-ко, еще спрошу!
Парень приглянется,
Парень полюбится,
Думаешь век прожить
В счастье и в радости;
Парень-то ласковый,
Надо ль любить его?
Царь

Надо, красавица.
Купава

(плача)

Так я и сделала.
Сказывать, светлый царь?
Царь

Сказывай, сказывай!
Купава

Всех-то забыла я,
Батюшко родного,
Ближних и сродников,
Милых подруженек,
Игры веселые,
Речи заветные.
Знаю да помню лишь
Друга любезного.
Встретясь, целуемся,
Сядем, обнимемся,
В очи уставимся,
Смотрим, любуемся.
Батюшко, светлый царь,
Видно, людское-то
Счастье ненадолго.
Вздумали, в лес пошли,
Взяли подруженек,
Звали Снегурочку.
Только завидел он
Злую разлучницу,
Коршуном воззрелся,
Соколом кинулся,
Подле разлучницы
Вьется, ласкается,
Гонит, срамит меня,

Верную, прежнюю.
Сам же он выкланял,
Выплакал, вымолил
Сердце у девушки,
Сам же корит, бранит:
При людях девушку
Назвал бесстыжею..
Царь

Бедная девушка!
За сердце трогают
Речи нехитрые,
Горе правдивое.
Купава

Слушала, слушала,
Свету невзвидела,
Ноги-то резвые
Ровно подкошены,
Так и ваюсь снопом,
Веришь ли, светлый царь,
Так вот и падаю,
Вот хоть сейчас гляди, –
Так вот точнехонько
Оземь и грянулась.
(Хочет упасть, царь ее поддерживает.)

Царь

Красавица, поверь, что если б громы
Средь ясного, безоблачного неба
Раскатами внезапно возгремели,
Не так бы я дивился, как дивлюсь
Словам твоим бесхитростным. Смеяться
Над девушкой покинутой, над сердцем,
Ребячески доверчивым! Ужасно!
Неслыханно, Бермята! Страшно верить!
Приспешники, ищите по посаду
Преступника; поставьте Мизгиря
На суд царев.
Приспешники уходят.

Глашатаи, по вышкам
Скликать народ с базаров и торгов
На царский двор, на царский грозный суд,
А кликать клич учтиво, честно, складно,
Чтоб каждому по чину величанье,
По званию и летам был почет.
Да кланяйтесь почаше да пониже!
Глашатаи по переходам бегут на вышки.

1-й Бирюч

(кричит с вышки)

Государевы люди:
Бояре, дворяне,
Боярские дети,
Веселые головы,
Широкие бороды!
У вас ли, дворяне,
Собаки борзые,
Холопы босые!
2-й Бирюч

(с другой вышки)

Гости торговые,

Шапки бобровые,
Затылки толстые,
Бороды густые,
Кошели тугие!
1-й Бирюч

Молодые молодницы,
Дочери отецкие,
Жены молодецкие!
У вас ли мужья сердитые,
Ворота браные,
Рукава шитые,
Затылки битые.
2-й Бирюч

Дьяки, подьячие,
Парни горячие,
Ваше дело: волочить да жать,
Да руку крючком держать.
1-й Бирюч

Старые старички,
Честные мужички,
Подполатные жители,
Бабы служители!
2-й Бирюч

Старые старушки,
Совьи брови,
Медвежьи взгляды,
Ваше дело: намотить, наплесть,
Сына со снохой развесть.
1-й Бирюч

Молодые молодцы,
Удалые удалцы,
Молодо-зелено,
Погулять ведено.
Люди за дело,
Вы за безделье.
Ваше дело по теремам поглядывать,
Девок выманивать
2-й Бирюч

Красные девицы,
Криночные баловницы,
Горшечные пагубницы,
Ваше дело: лоб лощить,
Дом врозь тащить,
Лепешки печь, под забор хоронить
да ребят кормить.
1-й Бирюч

Слушайте-послушайте,
Государевы люди,
Государеву волю!
Идите в красные ворота
На красный царский двор!
Вереи точены,
Ворота золочены.
С красного двора в новы сени,
На частые ступени,
В дубовые двери,
В государевы палаты,
Суд судить, ряд рядить.
Сходят с вышек.
Царь

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e

Любезна мне игра ума и слова:
Простая речь жестка. Уборы красят
Красивых жен; высокие палаты
Прикрасами красны, а речи – складом,
Течением в лад и шуткой безобидной.
Сбирается народ?
Отрок

(с переходов)

Валит толпами,
Великий царь.
Царь

(Купаве)

Девушка, не тужи!
Печаль темнит лица живые краски.
Забывчиво девичье горе, сердце
Отходчиво: как в уголке, под леплом
Таится в нем огонь для новой страсти.
Обидчика забудь! А за обиду
Отмститель суд да царь.
Из внутренних покоев выходят Прекрасная Елена и боярыни; из наружных дверей и с
лестницы – народ; между народом Мураш и Лель. Приспешники приводят Мизгиря.

Явление четвертое
Царь Берендей, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мураш, Лель, Мизгирь, царские
отроки, народ.

Царь

(Елене Прекрасной)

Привет тебе,
Краса дворца, Прекрасная Елена!
Прекрасная Елена

Привет тебе, великий Берендей,
От жен и дев, от юных берендеек,
От всех сердец, лелеющих любовь.
Хор народа

Привет тебе, премудрый,
Великий Берендей,
Владыка среброкудрый,
Отец земли своей.
Для счастья народа
Богами ты храним,
И царствует свобода
Под скипетром твоим,
Владыка среброкудрый,
Отец земли своей.
Да здравствует премудрый,
Великий Берендей!
Царь

(народу)

Спасибо вам! В приводе ль виноватый?
Бермята

Виновный здесь, смиренно ждет суда.
Царь

(народу)

Вина его известна вам?

Известна.
Царь

(Мизгирю)

В вине своей винишься ль ты?
Мизгирь

Винюсь.
Царь

Вина его ужасна, берендеи.
Для милости закроем наше сердце
На этот раз. К злодеям сожаленье
Грозит бедой: разгневанные боги
вину его на нас обрушат, карой
Падет она на берендеев. Мщенье
Преступнику грозящий гнев смирят.
Поругана любовь! Благое чувство,
великий дар природы, счастье жизни,
Весенний цвет ее! Любовь невесты
Поругана! Распуколка души,
Раскрывшейся для первых чувств, цветков
Невинности благоуханной! Срам
И стыд моим серебряным сединам!
Чему Мизгирь повинен, говорите!
Бермята

Заставь его жениться на девице
Обиженной!
Мураш

Заставь молить прощения
У ног ее, а если не захочет,
Тогда карай грозой своей.
Царь

Мизгирь,
Желаешь ли загладить грех, Купаву
Понять в жену?
Мизгирь

У Мизгиря невеста –
Снегурочка.
Бермята

Его заставить можно,
Премудрый царь.
Царь

Не терпит принужденья
Свободный брак.
Мураш

Не дай ему ругаться,
Обидчику! Спроси сперва Купаву,
желает ли она сама?
Царь

Купава!
Купава

Великий царь, любви Купава ищет.
Хочу любить, а как его полюбишь?
Обижено, разбито сердце им;
Лишь ненависть к нему до гроба будет

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
В груди моей. Не надо мне его.

Царь

Честной народ, достойна смертной казни
Вина его; но в нашем уложении
Кровавых нет законов, пусть же боги
Казнят его по мере преступленья,
А мы судом народным Мизгиря
На вечное изгнание осуждаем.
Иди от нас, преступник, поругатель
Горячности доверчивой любви,
Внушенной нам природой и богами.
Гоните прочь его от каждой двери,
От каждого жилья, где свято чтутся
Обычаи честные старины!
В пустыню, в лес его гоните! Звери –
Товарищи тебе по сердцу; сердце
Звериное с зверями тешь, Мизгирь!
Мизгирь

Ни слова я не молвлю в оправданье;
Но если б ты, великий царь, увидел
Снегурочку...
Народ

Снегурочка идет!
Входит Снегурочка, за ней Бобыль и Бобылиха, одетая богато, в большой рогатой
кичке.

Явление пятое
Царь Берендей, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мураш, Лель, Мизгирь,
Снегурочка, Бобыль, Бобылиха, царские отроки, народ.

Снегурочка

(оглядывая дворец)

Какой простор, как чисто все, богато!
Смотри-ка, мать! Лазоревый цветочек –
Живехонек.
(Садится на пол и рассматривает цветок на столбе.)

Бобылиха

Да ты бы поклонилась
Вперед всего! И нам поклон отвесят,
Ведь тоже мы не из последних.
(Толкает Снегурочку локтем и говорит тихо.)

Смотрят
На кикү-то?
Снегурочка

Дивуются, глядят.
Бобылиха

Ну, кланяйся!
Снегурочка

Забыла, не взыщите!
Ну, здравствуйте, честные берендеи!
Бобылиха

Боярыни стоят, гляди! А кики
Попроше, чай, моей?
Снегурочка

Твоя рогатей.

Ну, то-то же, пускай глядят да сохнут
От зависти!
Снегурочка

(указывая на царя)

А это кто? Кафтан-то
Узорчатый, обвязка золотая
И по пояс седая борода.
Бобылиха

Да это царь.
Снегурочка

Ах! Мама, страшно стало
Снегурочке. Пойдем на волю.
Бобыль

Ну-ко
С добра ума какую речь сказала!
Впервой пришлось Бакуле Бобылю
На царские палаты любоваться,
Да вон идти! Какая нам неволя!
Побарствуем, покуда не погонят.
Бобылиха

Невежа ты! Глазеешь, рот разиня,
По сторонам, а батюшко, великий
Премудрый царь, дивится: что за дура
В высокие хоромы забежала,
Незванная. Деревня ты, деревня!
Поди к нему, не бойся, не укусит
Да кланяйся пониже!
Снегурочка

(подойдя к царю, кланяется)

Здравствуй, царь!
Царь

(берет ее за руку)

Полна чудес могучая природа!
Дары свои обильно рассыпая,
Причудливо она играет: бросит
В болотинке, в забытом уголке
Под кустиком, цветок весны жемчужный,
Задумчиво склоненный ландыш, брызнет
На белизну его холодной пылью
Серебряной росы, – и дышит цветик
Неуловимым запахом весны,
Прельщая взор и обонянье.
Снегурочка

Жалко,
Что ландыши так скоро отцвели!
Сказал бы ты, что любишь их, так я уж
Давно б тебе пучочек нарвала,
Хорошеньких. Не всякий место знает,
А я в лесу, как дома; если хочешь,
Пойдем со мной, я место укажу.
Царь

Не плачу я, что цветики увяли,
Такой цветок цветет перед очами,
Что я смотрю, смотрю, да и не верю, –

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Во сне иль въявь цветок передо мной?
Снегурочка с довольным видом смотрит на всех и охорашивается.

Ее краса поможет нам, Бермята,
Ярилин гнев смягчить. Какая жертва
Готовится ему! При встрече Солнца
Вручим ее счастливому супругу.
Снегурочка, пришла твоя пора:
Ищи себе по сердцу друга!
Снегурочка

Где же
Искать его, не знаю.
Царь

Сердце скажет.
Снегурочка

Молчит мое сердечко.
Царь

(отводя Снегурочку)

Не стыдись!
Преклонные лета равняют старца
С девицею. Стыдливость неуместна
Пред старыми потухшими глазами.
Откройся мне: кого порой вечерней
На зыбкое крылечко поджидаешь?
Кого вдали, прикрывши ручкой глазки,
На полотне зари румянной ищешь?
Кого бранишь за медленность, кому
Навстречу шлешь и радости улыбку,
И слез поток, и брань, и поцелуй?
Кому, скажи, девица!
Снегурочка

Никому.
Бермята

Великий царь, она любви не знает.
Царь

С ее красой любви не знать, Бермята?
Не верю я. Таких чудес на свете
Не слыхано. Природой неизменно
Положена пора любви для всех.
Не верю я. Но если правда, как же
Не гневаться подателю тепла?
Удвоим же старания исправить
Невольный грех. Ужли из берендеев
На мой призыв никто не отзовется?
Кому из вас Снегурочка милее?
Кто может в ней младенческую душу
Желанием любви зажечь, скажите!
Бобыль

Немало уж пытались, только даром
Потратили труды.
Бобылиха

Немало было
И плачущих и пляшущих, да толку
Ни на волос не вышло.
Царь

Берендеи,
Кому из вас удастся до рассвета

Снегурочку увлечь любовью, тот
Из рук царя, с великим награждением,
Возьмет ее, и лучшим гостем будет
За царскими столами на пирах,
На празднике Ярилы.
Бермята

Царь великий,
Молчат они.
Царь

(Елене)

Прекрасная Елена,
Хочу спросить у вас, у женщин, лучше
Известны вам сердечные дела:
Ужли совсем не стало той отваги
В сердцах мужчин, не стало тех речей,
Пленительно-лукавых, смелых взоров,
Которыми неотразимо-верно,
Бывало, мы девиц и жен прельщали?
Прекрасная Елена, укажи,
Кого избрать из юных берендеев,
Способного свершить желанный подвиг?
Прекрасная Елена

Великий царь, стыдливость наблюдая
Обычную, могла бы я, конечно,
Незнанием отговориться; но
Желание служить для пользы общей
Стыдливостью пожертвовать велит.
Из юношей цветущих, берендеев,
Известных мне, один лишь только может
Внушить любовь девице, сердце жен
Поколебать, хотя бы наша верность
Крепка была, как сталь, – и это Лель.
Царь

Какая честь тебе, пастух.
Лель

Не мне,
Великий царь, а Солнцу подобает
Такая честь. Лелеяло измлада
Оно меня – учило песни петь;
Его тепло в речах моих, – и слушать
Охотятся девицы речи Леля.
Тепло его в крови моей и в сердце,
И теплится в лице румянцем смуглым,
И светится весенней сладкой негой
Из глаз моих. Снегурочка, пойдем
Свивать венки со мною вместе, будем
Встречать зарю и солнечный восход!
Смотрите ей в глаза! Она полюбит
К рассвету дня, – меня или другого,
Снегурочка полюбит непременно,
Поверьте мне. А бедный пастушонко,
Кудрявый Лель, в угоду богу-Солнцу
И светлому царю, поможет ей!
Мизгирь

Великий царь, отсрочь мое изгнание, –
Огонь любви моей воспламенит
Снегурочки нетронутое сердце.
Клянусь тебе великими богами,
Снегурочка моей супругой будет,
А если нет – пускай меня карает
Закон царя и страшный гнев богов!

Мизгирь и Лель, при вашем обещаньи
Покоен я и беспечально встречу
Ярилин день. Вечернею зарей,
В заповедном лесу моем, сегодня
Сберемся мы для игр и песен. Ночка
Короткая минует незаметно,
На розовой заре, в венке зеленом,
Среди своих ликующих детей
Счастливый царь пойдет на встречу Солнца.
Народ

Да здравствует премудрый,
Великий Берендей,
Владыка среброкудрый,
Отец земли своей!
Для счастья народа
Богамы ты храним,
И царствует свобода
Под скипетром твоим!
Все уходят.

Действие третье
ЛИЦА:

Царь Берендей.

Бермята.

Елена Прекрасная.

Снегурочка.

Бобыль.

Бобылиха.

Мизгирь.

Лель.

Мураш.

Купава.

Радушка.

Малуша.

Брусило.

Курилка.

Леший.

Скоморохи, гудочники, волынщики, свита царя и народ.

Просторная поляна в лесу; справа и слева сплошной лес стеной; перед лесом, по обе стороны, невысокие кусты. Вдали, меж кустами, видны богатые шатры. Вечерняя заря догорает.

Явление первое
Молодые берендеи водят круги; один круг ближе к зрителям, другой поодаль. Девушки и парни в венках. Старики и старухи кучками сидят под кустами и угощаются брагой и пряниками. В первом кругуходят: Купава, Радушка, Малуша, Брусило, Курилка, в середине круга Лель и Снегурочка. Мизгирь, не принимая

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
участия в играх, то показывается между народом, то уходит в лес. Бобыль пляшет под волынку. Бобылиха. Мураш и несколько их соседей сидят под кругом и пьют пиво. Царь со свитой смотрят издали на играющих.

Девушки и парни

(водя круги, поют)

Ай, во поле липонька,
Под липою бел шатер,
В том шатре стол стоит,
За тем столом девица.
Рвала цветы с травы,
Плела венки с яхонты.
Кому венок износить?
Носить венок милому.
Снегурочка надевает венок на Леля. Круг расходится, все смотрят на Бобыля,
который пляшет под волынку.

Бобылиха

(потчужа Мураша)

Пожалуйте! И наша не шербата
Копеечка, – и мы поразжились.
Мураш

Отказу нет. Да мужа-то попотчуй!
Намаялся, – хоть душу отведет.
Бобыль перестает плясать.
Бобылиха

(подавая Бобылю жбан пива)

На праздниках тяжелее всех Бакуле,
Хлопот ему по горло: пляшет, пляшет,
надсядется, а не отстанет. Жаден
до пляски-то. Смотреть-то жалость, право!
Того гляди, умрет когда с насады,
Допляшется.
Мураш

Старательный мужик.
Царь

(проходит между гуляющими.)

Веселое гулянье! Сердцу радость
Глядеть на вас. Играйте, веселитесь
Заботы прочь гоните: для заботы
Своя пора. Народ великодушный
Во всем велик, – мешать с бездельем дело
Не станет он; трудиться, так трудиться,
Плясать и петь – так вдоволь, до упаду.
Взглянув на вас разумным оком, скажешь,
что вы народ честной и добрый; ибо
лишь добрые и честные способны
Так громко петь и так плясать отважно.
Спасибо вам на песнях и на пляске!
Уж тешиться, так тешиться!
(Скоморохам.)

Пляшите,
Кувыркайтесь, ломайтесь, дураки!
Скоморохи пляшут.
Заря чиста, и утро будет ясно.
Уходит день веселый, догорают
Последние лучи зари, все выше

И выше свет малиновый; потемки
Цепляются за сучья и растут,
Преследуя зари румяный отблеск,
И скоро ночь в росящемся лесу
С вершинами деревьев станет вровень.
Пора к шатрам, в кругу гостей веселых
Окончить день и встретить новый. Песню
Последнюю пропой, пригожий Лель!
Лель

(поет)

Туча со громом сговаривалась:
Ты, гром греми, а я дождь разолью,
Вспрыснем-ко землю весенним дождем!
То-то цветочки возрадуются!
Выйдут девицы за ягодками,
Парни за ними увяжутся.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!
В роще подруженьки врозь разбрелись,
Кто по кустам, кто по ельничку.
Ягодки брали, аукались,
Милой подруженьки нет как нет.
Все-то девицы расплакались:
Нашу подружку не волк ли заел.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!
Встретился девушкам чуж-чуженин,
Чуж-чуженинушко, стар-старичок:
Глупые девки, с ума вы сбрели,
Что вам за радость аукаться,
Что ей за прибыль откликнуться?
Вы б по кустам-то пошарили.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!
Туча с громом сговаривалась:
Ты, гром, греми, а я дождь разолью,
Вспрыснем-ко землю весенним дождем!
То-то цветочки возрадуются.
Вымочим девушек-ягодниц,
Вымочим их, да и высушим.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!
Царь

Спасибо, Лель! Девицы, не стыдитесь!
Не верю я. Ну, статочное ль дело
В частых кустах подружку потерять!
Потешил ты царево сердце, Лель.
Потешь еще! В кругу подруг стыдливых
Красавицу девицу выбирай,
Веди ко мне, и, всем на погляденье,
Пускай она за песню наградит
Певца любви горячим поцелуем.
Лель идет к девушкам.

Снегурочка

(тихо, лелю)

Возьми меня!
Лель

Изволь. Поди к сторонке!
Девичий круг нельзя не обойти,
Для виду хоть. За что же их обидеть!
Снегурочка отходит, весело смотрит, оправляется и охорашивается. Лель берет
Купаву, подводит к царю и целует. Снегурочка в слезах убегает в кусты.

Царь

Теплом проник до старикова сердца
Отчетливый и звонкий поцелуй, –
Как будто я увесистую чашу
Стоялого хмельного меду выпил.
А кстати я о хмеле вспомнил. Время
К столам идти, Прекрасная Елена,
И хмелю честь воздать. Его улады
И старости доступны. Поспешим!
Желаю вам повеселиться, дети!
(Уходит с Бермятой и Прекрасной Еленой.)

Некоторые берендеи, и в том числе Лель, уходят за царем.

Брусило

Все Лель да Лель! Ему такое счастье!
А чем же мы не молодцы? Не хуже
Сплясать да спеть умеем.
Радушка

А Купаве
За что про что такая честь? Красавиц,
Не ей чета, найдется между нами.
Курилка

Вот мы ему докажем, только стоит
Осмелиться да захотеть.
Брусило

Докажем,
Осмелимся, сыграем при народе
Игру свою, что два года учили
Тишком от всех, в овинах хоронясь.
(Поет песню, а Курилка представляет бобра.)

Купался бобер,
Купался черной
На речке быстрой.
Ай, лели-лели!
Не выкупался,
Лишь выпачкался.
В грязи вывалялся.
Ай, лели-лели!
На горку входил,
Отряхивался,
Охорашивался.
Ай, лели-лели!
Осматривался,
Нейдет ли кто,
Не сыщет ли что?
Ай, лели-лели!
Охотнички свищут,
Собаки-то рыщут,
Черна бобра ищут.
Ай, лели-лели!
Хотят шубу шить,
Бобром опушить,
Девкам подарить.
Ай, лели-лели!
Девки чернобровы,
На них шубы новы,
Опушки бобровы.
Ай, лели-лели!
(Перестает петь.)

Не ладно, что ль, пропето?
Курилка

Ай да мы!
Радушка

Уж видно, нам мириться с вами, парни.
Ребята вы других не хуже. Пусть же
Узнает Лель, и мы ему докажем,
что парни нас не обегают. Рад бы
Обнять когда и Радушку, да поздно;
У ней дружок, ему и поцелуи
От Радушки.
Малуша

Малушены Курилке.
Брусило

(обнимая Радушку)

Любезное житье.
Курилка

(обнимая Малушу)

Чего же лучше:
Подружка есть, так сердце дома. Братцы,
Пойдем посмотреть на царские шатры.
Уходят все – парни с девушками, Купава с Мурашом, Бобиль с Бобылихой. Снегурочка
выходит из кустов, Лель с противоположной стороны.

Явление второе
Лель, Снегурочка.

Лель

Куда она девалась–запропала?
Купавушка! Да не она ли?
(Подходит к Снегурочке.)

Нет,
Снегурочка одна в слезах. О чем
Тоскуешь ты? Девицы веселятся,
Во всем лесу веселый гул идет:
То песенки, то звонкий смех, то шепот
Воркующий, то робости и счастья
Короткий вздох, отрывистый. А ты
Одна в слезах.
Снегурочка

Ужли тебе не жалко
Сиротку так обидеть?
Лель

Я не знаю,
Какую ты нашла обиду.
Снегурочка

Как же?
Красавица Снегурочка иль нет?
Лель

Красавица.
Снегурочка

А ты берешь Купаву,
Ведешь к царю, целуешь. Разве лучше
Снегурочки Купава? Вот обида,
Какой забыть нельзя.
Лель

За что сердиться,
Снегурочка? Не дорог поцелуй
При всем честном народе, втихомолку
Ценнее он и слаще.
Снегурочка

Я не верю.
Несладко мне украдкой целоваться.
Подумай ты, когда теперь дождешься,
Чтоб царь велел из всех девиц–красавиц
Красавицу поставить напоказ!
Лель

Не долго ждать тебе.
Снегурочка

Опять обманешь,
Опять возьмешь другую.
Лель

Как же быть–то?
Возьмешь тебя, обидятся другие;
Другую взять, тебя обидеть. Скоро
Румяная забрезжится заря,
Народ с царем пойдет на встречу Солнца.
А мне вперед идти и запевать
С подружкой. Кого бы взять? Не знаю.
Снегурочка

Пригожий Лель, возьми меня!
Лель

Другая
За эту честь души не пожалеет.
Снегурочка

Чего тебе угодно, все на свете
Снегурочка отдаст.
Лель

Посмотрим.
Снегурочка

Хорошенький–пригоженький, возьми.
Лель

Уж, видно, взять.
Снегурочка

Пригоженький, послушай!
Коль хочешь ты, чтоб сердце не болело
У бедненькой Снегурочки, с другими
Девичами водиться перестань!
Ласкаешь их, а мне сердечко больно,
Целуешь их, а я гляжу да плачу.
Лель

Без ласки жить нельзя же пастушонку!
Не пашет он, не сеет; с малолетства
На солнышке валяется; лелеет
Весна его и ветерок ласкает.
И нежится пастух на вольной воле.
В уме одно: девичья ласка, только
И думаешь о ней.
Снегурочка

Ласкай меня,
Целуй меня, пригоженький! Пусть видят,
Что я твоя подружка. Горько, больно
Одной бродить! Глядят как на чужую
И девушки и парни. Вот пошла бы
На царские столы смотреть, а с кем?
Подружки все с дружками, косо смотрят,
Сторонятся: отстань, мол, не мешай!
С старушками пойти и с стариками –
Насмешками да бранью докорят.
Одной идти, так страшно. Будь дружком,
Пригоженький!
Лель

Сама же виновата,
Немало я любил тебя, горячих
Немало слез украдкой пролил.
Снегурочка

Все-то
Глупа еще, – прости, пригожий Лель!
Лель

А стоило хоть словом приласкать
Поласковой, и ты б закабалила
Меня навек и волю отняла.
Снегурочка

Про старое не помни, Лель пригожий!
Люби меня немножко, дожидайся, –
Снегурочка сама тебя полюбит.
Сведи меня смотреть шатры царицы
И солнышко встречать возьми подружкой!
Хорошенький-пригоженький, возьми!
Лель

Дождись меня, возьму. Пойду к ребятам,
Не ужинал еще, – как раз вернусь.
(Убегает.)

Явление третье
Снегурочка, потом Мизгирь.

Снегурочка

Вот любо-то! Вот на радость! Не в народе,
В густой толпе, из-за чужой спины,
Снегурочка смотреть на праздник будет, –
Вперед пойдет. И царь, и люди скажут:
Такой четы на диво поискать!
(Снимает венок.)

Завял венок; наутро надо новый
Сплести себе из тонких гибких веток;
Вплету туда цветочки-василечки.
(В задумчивости запекает.)

Ах, цветочки-василечки!
Выходит Мизгирь.

Мизгирь

Снегурочка, тебя давно ищу я.
(Берет ее за руку.)

Снегурочка

(с испугом)

Ах, нет. Уйди! Не надо.
Мизгирь

Не оставлю
Твоей руки, пока в мольбах и столах
Не выскажу тебе, как ноет сердце,
Какой тоской душа больна. Не знала
До сей поры она любви страданий,
Утехи лишь известны ей; а сердце
Приказывать привыкло, не молило,
Не плакало оно. Перед тобою
В слезах стоит не мальчик, гордый духом
Смиряется. Доселе я не плакал
И даже слов не тратил много, – только
Рукой манил девиц делить любовь
И золото бросал за ласки; ныне
Сломился я под гнетом жгучей страсти
И слезы лью. Смотри, колена клонит
Перед девчонкой гордый человек.
(Падает на колени.)

Снегурочка

Зачем, зачем? Вставай, Мизгирь!
Мизгирь

Полюбишь,
Полюбишь ты меня, скажи!
Снегурочка

О нет!
Слова твои пугают, слезы страшны;
Чего-то я боюсь с тобой. Уйди!
Оставь меня, прошу! Пусти! Ты добрый,
Зачем пугать Снегурочку?
(Старается вырвать руку.)

Мизгирь

Постой!
Что страшен я, то правда. Не напрасно ж
Румяный стыд прорезал полосами
Лицо мое; за горечь униженья
Заплатишь ты.
Снегурочка

О, если все такая
Живет любовь в народе, не хочу,
Не буду я любить.
Мизгирь

Поищем средства
Желанного достичь по доброй воле.
Снегурочка, у острова Гурмыза,
Где теплое бушующее море
На камни скал прибрежных хлещет пену,
Пускаются без страха водолазы
Отважные искать по дну морскому
Прибыточной добычи. Я пытался,
Удачи ждал; давал большую цену
За жизнь людей и посылал на дно
За жемчугом проворных водолазов,
И вынес мне один зерно такое,
Какого нет в коронах у царей,
Ни у цариц в широких ожерельях.
Купить его нельзя; полцарства стоит
Жемчужина. Сменяться? – Вещи равной

Не подберешь. Ценой ему равна,
Снегурочка, одна любовь твоя.
Сменямся, возьми бесценный жемчуг,
А мне любовь отдай.
Снегурочка

Бесценный жемчуг
Себе оставь; недорого ценю я
Свою любовь, но продавать не стану:
Сменяюсь я любовью на любовь,
Но не с тобой, Мизгирь.
Мизгирь

Отдашь и даром.
Довольно слов, довольно убеждений!
Бросай венок девичий! Ты жена,
Снегурочка. Поклялся я богами
Перед царем и клятву исполняю.
Снегурочка

Оставь! Пусти! Беги, спасай Снегурку,
Пригожий Лель!
Мизгирь

О! Если Лель... так прежде
Возьмет Мизгирь, что хочет взять пастух.
Леший сзади обнимает Мизгиря; Снегурочка вырывается и бежит по поляне. Леший
оборачивается пнем. Мизгирь хочет бежать за Снегурочкой, – между ним и ею встает
из земли лес. В стороне показывается призрак Снегурочки. Мизгирь бежит к нему, –
призрак исчезает, на месте его остается пень с двумя прилипшими, светящимися,
как глаза, светляками.

Безумец я, любовью опьяненный,
Сухой пенек за милый образ принял,
Холодный блеск зеленых светляков –
За светлые Снегурочкины глазки.
Из лесу показывается призрак Снегурочки и манит Мизгиря. Кусты и сучья деревьев
принимают меняющиеся фантастические образы. Мизгирь бежит за призраком.

Леший

Броди всю ночь за призраком бегущим!
Лови мечты манящей воплощенье!
Лишь светлый день твои рассеет грезы.
(Уходит.)

Поляна принимает прежний вид. Выходит Лель, за ним – Прекрасная Елена.

Явление четвертое
Лель, Прекрасная Елена.

Прекрасная Елена

Пленительный пастух, куда стремишься?
Умильный взгляд обороти назад!
Лель

Прекрасная Елена!
Прекрасная Елена

Ты дивишься.
Что в поздний час одна в лесу блуждаю?
Пригожий Лель, меня взманило пенье
Певца весны; гремевший соловей,
С куста на куст перелетая, манит
Раскрытое для увлечений сердце
И дальше в лес опасный увлекает
Прекрасную Елену.

Недалеко
От царского шатра блуждаешь ты.
Вернись к нему открытою поляной!
Опасности не встретишь.
Прекрасная Елена

Злой пастух!
Не хочешь ты Прекрасную Елену
В густом лесу тенистом проводить
Уютную тропинкой.
Лель

Провожатым
Пошел бы я, да сердце не на месте:
В гулянках я все стадо растерял,
Ищу теперь по кустикам овечек.
Прекрасная Елена

По кустикам? Противный, чует сердце,
Какую ты в лесу овечку ловишь.
Ах, бедная овечка, прячься дальше!
Отыщет Лель и сетью льстивой речи
Запутает в такую же напасть.
В какую ввел Прекрасную Елену.
Заставил ты несчастную ревниво
Следить тебя в печальном размышленьи:
Как вредно вам вверяться, пастухам.
Лель

Спеши к шатрам, Прекрасная Елена!
Отсутствие твое заметят скоро.
Прекрасная Елена

Ах, милый Лель, боюсь!
Лель

Чего, Елена
Прекрасная, боишься ты?
Прекрасная Елена

(прижимаясь к Лелю)

Ах, Лель,
Всего боюсь. Смотри, в кустах мелькают
И светятся двойчаткой, точно свечки,
Глаза волков кровавые. А вот
На дереве повис, как кошка, леший, –
Скосив глаза и высунув язык,
Старается удавленника скорчить.
А вон другой – для шутки лапу
Лохматую в колючий куст просунув,
Зажмурясь, ждет, чтоб ферязь разорвать
И сделать в ней прореху, где не надо.
Всего боюсь, и света и потемков,
Страшит меня и зверь, и человек,
И леший, злой проказник. Только Лелю
Пригожему, закрыв глаза, без страха
Холодного, себя вверяю.
(Зажмурясь, ложиться на грудь Лелю.)

Сладко
В объятиях твоих лежать и млеть.
Входит Бермята. Лель передает ему Прекрасную Елену и уходит.

Но пламень чувств моих не зажигает
Огня в груди у Леля!

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Явление пятое
Елена Прекрасная, Бермяга.

Бермяга

Лель пригожий
От пламени любви твоей бежит.
Прекрасная Елена

Какой удар!
Бермяга

Пенять и удивляться
Не стану я; прекрасную супругу
Не в первый раз в чужих объятьях вижу.
Пойдем со мной! В лесу ночной порою
И встретит кто, так все ж пристойней с мужем
Бродить тебе, чем с Лелем.
Прекрасная Елена

Милый муж,
Разбойник Лель удваивает нежность
Жены твоей к тебе. Его поступок
Прекрасную Елену убеждает,
Что юноши все нагло-бессердечны,
Зато мужья и милы и добры.
Уходят.

Входит Лель, Снегурочка выходит из кустов.

Явление шестое
Лель и Снегурочка.

Снегурочка

Велел, и жду тебя; велел, и жду.
Пойдем к царю! А я веночек новый
Сплела себе, смотри. Пригожий Лель,
Возьми с собой! Обнимемся! Покрепче
Прижмусь к тебе от страха. Я дрожу,
Мизгирь меня пугает: ищет, ловит.
И что сказал, послушай! Что Снегурка
Его жена. Ну, статочное ль дело:
Снегурочка – жена? Какое слово
Нескладное!
Лель

(завидев бегущую Купаву)

Да здесь ли нам ожидатьсь?
Не там ли вон, смотри!
Снегурочка

Да здесь ли, там ли,
Ведь ты со мной. Чего ж еще?
Лель

Подпасок
Бежит сюда по тайности словечко
Сказать со мной. Дождись вон там!
Снегурочка

Изволь!
(Уходит на другую сторону в кусты.)

Прибегает Купава.

Явление седьмое

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Лель, Купава, Снегурочка.

Купава

Насилу я нашла тебя, желанный,
Сердечный друг, голубчик сизокрылый!
Не в глазки, нет, не в щечки целовать, –
У ног лежать, голубчик сизокрылый,
У ног лежать должна Купава.
Лель

Полно!
Летят и льнут к соте мухи,
К воде листок, к цветочку пчелка льнет –
К Купаве Лель.
Купава

Голубчик сизокрылый!
Тепло мое сердечко, благодарной
Навек тебе останусь; ты от сраму,
От жгучих игл насмешки и покров
Купаве спас девическую гордость.
При всем честном народе поцелуем
Сравнял меня, забытую, со всеми.
Лель

Да разве я не знал, какое сердце
Куплю себе, тебя целуя. Если
У глупого мальчонка-пастуха
Рассудка нет, так вещим сердцем сыщет
Подружку он.
Купава

Подружку? Нет, собачку.
Мани меня, когда ласкать захочешь,
Гони и бей, коль ласка надоест.
Без жалобы отстану, только взглядом
Слезящимся скажу тебе, что я, мол,
Приду опять, когда поманишь.
Лель

Радость
Души моей, Купава, сиротинка
Свою гульбу-свободу отгулял.
Победная головка докачалась
До милых рук, долюбовались очи
До милых глаз, домаялось сердечко
До теплого приюта.
Купава

Лель пригожий,
Надолго ли любовь твоя, не знаю;
Моя любовь до веку и до часу
Последнего, голубчик сизокрылый!
Лель

Идем скорей! Бледнеют тени ночи.
Смотри, заря чуть видною полоской
Прорезала восточный неба край,
Растет она, яснее, ширясь. Это
Проснулся день и раскрывает веки
Светящих глаз. Пойдем! Пора приспела
Встречать восход Ярила-Солнца. Гордо
Перед толпой покажет Солнцу Лель
Любимую свою подругу.
Снегурочка выбегает из кустов.

Снегурочка

Стойте!

Обманщик Лель, зачем же я ждала,
Плела венки? Ведь не затем, чтоб после
Смочить его слезами. Ты уж так бы
Сказал тогда: Снегурочка, плети,
Плети венки и плачь, роняй слезинки
На каждый лист, на каждый лепесток!
А ты манил.
Купава

Снегурочка, да чем же
Встречать тебе восход Ярила-Солнца?
Когда его встречаем, жизни сила,
Огонь любви горит у нас в очах,
Любовь и жизнь – дары Ярила-Солнца;
Его ж дары ему приносят девы
И юноши; а ты сплела венки,
Надела бус на шейку, причесалась,
Пригладилась – и запон, и коты
Новехоньки, – тебе одна забота,
Как глупому ребенку, любоваться
На свой наряд да забегать вперед,
Поодаль стать, – в глазах людей вертеться
И хвастаться обновками.
Снегурочка

Купава,
Разлучница! Твое же это слово;
Сама меня разлучницей звала,
Сама же ты и разлучаешь с Лелем.
Лель

Снегурочка, подслушивай почаще
Горячие Купавы речи! Время
Узнать тебе, как сердце говорит,
Когда оно любовью загорится.
Учись у ней любить и знай, что лелю
Не детская любовь нужна. Прощай!
(Убегает с купавой.)

Снегурочка

Обманута, обижена, убита
Снегурочка. О мать, Весна-Красна!
Бегу к тебе и с жалобой и с просьбой:
Любви прошу, хочу любить! Отдай
Снегурочке девичье сердце, мама!
Отдай любовь иль жизнь мою возьми!
(Убегает.)

Действие четвертое
ЛИЦА:

Царь Берендей.

Снегурочка.

Мизгирь.

Лель.

Весна-Красна.

Все берендеи, свита Весны, цветы.

Ярилина долина: слева (от зрителей) отлогая покатость, покрытая невысокими

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
кустами; справа – сплошной лес; в глубине озеро, поросшее осокой и водяными
растениями с роскошными цветами; по берегам цветущие кусты с повисшими над водой
ветвями; с правой стороны озера голая Ярилина гора, которая оканчивается острою
вершиной. Утренняя заря.

Явление первое

Призрак Снегурочки несется, едва касаясь земли. Мизгирь идет за ним.

Мизгирь

Всю ночь в глазах мелькает милый образ.

Снегурочка, постой одно мгновенье.

(Убегает за призраком в лес,)

Снегурочка сходит с горы.

Явление второе

Снегурочка, потом Весна.

Снегурочка

(обращаясь к озеру)

Родимая, в слезах тоски и горя

Зовет тебя покинутая дочь.

Из тихих вод явись – услышать стоны

И жалобы Снегурочки твоей.

Из озера поднимается Весна, окруженная цветами.

Весна

Снегурочка, дитя мое, о чем

Мольбы твои? Великими дарами

Могу тебя утешить на прощанье.

Последний час Весна с тобой проводит,

С рассветом дня вступает бог Ярило

В свои права и начинает лето.

(Подходит к Снегурочке.)

Чего тебе недостает?

Снегурочка

Любви!

Кругом меня все любят, все счастливы

И радостны, а я одна тоскую;

Завидно мне чужое счастье, мама.

Хочу любить – но слов любви не знаю,

И чувства нет в груди; начну ласкаться –

Услышу брань, насмешки и укоры

За детскую застенчивость, за сердце

Холодное. Мучительную ревность

Узнала я, любви еще не зная.

Отец-Мороз, и ты, Весна-Красна,

Дурное мне, завистливое чувство

Взамен любви в наследство уделили;

В приданое для дочки положили

Бессонные томительные ночи

И встречу дня без радости. Сегодня,

На ключике холодном умываясь,

Взглянула я в зеркальные струи

И вижу в них лицо свое в слезах,

Измятое тоской бессонной ночи.

И страшно мне: краса моя увянет

Без радости. О мама, дай любви!

Любви прошу, любви девичьей!

Весна

Дочка,

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Забыла ты отцовы спасенья.
Любовь тебе погибель будет.
Снегурочка

Мама,
Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слез.
Весна

Изволь, дитя, – любовью поделиться
Готова я; родник неистощимый
Любовных сил в венке моем цветочном.
Сними его! Присядь ко мне поближе!
Весна садится на траву. Снегурочка подле нее. Цветы окружают их.

Смотри, дитя, какое сочетание
Цветов и трав, какие переливы
Цветной игры и запахов приятных!
Один цветок, который ни возьми,
Души твоей дремоту пробуждая,
Зажжет в тебе одно из новых чувств,
Незнаемых тобой, – одно желанье,
Отрадное для молодого сердца,
А вместе все, в один венок душистый
Сплетясь пестро, сливая ароматы
В одну струю, – зажгут все чувства разом,
И вспыхнет кровь, и очи загорятся,
Окрасится лицо живым румянцем
Играющим, – и заколышет грудь
Желанная тобой любовь девичья.
Зорь весенних цвет душистый
Белизну твоих ланит,
Белый ландыш, ландыш чистый
Томной негой озарит.
Барской спеси бархат алый
Опушит твои уста,
Даст улыбку цветик малый –
Незабудка-красота.
Роза розой заалеет
На груди и на плечах,
Василечек засинеет
И просветится в очах.
Кашки мед из уст польется
Чарованием ума,
Незаметно проберется
В душу липкая Дрема.
Мак сердечко отуманит,
Мак рассудок усыпит.
Хмель ланиты нарумянит
И головку закружит.
(Надевает венок на голову Снегурочки.)

Снегурочка

Ах, мама, что со мной? Какой красую
Зеленый лес оделся! Берегами
И озером нельзя налюбоваться.
Вода манит, кусты зовут меня
Под сень свою; а небо, мама, небо!
Разлив зари зыбучими волнами
Колышется.
Весна

Снегурочка, прощай,
Дитя мое! Любовным ароматом
Наполнилась душа твоя. Кипучий
Восторг страстей тебя охватит скоро;
Красой лугов и озером зеркальным

Дотоле ты любишь, пока
На юношу не устремятся взоры.
Тогда лишь ты вполне узнаешь силу
И власть любви над сердцем. С первой встречи
Счастливец ты даришь любовью, кто бы
Ни встретился тебе. Но, радость-дочка,
Таи любовь от глаз Ярила-Солнца,
Спешу домой, не медля: не любуйся
Багряными потоками рассвета, –
Вершины гор покрылись позолотой,
И скоро царь светил осветит землю.
Беги домой тропинками лесными
В тени кустов и избегая встречи;
Предчувствие тревожит сердце мне.
Прощай, дитя, до нового свиданья,
И матери советов не забудь.
(Опускается в озеро.)

Снегурочка

Какое я сокровище храню
В груди моей. Ребенком прибежала
Снегурочка в зеленый лес – выходит
Девушкой с душой счастливой, полной
Отрадных чувств и золотых надежд.
Снесу мой клад тропинкой неизвестной;
Одна лишь я по ней бродила, лешим
Протоптана она между болотом
И озером. Никто по ней не ходит,
Лишь лешие, для шутки, горьких пьяниц
Манят по ней, чтоб завести в трясины
Без выхода.
(Идет в лес.)

Навстречу ей выходит Мизгирь.

явление третье
Снегурочка, Мизгирь.

Мизгирь

Снегурочка!
Снегурочка

Ах, встреча!
Мизгирь

Снегурочка, мои слабеют силы,
Всю ночь ловлю тебя. Остановись!
Боишься ты?
Снегурочка

О нет, Мизгирь, не страхом
Полна душа моя. Какая прелесть
В речах твоих! Какая смелость взора!
Высокого чела отважный вид
И гордая осанка привлекают,
Манят к тебе. У сильного – опоры,
У храброго – защиты ищет сердце
Стыдливое и робкое. С любовью
Снегурочки трепещущая грудь
К твоей груди прижмется.
Мизгирь

(обнимая ее)

Жадным слухом
Ловлю твои слова, боюсь поверить

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Блаженству я, Снегурочка.
Снегурочка

О милый,
Прости меня! Чего-то я боялась,
Смешно самой и стыдно, берегла
Какое-то сокровище, не зная,
Что все, что есть на свете дорогого,
Живет в одном лишь слове. Это слово:
Любовь.
Мизгирь

Еще отрадных слов, еще,
И счастья не будет меры.
Снегурочка

Милый,
Позволь взглянуть в твое лицо, в огонь
Твоих очей взглядеться! Слушай, прежде
Считала я девичью миловидность,
Сребристый пух ланит и нежность кожи
За лучшую красу. Не понимаю,
Слепа, глупа была. Да разве можно
Красу девиц равнять с твоей красою?
Незрелый цвет девичьей нежной кожи
Равнять с мужским румянцем загрубелым?
Снегурочка твоя, бери в свой дом
Жену свою, – любить и нежить буду,
Ловить твой взгляд, предупреждать желанья.
Но, милый мой, бежим скорее, спрячемся
Любовь свою и счастье от Солнца,
Грозит оно погибелью! Бежим,
Укрой меня! Зловещие лучи
Кровавые страшат меня. Спасай,
Спасай свою Снегурочку!
Мизгирь

Дитя,
Спасать тебя? Любовь твоя – спасенье
Изгнаннику. На солнечном восходе
Мизгирь тебя супругою покажет,
И царский гнев правдивый укротится,
И, милостью богатый, Берендей
Младой чете свою окажет ласку.
Снегурочка

(на коленях)

Завет отца и матери, о милый,
Не смею я нарушить. Вещим сердцем
Почуяли они беду, – таить
Велели мне мою любовь от Солнца.
Погибну я! Спаси мою любовь,
Спаси мое сердечко! Пожалей
Снегурочку!
Мизгирь

Покорными сердцами
Привыкла ты владеть, привыкла тешить
Угодами обычай прихотливый.
Но сердцем я не мальчик – и любить,
И приказать умею: оставайся!
Снегурочка

Не прихоть, нет. В руках твоих погибнет
Снегурочка!
Мизгирь

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Оставь ребячьи страхи
Неведомой беды! Но если вправду
Беда придет – тогда погибнем вместе.
Снегурочка

Смотри, смотри! Все ярче и страшнее
Горит восток. Сожми меня в объятьях,
Одежду, руками затени
От яростных лучей, укрой под тенью
Склонившихся над озером ветвей.
(Становится под тенью куста.)

Из лесу по горе сходит народ; впереди гуслиеры играют на гуслиях и пастухи на
рожках, за ними царь со свитой, за царем попарно женихи и невесты в праздничных
одеждах, далее все берендеи. Сойдя в долину, народ разделяется на две стороны.

Явление четвертое
Снегурочка, Мизгирь, Царь Берендеи, Лель и весь народ. Все с ожиданием смотрят
на восток и при первых лучах солнца запевают.

Общий хор

Одна сторона:

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой Дид-Ладо, сеяли, сеяли.
Другая сторона:

А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой Дид-Ладо, вытопчем, вытопчем.
1-я:

А чем же вам вытоптать, вытоптать,
Ой Дид-Ладо, вытоптать, вытоптать?
2-я:

А мы коней выпустим, выпустим,
Ой Дид-Ладо, перейдем, перейдем.
1-я:

А мы коней перейдем, перейдем,
Ой Дид-Ладо, перейдем, перейдем.
2-я:

А мы коней выкупим, выкупим,
Ой Дид-Ладо, выкупим, выкупим.
1-я:

А чем же вам выкупить, выкупить,
Ой Дид-Ладо, выкупить, выкупить?
2-я:

А мы дадим девицу, девицу,
Ой Дид-Ладо, девицу, девицу.
1-я:

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дид-Ладо, прибыло, прибыло.
2-я:

А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дид-Ладо, убыло, убыло.
При пении обе стороны сближаются медленными шагами под размер песни. При конце
песни женихи берут невест и кланяются царю.

Царь

Да будет ваш союз благословен

Обилием и счастьем! В богатстве
и радости живите до последних
Годов своих в семье детей и внуков!
Печально я гляжу на торжество
Народное: разгневанный Ярило
Не кажется, и лысая вершина
Горы его покрыта облаками.
Недоброе сулит Ярилин гнев:
Холодные утра и суховеи,
Медвяных рос убыточные порчи,
Неполные наливы хлебных зерен,
Ненастную уборку – недород,
И ранние осенние морозы,
Тяжелый год и житниц оскуднение.
Мизгирь

(подводя Снегурочку к царю)

Великий царь, твое желанье было
Законом мне, и я его исполнил:
С Снегурочкой на брак благослови,
Прости вину мою и гнев на милость
Перемени!
Голоса из народа

О, диво, полюбила
Снегурочка.
Царь

Охотой ли, девица
Снегурочка, вручаешь жениху
Судьбу свою? С твоей рукою вместе
Даешь ли ты любовь ему?
Снегурочка

О царь!
Спроси меня сто раз, сто раз отвечу,
Что я люблю его. При бледном утре
Открыла я избраннику души
Любовь свою и кинулась в объятья.
При блеске дня теперь, при всем народе,
В твоих глазах, великий Берендей,
Готова я для жениха и речи,
И ласки те сначала повторить.
Яркий луч солнца порезывает утренний туман и падает на Снегурочку.

Но что со мной: Блаженство или смерть?
Какой восторг! Какая чувств истома!
О мать-Весна, благодарю за радость,
За сладкий дар любви! Какая нега
Томящая течет во мне! О Лель,
В ушах твои чарующие песни,
В очах огонь... и в сердце... и в крови
Во всей огонь. Люблю и таю, таю
От сладких чувств любви! Прощайте, все
Подруженьки, прощай, жених! О милый,
Последний взгляд Снегурочки тебе.
(Тает.)

Мизгирь

Снегурочка, обманщица, живи,
Люби меня! Не призраком лежала
Снегурочка в объятиях горячих:
Тепла была; и чуял я у сердца,
Как сердце в ней дрожало человечье.
Любовь и страх в ее душе боролись,
От света дня бежать она молила.

Не слушал я мольбы – и предо мною
Как вешний снег растаяла она.
Снегурочка, обманщица не ты:
Обманут я богами; это шутка
жестокая судьбы. Но если боги
Обманщики – не стоит жить на свете!
(Убегает на Ярилину гору и бросается в озеро.)

Царь

Снегурочки печальная кончина
И страшная погибель Мизгиря
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье –
Холодная Снегурочка погибла.
Пятнадцать лет она жила меж нами,
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.
Теперь, с ее чудесною кончиной,
Вмешательство Мороза прекратилось.
Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу.
И верю я, оно приветно взглянет
На преданность покорных берендеев.
Веселый Лель, запой Яриле песню
Хвалебную, а мы к тебе пристанем.
Палящий бог, тебя всем миром славим!
Пастух и царь тебя зовут, явись!
Лель

(запевает)

Свет и сила,
Бог Ярило.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.
Общий хор

Свет и сила,
Бог Ярило.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.
На вершине горы на несколько мгновений рассеивается туман, показывается Ярило в виде молодого парня в белой одежде, в правой руке светящаяся голова человека, в левой – ржаной сноп. По знаку царя прислужники несут целых жаренных быков и баранов с вызолоченными рогами, бочонки и енды с пивом и медом, разную посуду и все принадлежности пира.

Хор

(допевает)

Даруй, бог света,
Теплое лето.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.
Краснопогодное,
Лето хлебородное.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.
Трудовой хлеб
Сцены из жизни захолустья, в четырех действиях
Действие первое
ЛИЦА:

Иоасаф Наумич Корпелов, лысый, преждевременно состарившийся и сгорбившийся, но всегда улыбающийся человек. Одет в черное длинное сак-пальто, застегнутое сверху донизу. Тон, движения, манеры педантские, с примесью шутовства. По занятию –

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
учитель, промысляющий дешевыми частными уроками.

Наталья Петровна Сизакова, сирота, красивая девушка, лет 25, племянница Корпелова по матери.

Евгения Львовна, бедная девушка, дальняя родня Наташи, одних с ней лет.

Павел Сергеич Грунцов, молодой человек, кончивший курс в университете, ищущий места; недурен собой, с бородкой; одет прилично; короткий пиджак, красивые, хорошо вычищенные сапоги по колена, фуражка всегда немного на затылке, в руках толстая палка. Шагает широко, в жестах развязен.

Иван Федулыч Чепурин, лавочник, хозяин дома, в котором живет Корпелов. Молодой человек, косоват, рябой; рыжеватая неподстриженная борода клином. Одет щеголевато в серенькую одноцветную пару. Держит себя скромно и сосредоточенно. Взгляд, речь и движения энергичны.

Маланья, кухарка, лет за 50, одета по-русски. (Корпелов зовет ее Аглаей.)

Бедная комната, соседняя с кухней. С правой стороны (от зрителей) окно, под окном небольшой письменный стол, на нем разбросаны книги; перед столом стул; далее, в углу, горка с книгами. С левой стороны шкафчик с посудой; за ним, в углу, дверь в комнату Наташи. В глубине узкая дверь в кухню; направо от двери тонкая перегородка, у которой, между дверью и горкой, мягкий ситцевый диван, служащий постелью Корпелову; над диваном на стене висит гитара; налево от двери до угла бок выбеленной русской печи; у печи деревянная скамейка; на ней железное ведро, самовар и медный подсвечник. Посредине комнаты обеденный стол и несколько стульев.

Явление первое
Корпелов (один).

Корпелов (входит усталый, снимает измятую широкополую шляпу и садится у письменного стола. Со вздохом). Вотще! (Помолчав.) Напрасно, так сказать, все! и без денег, и тощ вспять возвратится. Но мудрый унывать не должен, – мудрый всегда найдет себе утешение в горести. Обращусь к живительной влаге!.. (Подходит к шкафу и отворяет его.) Сей источник радостей... (осматривая графин) иссяк. (Громко.) Аглая, Аглая!

Входит Маланья.

Явление второе
Корпелов, Маланья.

Корпелов (показывая графин). Воззри!

Маланья. Чего тут зреть-то!

Корпелов. Пусто.

Маланья. Да чему ж и быть-то, коли выпито.

Корпелов. Сам Сократ глаголет твоими устами. Выпито! Вижу, что выпито; но кем?

Маланья. Да кому ж, окромя что сам. Умереть на месте! Пошлешь на пяточок, да хочешь, чтобы неделю велось, что ли? Кабы ты мог рассудить правильно, так тут и на один-то раз чего! Да мое бабье дело, да я...

Корпелов. Довольно!

Маланья. Стало быть, от тебя только одна обида, больше ничего не будет?

Корпелов. Аглая, довольно!

Маланья. Что ж напрасно-то! Вот лопни утроба...

Корпелов. Аглая, Аглая!

Маланья. Боже мой!

Корпелов (громко и затыкая уши). Satis! [1]

Маланья. Только что беспокойство. Тоже хозяйева! Чтоб вас... (Уходит.)

Явление третье
Корпелов (один).

Корпелов (ставит графин в шкаф). Сего утешения лишен. Разве возбрыцать на сей бандуре! (Указывая на гитару.) Но персты мои и сладкий глас мой исполнены дрожания от многого хожденья. Остается усладительница душ, поэзия. Приди и утоли скорбный дух мой! (Берет со стола книгу и читает про себя несколько времени.) «Бегут быстротечные годы!» – говорит Гораций. Да, действительно, бегут проворно; но еще проворней бегут месяцы, особенно если нечем платить за квартиру. Гораций этой заботы не знал, оттого и дух его парил так высоко. А если б он и знал, если б и задолжал месяца за два, то не без основания можно полагать, что Меценат заплатил бы за него. А я вот нынешний день, будучи обязан иметь семь с полтиной, обежал всех учеников своих, пешешествуя по стогнам столицы семо и овамо, от сего конца и до оного и даже до последних пределов, сиречь до вала Камер-коллежского... Семи с полтиной не обрел, ибо ученики мои беднее учителя, и се жду со смиренным сердцем от хозяина поношения и поругания. (Ложится на диван и складывает руки на груди.)

Входит Грунцов, запыхавшись, садится у стола, бросает фуражку и оттирает со лба пот.

Явление четвертое
Корпелов, Грунцов.

Грунцов (едва переводя дух). Здравствуй, domine! [2]

Корпелов. Здравствуй, юноша! Шагал?

Грунцов. Шагал.

Корпелов. Много стадий?

Грунцов. Шесть верст за заставу, на дачу. Барчонок один за лекции двадцать рублей должен...

Корпелов. Результат?

Грунцов. Nihil [3]. Пристяжную новую покупает, самому нужны. Показывал, в кольцо вьется. Велел после приходить.

Корпелов. Maie, сиречь – нехорошо. Динарии, юноша, имеешь?

Грунцов. Нет, отче!

Корпелов. Зело потребны.

Грунцов. Ты бы, domine, прежде сказал. Утру глубоку я забегал к ростовщику, к Мурину, понаведаться, что он за мой хронометр даст.

Корпелов. И тебе, юноша, сребреники понадобились?

Грунцов. Барышне конфеты проспорил, остальные тебе, domine, отдал бы, вот и квит.

Корпелов. Ты, видно, как я же: завелись деньги, так маешься, маешься с ними, тоска возьмет, точно кандалы тяготят, – ходишь, ходишь, по трактирам-то газеты читаешь, пока выдут все. Ну, тогда полегче станет, опять повеселеешь. А вот нужны динарии, так их и нет.

Грунцов. Какая у нас нужда, domine! Вот я нынче видел нужду-то! Прихожу я к Мурину, от него выходит молоденький франтик, в коляску хочет садиться... пара

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
рысаков, тысячи полторы стоят... вышел от Мурина-то, шатается; прислонился у
двери, едва дух переводит, – бледный как полотно, губы трясутся, а сам шепчет:
«Душит он меня, душит, кровь пьет; зарежу я его». Вот она – нужда-то! в коляске
на рысаках ездит, а мы что!

Входит Евгения.

Явление пятое
Корпелов, Грунцов, Евгения, потом Маланья.

Евгения (Грунцову). Вы опять пришли?

Грунцов. Да вам-то что за дело? Я не к вам, я к отцу.

Евгения. Конечно, мне все равно, есть ли вы на свете, нет ли вас; только,
пожалуйста, не разговаривайте со мной.

Грунцов. Извольте.

Евгения. А когда ж конфеты?

Грунцов молчит.

Что ж вы молчите? Как это учтиво с вашей стороны!

Грунцов. Да ведь вы сами не велели с вами говорить.

Евгения. У вас на все отговорки есть. Только надо вам знать, что благородные
люди всегда свое слово держат. Да и я-то глупа, – жду от вас. Вам либо жаль
рубля, либо у вас нет его.

Грунцов. Будет и на нашей улице праздник.

Евгения. Когда это?

Грунцов. А вот поеду в Уфу, так вам пять фунтов куплю.

Евгения. Вы давно собираетесь, а все ни с места.

Грунцов. Не заплачете, барышня.

Евгения. Я-то? Ах, как вы много о себе думаете! Маланья, ставь самовар! Скоро
Наташа придет.

Выходит из кухни Маланья и берет со скамейки самовар.

Маланья. А вы прежде спросили бы, вода-то есть ли у нас, а то самовар!

Корпелов. Аглая, не груби!

Грунцов вынимает из кармана две копейки, показывает Маланье, надевает фуражку,
берет со скамейки ведро и уходит. Маланья с самоваром за ним.

Евгения. Грунцов такой спорщик, такой спорщик! Просто сил никаких нет.

Корпелов. Вот он не заспорил, а взял ведро да за водой пошел.

Евгения. Ну, что ж из этого?

Корпелов. Я у него денег попросил, он тоже не заспорил; а хотел часы заложить да
заплатить за нас хозяину за квартиру. Ergo[4], он не спорщик.

Евгения. Может быть, он хороший и добрый человек, только я его не люблю и видеть
не могу. (Взглянув в окно.) Хозяин идет. Как чай, так и он тут, и всегда за себя
нам гривенник заплатит. Он в кого-нибудь влюблен, либо в меня, либо в Наташу.

Входит Грунцов.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Грунцов. Domine, к тебе хозяин. (Евгении.) Позвольте к вам в комнату войти, барышня, поспорить о чем-нибудь.

Евгения. Войдите, пожалуй; только спорить с вами я ни за что не буду; говорите что хотите, а я буду молчать.

Грунцов. Предмет спора: есть у женщин ум или нет?

Евгения. Ну, уж извините! Разумеется, есть.

Грунцов. А я утверждаю, что нет. У них только каприз, и его-то они за ум и считают.

Евгения и Грунцов уходят. Входит Чепурин.

Явление шестое
Корпелов, Чепурин.

Чепурин (кланяясь). Асафу Наумычу... почтение-с. (Подает руку.)

Корпелов. За деньгами? о тиран души моей!

Чепурин. Больше по знакомству-с, а уж кстати и за деньгами, потому срок-с.

Корпелов (нагибаясь). Ты зри главу мою, лишнюю волос.

Чепурин. Вижу-с. От ума, говорят, это приключается, у кого ежели лишнего много.

Корпелов. Не трогает тебя?

Чепурин. Не редкость какая! Бывают и еще пространнее.

Корпелов. Ну, хочешь, я тебе вместо денег песенку спою и на гитаре сыграю?

Чепурин. Уж очень дорого мне ваша музыка обойдется-с, не по капиталу.

Корпелов. Ну, хочешь, латинскую или французскую книжку тебе почитаю?

Чепурин. Интересно бы послушать, да только у меня к этим языкам как-то понятливости нет-с.

Корпелов. Ну, нечего с тобой делать, надо отдать.

Чепурин. Пожалуйте-с.

Корпелов. Постой! Я говорю, что надо отдать, а не говорю, что отдам сейчас. Денег ни одного абаза нет. Приходи завтра.

Чепурин. Я только удивляюсь на вас: как это вы, при всей вашей учености, всякие вы языки знаете, и никакого себе профиту не имеете.

Корпелов. А оттого я профиту не имею, что от самой юности паче всего возлюбил шатание. Как кончил курс, так и пошел бродить по лицу земному: где у товарищей погостишь, где на дешевеньком учительском месте поживешь. Юношей в гимназии да в университеты готовил рубликов за шестьдесят в год, да из них еще бедной сестренке уделял. В Тамбове год, в Ростове полгода, в Кашине три месяца, а в Ветлугу на недельку погостить хаживал; и прожил я так лет семнадцать, как один день. Товарищи мои до генеральства дослужились, а я выучился только на гитаре играть. С какой котомкой вышел из Москвы, с такой же и вернулсЯ.

Чепурин. Да, тоже, видно, жизнь-то никому не легка, горя-то про всякого довольно.

Корпелов. Ты какое видел?

Чепурин. Лыком подпоясано-с. Я недавно и человеком-то стал, а жить-то начал в лошадиной запряжке. Прежде на этом самом месте пустырь был, забором обнесенный, и калитка на тычке; нанял я подле калитки сажень земли за шесть гривен в год,

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
разбил на тычке лавочку из старого тесу; а товару было у меня: три фунта баранок, десяток селедок двухкопеечных, да привозил я на себе по две бочки воды в день, по копейке ведро продавал-с. Вот какой я негоциант был-с. Потом мало-помалу купил всю эту землю, домик выстроил, – имею в нем овощной магазин, с квартир доход получаю: бельэтаж двести рублей в год ходит-с.

Корпелов. Что ж ты сам в бельэтаже не живешь?

Чепурин. Кабы у меня супруга была-с, так сумел бы и я жить в бельэтаже; а как я холостой, так с меня и темного чулана довольно достаточно-с.

Корпелов. Друже, заведи супругу, сделай милость, заведи!

Чепурин. За этим дело не станет, да надо, чтоб у нее капитал был, хоть небольшой-с; вот как у Натальи Петровны.

Корпелов. А ты почему знаешь, какой у Натальи Петровны капитал?

Чепурин. Слухом земля полнится. У них от маменьки.

Корпелов. Да, да. Вот была женщина-то!

Чепурин. Коли умела деньги оставить, значит ум в себе имела-с.

Корпелов. Оставить! Мало ль кто оставляет. Дело в том, как оставить. Вот слушай! Да нет, уйди лучше, – я плакать буду.

Чепурин. Да, может, и я заплачу-с; это ничего-с.

Корпелов. Уж не помню, где я скитался, кажется в Харькове; только помню, что дело было на святках; загуляли мы у градского головы, – разный народ был: учителя, чиновники из семинаристов, певчие, – уже третий день мы пели душеполезные канты, хозяин сидел на кресле посреди залы, а мы все на стульях у стен, – мы пели, а он дирижировал и плакал. Только что мы затянули «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...», тенора залились вверху, хозяин чуть не навзрыд, – вдруг приносят мне от сестры письмо. Читаю: «Милый братец, приезжай скорей, умираю». Хмель с меня соскочил, поплелся я в Москву пешком. Одежка плохая, денег всего три рубля; попадетса обоз, подсяду; замерз было. Дотащился кой-как; сестра при последнем издыхании. «Вот тебе, говорит, дочь! Береги ее, смотри, чтоб она трудилась, работала; честнее труда ничего на свете нет; коли найдешь хорошего человека, выдай ее замуж. Вот тебе деньги, не тратьте их, это мои трудовые; живите трудом, работайте, а денег не трогать ни под каким видом, – это я сберегла ей на приданое. Выйдет замуж, тогда отдай мужу; а не выйдет, пусть бережет под старость, на черный день». Да такой это строгий был приказ, так строго она на меня посмотрела своими умирающими глазами, что у меня и теперь мурашки по спине ползают и слеза меня прошибает.

Чепурин. Надо вам исполнить-с! Уж это святое дело-с! Только я наслышан, что, кроме этих, еще должны быть деньги.

Корпелов. Разве где-нибудь пятак завалился; а больше нет.

Чепурин. Потому как ваша сестрица жили у богатого барина в экономках...

Корпелов. Ну, бросайся в окно!

Чепурин. Зачем же-с?

Корпелов. У меня силы нет тебя выкинуть, а ты стбишь.

Чепурин. Да я не в осуждение-с.

Корпелов. Вот как это было, stultissime![5] Сестра моя была красавица, выдали ее замуж за горького, несчастного чиновника Сизакова. Маялась с ним, маялась она; года через два и овдовела; осталась с дочерью без копейки, хоть по миру идти. Тут один барин, старый знакомый, и пригласил ее к себе в экономки. Ну, и жила она, точно, покойно; только не нравилась ей эта жизнь. «Скучно, говорит, дела мало, – да без заботы и без горя жить нехорошо, бога забудешь. Жила я с мужем,

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e говорит, выработала себе денег на шерстяной салопчик и сама его сшила, так, веришь ли, как он мне был мил; а потом, говорит, как жила у барина и очень хорошо одевалась, да все нѣмилло, только людей стыдно». Потом стал этот барин в старость приходить, оступила его родня, начали на сестру косо посматривать; не могла она этого перенести, ушла, даже и своего много оставила. После барин не раз звал ее опять к себе – не пошла; денег посылал – не брала.

Чепурин. Теперь вам, значит, только человека найти.

Корпелов. В том вся и задача.

Чепурин. А я полагаю: если вы и найдете, так ничего толку не будет. Получит ваш жених эти деньги, нашьет себе брючек да жилетов, а Наталья Петровна должны из его рук каждую копейку смотреть. Охотников-то на деньги много, да притом же Наталья Петровна в себе красоту имеют.

Корпелов. Как же быть-то? научи!

Чепурин. Прикажете?

Корпелов. Прикажу.

Чепурин. Отдайте Наталью Петровну за меня, тогда и деньгам место найдется.

Корпелов. Ты... asinus.[6]

Чепурин. Мы бы в бельэтаж перешли и завели там мастерскую, и во весь дом над окнами вывеску: «Моды и уборы. Мадам Чепурина». А внизу над окнами тоже во весь дом вывеску: «Индоевропейский магазин китайских чаев и прочих колониальных товаров купца Чепурина».

Корпелов. Ты когда-нибудь на себя глядел в зеркало-то?

Чепурин. Глядел-с, – ничего такого чрезвычайного...

Корпелов. Как ничего чрезвычайного? Да ведь ты Рожер, ужаснейший Рожер; ведь ты мне грубости говоришь, – тебя за это к мировому. Ну, кланяйся в ноги!

Чепурин. За что же-с?

Корпелов. А чтоб я Наташе не сказывал.

Чепурин. Они знают-с, я им даже на письме выражал.

Корпелов. Что ж, она тебя больно?..

Чепурин. Чего-с?

Корпелов. По физиономии-то больно?

Чепурин. Совсем напротив-с. Очень даже деликатно...

Корпелов. Что деликатно?

Чепурин. Дали понять-с.

Корпелов. Да что?

Чепурин. Что будто я глуп-с.

Входят Грунцов и Евгения.

Явление седьмое

Корпелов, Чепурин, Грунцов и Евгения.

Евгения (в кухню). Маланья, что ж ты самовар? Скоро ль там у тебя?..

Маланья (из кухни). А как поспеет, так и готово. Все вы там, что ли? Много ли

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
посуды-то собирать?

Евгения. Собирай больше! (Грунцову.) Вы будете чай пить?

Грунцов. Непременно, и прошу вас налить мне как можно послаще, – да еще краюху черного хлеба у Маланьи выпрошу.

Евгения. За что же вам такие особенные милости?

Грунцов. За конфеты.

Евгения. Которых нет.

Грунцов. Которые будут.

Чепурин. Плесните чашечку и мне-с. (Вынимает из портмоне гривенник.) Извольте получить-с!

Евгения. Не надо вашего гривенника, не разбогатеешь на него.

Чепурин. Вы не разбогатеете, да и я не обеднею; а что чего стоит, я заплатить обязан. Кабы счета, я бы вам как по пальцам разложил. Чай у вас хороший, на мое рыло ползолотника мало-с, кладите на кости полторы копейки; два куска сахару – два золотника, – рафинад нынче в цене: голову купить – двадцать одна с денежкой за фунт, а по фунтам – дороже; извольте класть воду, теперича уголья, услуга, посуда, вы от дела отрываетесь; в расчете – лишнего ничего нет-с. Окромя всего-с, умный разговор от ученых людей и приятная компания. (Садится у письменного стола.)

Корпелов лежит на диване с книгой в руках.

Грунцов (садясь у среднего стола). Пока до чаю, об чем же мы спорить будем с вами, барышня?

Евгения (садясь к столу с другой стороны). Ни об чем и никогда. Я рта не разину.

Грунцов. Я утверждаю, что вы меня завтра поцелуете.

Евгения. Что вы, с ума сошли? С чего вы выдумали?

Грунцов. На фунт конфет!

Евгения. Вы проигранные-то отдайте прежде!

Грунцов. На фунт конфет!

Евгения. Утешайте, утешайте себя! Так в вашем воображении и останется.

Грунцов. На фунт конфет!

Чепурин. Паре интересное.

Евгения. Ты-то что? Ты не хочешь ли пари поддержать?

Чепурин. Нет-с, я проиграю, потому что от вас не смею надеяться.

Евгения. Да, я знаю, от кого ты надеешься; ты ведь в Наташу влюблен.

Наташа входит и останавливается у двери.

Чепурин. А от них тем более не ожидаю.

Евгения. Почему же тем более?

Чепурин. Сказать-с?

Евгения. Скажи.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Чепурин. Потому что у них есть любовник.

Корпелов. Чепурин, быть тебе нынче битому.

Евгения. Молчи, безобразный! Что ты говоришь!

Наташа входит.

Явление восьмое
Корпелов, Чепурин, Грунцов, Евгения и Наташа.

Наташа. Он правду говорит. Здравствуйте, господа! (Садится у стола между Грунцовым и Евгенией.)

Евгения. Да как же он смеет любовником называть?

Наташа. А как же назвать-то? Конечно, любовник. Чайку бы поскорей, устала; а денег не принесла, дяденька, подождать велели.

Корпелов. Не печалься, денег добудем; у меня есть в запасе старый товарищ, Матвей Потрохов. Богат, как крез, а главное, сам навязался: «Приходи, говорит, когда нужно будет; мой бумажник всегда открыт для тебя». Надо ему сделать честь, занять у него! А вот ты нас словечком-то ушибла немножко.

Наташа. Каким словечком? Любовник? Что ж, дело очень обыкновенное. Кабы мы были барышни как следует, так об нас и честней бы говорили. Барышни-то как замуж выходят? Придет в дом сваха, запрется с маменькой и шепчутся, потом маменька с папенькой запрутся и шепчутся, потом по всему кварталу шепот пойдет. Все шепчутся, а барышня ничего не знает, сидит в зале и на фортепьянах играет.

Чепурин. Все это так точно-с.

Наташа. Потом снарядят старух разуживать, каков человек; те всю подноготную выведают. Потом жених станет ездить в дом, благословят образом; а барышне останется только ходить, обнявшись с женихом, да поминутно целоваться. И чем больше народу смотрит на них с улицы, тем лучше.

Чепурин. Все это верно-с. Еще у окон-то соседи подмостки сделают, скамеек из своих домов натаскают да считают, сколько раз поцеловались: «Нынче, говорят, столько, а вчера столько-то»; да спор из этого подымут.

Наташа. А мы с тобой, Женечка, должны сами женихов выбирать; а ведь для этого нужно познакомиться, видаться почаще, говорить по душе. Ну вот и пошел разговор, что любовник. А все дяденька виноват.

Корпелов. Коли не кто другой, так, должно быть, я; надобно же кому-нибудь быть виноватым.

Наташа. Плохо за нами смотрите, никогда не побраните нас, коли мы ленимся работать, – позволяете из дому уходить, куда нам угодно.

Чепурин. Это действительно с вашей стороны упущение, и никак нельзя вам за это чести приписать, потому как вы в доме живете заместо старшего.

Корпелов. То-то и есть, что не старший, а заместо старшего; я и на свете-то живу не человеком, а заместо человека. Я и на службе-то был заместо кого-то, потому что служил исправляющим должность помощника младшего сверхштатного учителя приходского училища. Прослужил я целых три месяца, вышел в отставку и аттестат два раза терял, и живу теперь по копии с явочного прошения о пропавшем документе. Признаться вам сказать, друзья мои и сродники, уж начинаю я сомневаться, сам-то я не копия ли с какого-нибудь пропавшего человека.

Наташа. Вот от вашей оплошности, дяденька, могла бы беда случиться; да на мое счастье, человек-то вышел хороший. Увидала я его у знакомых у своих и полюбила. Уж, видно, без этого не обойдешься. Так ли, Женечка, милая? (Целует ее.) Ну, да важность-то бы небольшая: вздыхала б я издали, а дома когда и заплакала... А вышло то, чего я и не ожидала, вижу, что и он меня любит. Я, по простоте, сразу: «Любишь, так женись», – говорю. А он говорит: «Изволь». Да так, вдруг, не

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e задумавшись. Как хотите, господа, а ведь это очень приятно. Он красивый молодой человек, очень богат, щеголь, а я что? Бедная девочка, больше ничего.

Евгения. Да это можно умереть от счастья.

Наташа. Ну, я не умерла. Зачем умирать, коли впереди жизнь такая хорошая! Я как в раю теперь живу. Виделась я с ним почти каждый день, потом он в Саратов по своим делам уехал; а вот приедет, ну и милости прошу на свадьбу. (Кланяется всем.) Вот он какой хороший у меня! (Вынимает из портмоне карточку и показывает Грунцову, потом Корпелову и Чепурину.)

Чепурин(чуть взглянув на карточку). Что ж такое за важность! Знаем-с. Копров Егор Николаев. Вы говорите, что он в Саратов уехал, а он и сейчас здесь-с.

Наташа (с радостью). Как? Разве вернулся?

Чепурин. И не ездил никуда-с.

Наташа. Шутки в сторону, Иван Федулыч! Я девушка серьезная, и дело мое серьезное.

Чепурин. Как я смею шутить-с! Вот накажи меня бог!

Наташа. Да как же! он простился со мной, и знакомые его говорят, что он уехал!

Чепурин. Многие думают, что его нет в Москве, потому как он скрывается; а все-таки его встретить можно, он каждый день в Таганку к купцу к одному богатому ездит. Да вот извольте посмотреть, не он ли в коляске мимо едет. (Показывает в окно.) Остановился, с каким-то баринном разговаривает.

Наташа (у окна). Егор Николаевич! Егор Николаевич! подождите!

Грунцов (взглянув в окно). Domine, да ведь это он!

Корпелов. Кто он-то?

Грунцов. Тот франт, которого я у Мурина видел.

Наташа надевает платок на голову и хочет идти.

Чепурин. Не бегите-с. Это вам довольно даже стыдно. Ничего из этого хорошего не будет.

Евгения. Не твое дело, безобразный!

Наташа. Что за стыд! Я и в огонь и в воду. (Хочет идти.)

Чепурин. Да он-то вас не желает видеть, закрылся воротником и укатил.

Наташа. Как? Неужели? (Взглянув в окно.) Бедная я, несчастная девушка!

Действие второе
ЛИЦА:

Матвей Петрович Потрохов, разбогатевший чиновник, пятидесяти лет; высокий, очень полный мужчина, с круглым лицом, которому он старается придавать, смотря по обстоятельствам, различные выражения, но которое ничего не выражает.

Поликсена Григорьевна, его жена, высокая, худощавая женщина, сорока лет с небольшим. Часто вздыхает и поднимает глаза к небу, стараясь изобразить страдание и покорность судьбе. Выражение лица злое.

Егор Николаевич Копров, молодой человек; очень приличен и красив, одет безукоризненно, манеры изящны.

Корпелов.

Сакердон, лакей Потрохова, важен.

Ариша, горничная, молодая девица, ни хороша, ни дурна.

Старая ключница.

Комната в доме Потрохова. Много изящной и удобной мебели, три двери: одна в глубине – в приемную и две по сторонам. С правой стороны, ближе к авансцене, окно.

Явление первое

Потрохов спит, сидя в кресле; перед ним маленький столик. Поликсена стоит посреди комнаты и смотрит на мужа с презрительным сожалением. Копров входит из приемной.

Поликсена. Жорж! Какой бледный! Что случилось?

Копров (указывая на Потрохова). Спит?

Поликсена. Сном праведника, как всегда. Хоть в трубы трубы, не проснется.

Копров. Деньги – вот!.. (Показывая на горло.)

Поликсена. Ах, бедненький!

Копров. Хочу у этого моржа попросить. Скоро он проснется?

Поликсена. Не знаю. А вот его фаворитка идет с зельтерской водой.

Копров. Я пойду в сад, подожду, пока он разгуляется, а то он спросонков зол бывает. (Уходя.) Как спит-то, тюлень этакий! (Уходит в дверь направо.)

Поликсена идет за ним и останавливается в дверях. Входит Ариша с большой кружкой.

Явление второе

Потрохов, Ариша, Поликсена (в дверях).

Ариша (трогая за рукав Потрохова). Барин, барин!.. Матвей Петрович, вставайте! (Улыбаясь.) Что это, стыд какой!

Потрохов (бормочет впросонках). Который час, который час, который час?

Ариша. Девятый... девять часов скоро... добрые люди поужинали, что, в самом деле! Барыня сердится, чай кушать пора.

Потрохов (впросонках). Зельтерской, зельтерской, зельтерской!

Ариша (наильно дает ему в руку кружку). Да извольте! Не уроните! Уж вторую подаю.

Потрохов (пьет воду). Фу, славно! (Опять приваливается к креслу и засыпает.)

Ариша. Да ведь уж нечего делать, уж как угодно, а вставать надо.

Потрохов (впросонках). Ты думаешь?

Ариша. Да непременно. Что, право, словно маленькие!

Потрохов (открыв глаза). Ах ты жизнёночек! жизнёночек ты мой! (Берет Аришу за подбородок.) Так, маленький жизнёночек!.. Вот сейчас я тебя за это поцелую.

Поликсена. Прекрасно! Чудо! Bravo! Продолжайте! Вы при мне-то хоть бы посовестились!

Потрохов притворяется спящим и громко храпит.

До чего вы дошли, до чего вы дошли, боже мой! Ариша, поди сейчас отсюда!

Ариша. Сударыня, я не только что... а даже всегда стараюсь быть как можно дальше от всего этого.

Поликсена. Подите, моя милая, говорят вам! За то жалованье, которое вы получаете, от вас требуется только исполнительность; а ласки барину – это уж лишнее, это роскошь с вашей стороны.

Ариша (Потрохову с укором). Как вам не стыдно, сударь! Из-за вас девушка должна такие слова переносить. (Уходит.)

Поликсена. Уж довольно притворяться. Кого вы обманываете? жалкий! как вы трусили!

Потрохов (открывая глаза). Что такое? Что вам нужно от меня?

Поликсена. Что мне нужно? Очень мало: мне нужно, чтоб вы были хоть немного поблагороднее и почестнее. Целовать горничных при жене – это так низко...

Потрохов. У вас из всякой малости выходит важное дело. Это скучно. Что такое особенное произошло? Невольный жест спросонков, и жест весьма естественный.

Поликсена. Естественный? Скажите пожалуйста! хороша естественность!

Потрохов. Ну да, конечно. Вы не можете утверждать, что я хотел приласкать непременно Аришу; может быть, мне спросонков показалось, что вы подле меня.

Поликсена. Ах, ах! Вы меня до обморока доведете. Оскорбление, насмешки...

Потрохов. Я не понимаю, чем оскорбляться. Простой жест, естественный...

Поликсена. Не говорите вздору! Я не глупей вас и не хуже знаю, что естественно, что неестественно. Впрочем, может быть, вы занимаетесь естественными науками, выбрали для изучения особый отдел – горничных, вам нужно войти во все подробности; в таком случае я с вами спорить не стану. Прекрасно, прекрасно. Теперь я знаю вашу специальность и гнушаюсь вами. (Язвительно.) Ес-те-ство-испытатель! (Уходит.)

Явление третье
Потрохов, потом Копров.

Потрохов. Фу ты, какая бешеная баба! (Смотрит на часы.) Эк я... до которых пор... вот угораздило! А впрочем, что и делать-то больше! Тоска... хоть бы зашел кто... Какой нынче день? Да, пятница... Я сегодня корпелова звал, кажется. Вот еще нужно очень! И зачем это я? Что делаю, что говорю – себя не помню (махнув рукой), нить в жизни потерял... Придет Корпелов, с ним еще скучней будет. Нет ничего тоскливее этих бедных добродетельных людей, этих Диогенов... а еще, пожалуй, денег запросит... Хоть бы в пикет с кем поиграть. С удовольствием бы проиграл пятьдесят рублей, только бы время провести. (Подходит к окну.) Кто это в саду? Егор Копров? (Машет рукой и отходит.) Эка тяжесть, эка тяжесть!

Входит Копров.

Копров. Здравствуй!

Потрохов. Здравствуй, Жорж!

Копров (вглядываясь в Потрохова). Ты бы зельтерской.

Потрохов. Две выпил; да что, братец... (Останавливаясь перед Копровым.) Тоска! Веришь ли, какая тоска!

Копров. Дурное пищеварение, спишь много.

Потрохов. Знаю.

Копров. Особенно после обеда тебе не годится.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e Потрохов. Знаю, что не годится. Толкуй еще! Все это я знаю; но главная причина тоски моей не в том. (Копров смотрит вопросительно.) Что ты смотришь?

Копров. Да странно мне...

Потрохов. Ничего нет странного. Тут, Жорж, не пищеварение, тут другое: в характере у меня кой-что...

Копров. Нет, что ж, у тебя характер ничего...

Потрохов. Вообще-то говоря, характер у меня хороший, даже очень хороший; но есть, братец, и важные недостатки: иногда делаю черт знает что; говорю чего не следует; вру много лишнего.

Копров. Нельзя сказать, чтоб очень...

Потрохов. Чтоб очень врал-то? Нет, очень, очень... лгу без конца. Не возражай, пожалуйста; видишь, как я расстроен.

Копров. Ну, как хочешь, я спорить не буду.

Потрохов. И не надо мне, и никто меня не заставляет, а болтаю, особенно вот если выпью я рюмочку вина – одну только рюмочку! Кажется, что за важность, а никакого удержу на меня нет... И пошел, и пошел, и вру как сивый мерин. (Копров улыбается.) Что ты смеешься? Что тут веселого? Ты должен войти в мое положение, ведь я, братец, страдаю. Эка тоска!

Копров. Что твоя тоска! Вот у меня тоска-то!

Потрохов (чуть не плача). Раскаяние, Жорж.

Копров. Ну, я этого греха не знаю. Да и у тебя что за раскаяние, понять не могу. Скажешь ты, например, что у тебя овес родится сам-пятнадцать, а он всего сам-друг...

Потрохов. Ну, не сам-друг; ты уж тоже...

Копров. Ну, извини! Сам-друг с половиной. Так что ж это за преступление? В чем тут раскаиваться?

Потрохов. Хорошо, кабы только, а то хуже гораздо. Вот третьего дня был я у одного старого товарища, выпили шампанского вдоволь, уж чего я там не городил! Ах, вспомнить гадко.

Копров. Все были выпивши; что говорено – забудется, так и пройдет.

Потрохов. Был там один, тоже старый товарищ, лет двадцать мы с ним не видались, учительшка жалкий, Корпелов, в каком-то засаленном пальто.

Копров. Ну, так что же?

Потрохов. Физиономия вроде тех, что в погребках на гитаре играют. Встреться он в другое время и в другом месте, я бы отворотился от него, а уж руки ни за что бы не подал; а тут что я ему говорил, что я ему говорил!

Копров. Стоит сокрушаться.

Потрохов. Да уж очень досадно на себя: с чего было мне так унижаться перед ним, зачем было мне себя ругать! Ведь я что говорил-то! Что он честней нас всех, что нам совестно смотреть ему в глаза, что мы разбогатели не без ущерба для совести. Предлагал за него тосты: «Господа, выпьем за честного человека!» Говорил ему, чтоб он обращался ко мне за деньгами, как в свой карман; звал его в гости, кланялся; просил его даже жить у меня. Скотина я – больше ничего.

Копров. Не бойся, не пойдет, посовестится; я его знаю.

Потрохов. Да он и то отказывался, говорил, что боится моей жены, что он человек дикий; так я к нему пристал, как с ножом к горлу, честное слово взял.

Копров. А придет, так можно и выпроводить поучтивее.

Потрохов. Да, разумеется, можно; только все как-то скверно на душе. А вот сейчас, спросонков, с чего-то пришло мне в голову Аришу поцеловать, а тут жена...

Копров. А, так вот что! Вот отчего тоска-то!

Потрохов. Не одно это, а все вместе. Конечно, все вздоры; а накопится, знаешь, этих мелочей в душе, ну и вздыхаешь, точно преступник какой, право, точно душу загубил. А вот поговорил я с тобой, Жорж, по-приятельски, излил тебе свою душу, ну и легче мне. (Запевает.) «Не уезжай...» Разумеется, я не со всяким так откровенен. И отчего бы мне сокрушаться, кажется?.. Положение мое блестящее... Это ты прав, желудок тут во всем виноват. Ведь я еще наследство получаю, умер дядя.

Копров. Слышал.

Потрохов. Я единственный наследник, завещания не осталось... Все бумаги его я сам перебирал и запечатывал; да вот уж целых два года при нем никого и не было, кроме меня да старой старухи-ключницы. Она теперь у нас живет.

Копров. А девушка, Наташа?

Потрохов. Дочь экономки? Какие же она права имеет? Ее жалеть нечего! Мать-то, живя у старика, наэкономничала деньжонок, да и после старик посылал, я знаю. У этой девушки тысконок пять-шесть наверное есть.

Копров. Ты думаешь?

Потрохов. Как же иначе! Всегда так бывает.

Копров. Она живет бедно.

Потрохов. Верь ты им! Припрятаны, чтоб разговору не было.

Копров. А я не знал, что у ней есть деньги.

Потрохов. Ну, так знай.

Копров. Привлекательная девушка, она мне очень нравится.

Потрохов. Это до меня не касается; твое счастье... Да... куш возьму хороший, – одних денег сорок пять тысяч.

Копров (жмет ему руку). Очень рад, любезный друг.

Потрохов. Чему ж ты рад?

Копров. Ты и со мной поделишься... мне, брат, крайность... до зарезу.

Потрохов. Нет уж, конечно!

Копров. Не говори так решительно! Меня в холодный пот бросает.

Потрохов. Не дам. (Запевает.) «Не уезжай...»

Копров. Смотри, жалеть будешь... У меня дело верное, два рубля за рубль отдам.

Потрохов. Нельзя тебе давать. Ты и кирпичи машиной делал, тоже говорил, дело верное; и селедок ловил на Волге, и в провинциях театры содержал, и крахмалом картофельным торговал, и гальванопластику какую-то отливал – все у тебя дело верное; а что вышло? Где наши деньги?

Копров. Помоги теперь, все долги выплачу, тебе первому.

Потрохов. Ни одного гульдена.

Копров. Ты меня топишь; мне хоть в петлю лезть... Эта афера дает мне триста тысяч;

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
мне они нужны...

Потрохов. Кому не нужны!

Копров. Ты человек развитой, современный, ты понимаешь, я думаю, что людям с нашими потребностями меньше трехсот тысяч иметь нельзя. Это, что называется, в обрез; разочти сам. Иначе жить порядочно нельзя, – жить как-нибудь я не соглашусь ни за что... Ты пожалей меня, мне жить хочется.

Потрохов. Дать тебе денег, так ведь ты прежде всего новую коляску и новую пару лошадей заведешь.

Копров. Заведу: во-первых, у меня изящный вкус, я воспитан хорошо, а во-вторых, так нужно для моего дела.

Потрохов. Для какого?

Копров. Покуда не скажу.

Потрохов. Ну, я подумаю.

Копров. Благодарю тебя.

Входит Поликсена с книгой и садится в кресло.

Явление четвертое

Потрохов, Копров и Поликсена.

Потрохов. Мне самому теперь чистые деньги пришлось очень кстати. Я хочу переехать на житье в рязанское имение.

Поликсена. Я уж сказала, что не поеду с вами.

Потрохов. Как вам угодно. Заведу машины, все хозяйство в широких размерах, стану сам заниматься агрономией. У меня ведь с детства страсть к агрономии. Оттого я и скучаю, что мне здесь не к чему приложить моих рук и способностей.

Поликсена. А как вы думаете? Ведь порядочной женщине с вами жить никак невозможно.

Потрохов. Слышал уж я это.

Поликсена. Мало этого, что слышали.

Потрохов. Что ж мне руки, что ль, на себя наложить прикажете? Я прочел все сочинения, русские и иностранные, об сельском хозяйстве, о химии, был в переписке...

Поликсена. Не слушайте его, Жорж! Ничего он, кроме «Руководства к куроводству», не читает, да и то наполовину не разрезано; ему только хочется меня расстроить. Подите сюда!

Копров подходит.

Посмотрите! (Указывает на одно место в книге.)

Копров (читает). «Вся жизнь ее была непрерывная цепь страданий...»

Поликсена. Это про меня сказано, Жорж, про меня; и моя жизнь есть непрерывная цепь страданий.

Потрохов. А моя жизнь – непрерывная цепь скуки. Пойдем, Жорж, в пикет играть!

Поликсена (Копрову). Я сяду подле вас и принесу вам счастье.

Уходит в боковую дверь налево. Сакердон и Корпелов показываются из приемной и останавливаются у двери.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Явление пятое
Сакердон и Корпелов.

Сакердон. Как об вас сказать–то? По видимости, я так полагаю, вы блаженный.

Корпелов. Ошибся ты, друже, я только ищу блаженства.

Сакердон. Ну, само собой. Только вы здесь не найдете.

Корпелов. А где ж искать блаженства? Будь друг, скажи!

Сакердон. И скажу; отчего ж не сказать! У купцов ищите! Вот уж там для вашего сословия действительно рай земной.

Корпелов. Вот спасибо, что сказал; так и знать будем. А теперь доложи поди!

Сакердон. Уж я так и доложу.

Корпелов. Как тебе угодно. Только не забудь: Корпелов.

Сакердон. Уж коли принимать таких, так все одно примут, как вас ни звать.

Корпелов хочет есть.

Что же это вы?

Корпелов. Устал, братец, из Сокольников пешком шел.

Сакердон. Но, однако, позвольте! На это есть приемная. Здесь господский дом, так нельзя; здесь не дозволено по всем комнатам славить. Пожалуйста! (Провожает Корпелова в приемную, потом подходит к боковой двери и берется за ручку.)

Из двери выходит Поликсена.

Явление шестое
Поликсена, Сакердон, потом Корпелов.

Поликсена. Что тебе нужно?

Сакердон. Сударыня, блажен муж пришел.

Поликсена. Какой «блажен муж»?

Сакердон. Которые скитающие.

Поликсена. Не понимаю. Позови!

Сакердон (у двери). Пожалуйста! (Уходит.)

Входит Корпелов.

Поликсена. Кто вы такой?

Корпелов. Ното sum. [7]

Поликсена. Я вашего жаргона не понимаю.

Корпелов. Аз есмь человек: человек божий, на прочих смертных непохожий.

Поликсена. Да, вижу, что непохожий. Но что же вам угодно?

Корпелов. В гости пришел.

Поликсена. Не ожидала.

Корпелов. Не удивляюсь; потому что не вы меня звали, а stultus.

Поликсена. Какой стультус?

Корпелов. Бывший мой соллега, Матвей Потрохов.

Поликсена. Это мой муж.

Корпелов. Охотно вам верю, сударыня.

Поликсена. Еще бы вы не поверили! Что же значит стультус?

Корпелов. Дурак; так мы его величали в гимназии.

Поликсена. Но ведь он теперь уж не в гимназии, он статский советник; вы не забываете этого!

Корпелов. А может быть, он, невзирая на чины, остался верен сам себе.

Поликсена. Ну, уж извините! Разговаривайте с мужем, а я так разговаривать не умею. Матвей Петрович! К вам приятель пришел...

Входит Потрохов.

Явление седьмое

Корпелов, Поликсена, Потрохов, потом Сакердон.

Потрохов. А, любезнейший друг мой, здравствуй! (В двери.) Хересу нам, мадеры! (Корпелову.) Рому не хочешь ли?

Корпелов. Мне все равно. Что к цели ближе, то и давай.

Потрохов (громко). Хересу нам, хересу! Да скорей! Стаканчики подайте.

Поликсена (Потрохову). Не делайте таверны из нашего дома! Да вам и нездорово, поберегитесь!

Потрохов. Не расточайте нравоучений, не расточайте напрасно! Вот рекомендую вам: бедный, но благородный друг мой!

Поликсена. Благородный! Вы благородный?

Корпелов. Непременно. Только уж, я думаю, у меня четверть благородия вымерзло.

Поликсена. Вот новости! Каким это образом?

Корпелов. Во время моих зимних, но пеших путешествий между Бежецком, Кашином, Вельегонском и другими городами Российской империи.

Сакердон вносит бутылку и два стаканчика и уходит.

Потрохов (наливая стаканы себе и Корпелову). Выпей-ка, любезный друг!

Корпелов пьет.

Дай-ка я тебе еще ухну. Ведь любишь, что греха таить! (Наливает Корпелову.)

Поликсена. А где Жорж?

Потрохов. Он уехал.

Поликсена. А денег вы дали?

Потрохов. Дал, черт его возьми! Ему бы только попрочуять, где деньги; а то уж выпросит. Он даже у просвирен ухитряется занимать.

Поликсена. Таким людям нельзя ни в чем отказать, поймите вы!

Потрохов. Уж будто? (Наливает стакан Корпелову.) Пей, беднейший друг мой! Вспомним студенческие годы.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Корпелов. А сам-то что отстаешь?

Потрохов. Я догоню. Ах, как он беден! Боже мой, как он беден!

Корпелов. Всякому свое, милый stultus: нам ум, а тебе деньги; к нам люди ходят ума занять, а к тебе – денег. Вот и я пришел тоже за деньгами.

Поликсена. Я так и ожидала.

Корпелов. Нет, кроме шуток; видишь ли, квартиру я нанимаю за семь с полтиной в месяц, так по первым числам затрудняюсь и скорблю.

Потрохов. Ну после, после потолкуем.

Корпелов. Я, брат stultus, долги всегда плачу; я, бывало, в трактире половому рублик задолжаю, так при деньгах рубль-то ему заплачу да рубль на водку дам. Мне верить можно, ты, пожалуйста, не подумай...

Потрохов. Что за разговор, collega! Велики ль деньги! Ты меня обижаешь. (Поликсене.) А как он поет русские песни, простонародные! Вот где натура! Удивление!

Поликсена. Вы поете? Любопытно.

Корпелов. А вы любите русские песни, барыня?

Поликсена. Я люблю все хорошее.

Потрохов. Ну-ка, дружище! Да ты встань, пройдишь!

Корпелов (поет с проходкой). «Пойду ли я по городу гулять».

Поликсена. Что это? Что за балаган! Ах, нет, увольте! (Уходит.)

Корпелов (продолжает). «Пойду ли я по Бежецкому».

Потрохов. Погоди немного! Вот что, друг любезный: у тебя время-то свободно, так тебе можно плясать, а у меня есть дело; так уж ты меня извини, я займусь немножко. Пляши, пожалуй, вино я тебе оставлю. (Уходит.)

Явление восьмое

Корпелов, потом ключница.

Корпелов. Что ж это значит? Ушли. Вот так любезные хозяева! Ну, я подожду; ведь, может быть, и вправду, дело есть. (Наливает себе вина и пьет.)

Входит ключница.

Ключница (у двери). Ох, ох! Блаженненький, можно с тобой поговорить-то?

Корпелов. Со мной-то? Можно, разговаривай сколько тебе угодно!

Ключница. Грешница я, великая грешница!

Корпелов. А мне-то что за дело!

Ключница. Как что за дело! Я к тебе каяться пришла, а ты говоришь: что за дело!

Корпелов. Каяться? Много тебе лет?

Ключница. Полсема десятка.

Корпелов. А грехов много?

Ключница. Да как тебе сказать, что больше песку морского.

Корпелов. И все это ты будешь мне рассказывать?

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Ключница. Все, все, ничего не потаю.

Корпелов. Ведь этак тебя до завтра не переслушаешь, особенно коли ты молодость свою вспомнишь.

Ключница. Ох, вспомню, вспомню.

Корпелов. Нет уж, кайся ты поди кому-нибудь другому!

Ключница. Да благо ты здесь, чего ж мне, малоумный ты человек! Все ж таки мне легче будет, блаженный ты человек, малоразумный ты человек!

Корпелов. Фу! Дай дух перевести! Ну, говори!

Ключница. Вот то-то же, благоразумный ты человек. Алчная я, жадная, до всего завистная, до всякой малости завистная.

Корпелов. Потом?

Ключница. Глаза-то мои никогда сыты не бывают, никогда.

Корпелов. А далее?

Ключница. Всю жизнь собирала, собирала – ничего не собрала; копила, копила – ничего не накопила.

Корпелов. Очень жаль.

Ключница. Да чего и нажить-то, все дрянь подбирала: огарочки, да гвоздики, да кусочки сахара. А тут вдруг разбогатеть захотела, грех попутал, – покорыстовалась. (Плачет.) Как стал он умирать-то...

Корпелов. Кто он-то?

Ключница. Да известно кто, старый барин.

Корпелов. Жалость какая!

Ключница. Жалость-то жалостью; а позвал он меня и приказывает: «Отдай ты эту коробочку девушке!»

Корпелов. Какой девушке?

Ключница. Известно какой. Да что ты, разве я тебе не сказывала?

Корпелов. Ну, все равно, разговаривай дальше!

Ключница. Вот я и согрешила, грешная, задумала ее утаить. Алчная я, до всего на свете завистная; а бог-то и покарал. Думала, вещи там, золото; разломала я – наместо того бумаги! Может, есть тут и денежные бумаги, да коли именные, так за это, говорят, велик суд бывает; значит, все мне не на пользу. (Показывает пакет и коробочку.) Вот они: и бумаги, и коробочка!

Корпелов. Вижу.

Ключница. Так сними ты с меня этот грех, сними!

Корпелов. Многого ты захотела. Как я сниму? Этого я не умею.

Ключница. А ты на свою душу возьми! Вам, малоумным, всякий грех прощается. Вот, на-ка тебе бумаги-то, на! А то умру ведь я скоро. Возьми!

Корпелов. Да на что мне их?

Ключница. Возьми, возьми! Коли увидишь девушку, так отдай ей.

Корпелов. Какую девушку?

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Ключница. Да все ту же. А коли не увидишь, куда хочешь день! Ты только возьми, а там уж твое дело, хоть брось. На, на!

Корпелов (берет бумаги и кладет в карман). Ну, давай! Отвяжись только!

Ключница. Вот мне теперь и легче; ровно камень ты с моей души снял. А коробочку не отнимай у меня! Хороша коробочка-то! Сделай милость, не отнимай!

Корпелов. Провались ты и с коробочкой! Надоела ты мне.

Ключница. Ну, вот спасибо! Надо б тебе гривенничек дать, да не взыщи уж!
(Кланяется и уходит.)

Входит Сакердон.

Явление девятое
Корпелов, Сакердон, потом Потрохов.

Сакердон. Держи руку! (Берет за руку Корпелова и сверху опускает в нее трехрублевую бумажку.)

Корпелов. Quid agis, amicissime? Что делаешь, друже?

Сакердон. Лепта... и чтоб за родителей и за всех сродников...

Корпелов. За каких сродников?

Сакердон. Разумеется, господа этого не сказали; а уж такой порядок. Выслали деньги – значит, марш! Сами не могут, заняты.

Корпелов. Зачем мне три рубля выслали? И чем занят он?

Сакердон. Известно, не дрова же ему колоть, умственное занятие: гранпасье раскладывает.

Корпелов. Что? Сам карты раскладывает, а товарищу милостыньку высылает! Да я двери выломаю, все окна перебью!

Сакердон. Не шуми! Ты, коли юродствовать, так пойдем в людскую!

Корпелов. Брось ему эти деньги! Я не нищий. (Бросает деньги.) Покажись он мне только!..

Потрохов отворяет дверь.

Потрохов. Что за шум?

Корпелов. А! тебя-то мне и нужно.

Потрохов. Ты здесь еще, мой милый? шел бы ты домой спать.

Корпелов. Пойду, пойду... Что это ты выдумал, stultissime! Мне милостыньку высылать, гнать меня! Али ты не знаешь, кто я? Ведь я Корпелов: честный, благородный труженик, а не нищий, не шут. Ты бы за честь должен считать, что старый товарищ, трудящийся человек, не погнушался тобой, глупым лежебоком. Ты за честь должен считать, что я обращался с тобой, как с равным по образованию, что я попросил у тебя одолжения!

Потрохов. Что такое, что такое?

Корпелов. Да, конечно, за честь... потому что я человек, homo sapiens, а ты опбек, полувал, юфть!

Потрохов. Ты захмелел, любезный!

Корпелов. Нет, ты захмелел от глупости и от денег, которые тебе даром достались. Ты думаешь, что кто беден, тот и попрошайка, что всякому можно подавать милостыню. Ошибся, милый... Да я... я... я не хочу быть богатым, мне так лучше. Ты вот

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e и с деньгами, да не умел сберечь благородства; а я мерз, зяб, голодал, а все-таки джентльмен перед тобой. Приди ко мне, я и приму тебя учтивее и угощу честней своим трудовым хлебом! А если тебе нужда будет, так последним поделюсь. Прощай. (Уходит.)

Действие третье
ЛИЦА:

Корпелов.

Наташа.

Евгения.

Копров.

Грунцов.

Чепурин.

Маланья.

Декорация первого действия.

Явление первое

Наташа стоит у окна, закрыв глаза платком. Евгения подле нее, Корпелов спит на диване.

Евгения. Как ты страдаешь, бедная! Наташа, Наташа, голубушка, не плачь!

Наташа. Не утешай меня, Женечка, мое горе очень велико. Оставь, пусть я плачу; хуже, как слез не будет.

Евгения. Сядем работать.

Наташа. Да, я стану работать, я много... дни и ночи буду работать; за работой скорей... позабудешь... Мне бы только дня два перемяться, потом мне легче будет... я себя знаю. Вот нынче мне очень уж трудно.

Евгения. Да ты не думай, Наташа, не думай!

Наташа. Ты оставь меня! Милая, я ничего, я одна лучше. (Взглянув в окно.) Что это такое? Не кажется ли мне! Посмотри!

Евгения. Это он.

Наташа. Остановился... кланяется. (Кланяется в окно.) С Маланьей разговаривает... опять кланяется... уехал. Уж не сон ли я вижу! Что она там? Что она не идет?

Маланья входит.

Явление второе

Корпелов, Наташа, Евгения, Маланья.

Наташа (Маланье). Ну, что, что?

Маланья (таинственно). Проехал.

Наташа. Видели, видели. Что говорил?

Маланья. «Ты, говорит, здешняя?» – «Здешняя», – говорю. «Знаешь Наталью Петровну?» – «Как же, мол, в услужении у них». – «Скажи», – говорит... (Оглядывается по сторонам.)

Наташа. Да ну, ну!

Маланья. «Скажи, говорит, чрез полчаса места заеду».

Наташа. Еще что?

Маланья. Он бы и еще, может, поговорил, да этот косоглазый хозяин подошел, – так и уехал.

Наташа. Что это значит? Как понять? Пойдем, пойдем, надо мне хорошенько подумать.

Евгения. Теперь об чем думать?

Наташа. Нет, Женечка, надо обдумать хорошенько каждое слово; когда любишь, так долго ли ошибиться, увлечься. (Уходит.)

Маланья. Вот он, хозяин-то, уж здесь, должно, опять за деньгами.

Входит Чепурин.

Явление третье
Корпелов, Маланья, Чепурин, потом Грунцов.

Маланья. Асаф Наумыч, Асаф Наумыч, проснись! Хозяин пришел.

Чепурин. Не трожь! Я подожду.

Маланья. Что ж ему валяться-то! Он уж это второй раз ложится. Асаф Наумыч, вставай! Он вчера на пирушке был в хорошем доме. Ты не смотри, что он такой забвенный; а с ним хорошие люди знакомы. Должно быть, переложил лишнее, вот теперь сном и отходит. Нет-то ничего милее на свете, как этот сон. Асаф Наумыч!

Корпелов. А! Что? Аглая, пощади!

Маланья. Хозяин...

Корпелов. Хозяин? Ну, так я сплю, крепко сплю, – так и скажи ему.

Чепурин. Извольте почивать, я подожду.

Входит Грунцов.

Корпелов. А, он здесь? Ну, так скажи ему, что денег нет и я умер. (Закрывает глаза.) Видишь?

Маланья уходит.

Чепурин. Сохрани бог-с. Плакать заставите!

Грунцов. Деньги есть.

Корпелов. Деньги есть, так я ожил; не плачь, Чепурин.

Грунцов (вынув деньги). Лишнее украшение и с цепочкой у Мурина гостить оставил, целей будут. Принял часы в десяти рублях, а выдал только восемь с полтиной, полтора рубля за сбереженья вычел. Вот тебе, domine, семь с полтиной!

Корпелов. Получай, дому сему владыка!

Чепурин. В расчете-с.

Грунцов. Рубль остался и шевелится, не дает мне покоя. Была у меня мечта угостить тебя, domine, селянкой; а и конфеты еще за мной.

Входит Евгения.

Явление четвертое
Корпелов, Чепурин, Грунцов, Евгения.

Евгения. Принесли конфеты?

Грунцов. Конфеты будут. (Показывая рублевую бумажку.) Вот он, видите? Трепещет в моей руке, ждет своей участи.

Евгения. Насилу-то. Где это вам бог послал?

Грунцов. Часы еврейскому языку учиться отдал.

Корпелов. Юноша, а ты мечтал о селянке. Мне бы теперь сия снедь была зело полезна: я вчера хересом ошибся. Уж этот херес! Враг он мне: я еще в университете два раза за него в карцере сидел, да и память отшибает совсем.

Грунцов (трагически). Драма в душе моей!

Корпелов. Юноша! изобрази себе в мечтах блестящий чертог Гурина, музыки гром, бежит половой, несет графинчик листовочки, пар от селянки.

Грунцов. Два чувства борются во мне.

Евгения. Какие это?

Грунцов. Любовь и дружба.

Евгения. Как вы смеете говорить: любовь? Кто вам позволил любить меня?

Грунцов. Я сам себе позволил. Но когда человек обуреваем страстями, он должен призвать на помощь рассудок. Рассудок вот что говорит: у нас с вами есть еще пари на другой фунт конфет, что вы меня сегодня поцелуете; а так как я это пари непременно выиграю, то мы с вами поквитаемся.

Евгения. Как вы смеете! Ах, сил моих нет! Какая уверенность!

Грунцов. С вами мы поквитаемся.

Евгения. Никогда, никогда!

Грунцов. А пока (берет ведро) не сбегать ли за водой для чаю?

Чепурин. И с меня гривенничек получите! (Вынимает портмоне.)

Евгения. Нет, господа, извините, мы теперь чай пить не будем, мы ждем гостя. (Корпелову.) Дяденька, Наташа просит вас, чтоб вы ушли куда-нибудь на полчаса. Она бы и сама вам сказала, да очень расстроена и конфузится.

Корпелов. Хорошо, хорошо, мы сейчас, мы мигом. Пойдем, юноша, селянку есть!

Евгения уходит.

Чепурин (Корпелову). Теперича я вас понял-с.

Корпелов. Ну, что ж я, по-твоему?

Чепурин. Самый ничтожный человек-с!

Корпелов. Что же ты, благодетель мой, ругаешься?

Чепурин. Я вас принимал за ученого человека и всякое уважение и снисхождение вам делал; а теперь вижу, что ни ума, ни образования в вас нет, одно балагурство и даже ко вреду себе и людям.

Корпелов. Ах ты, циклоп одноглазый!

Чепурин. Вас гонят из дому, а вы и рады. Да вы кто же? Хозяин в семействе или нахлебник? Коли вас из-за хлеба, ради шутовства, держат, так вам и цена такая от людей!

Корпелов. Засыпал он меня!

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Чепурин. Какой такой гость придет? Известны вы о нем или нет? Не складней ли будет его гнать, чем самому бежать?

Корпелов. Милый ты мой чухонец, как же я в чужое дело полезу?

Чепурин. Да нешто она вам чужая? Да если и чужой у меня перед глазами тонет, я все-таки за ним в воду полезу.

Корпелов. А коли он лучше нас с тобой?

Чепурин. Так узнайте про него все доподлинно! Я-то его хорошо знаю. Всю Москву обегайте! Да прохладаться-то нечего, сейчас надо за это приняться. Если он точно хороший человек, так пускай ездит, только чтоб не украдкой, а при вас, – это гораздо пристойнее. А если он не стоящий внимания, так возьмите орясину...

Корпелов. Я-то орясину? Да ты погляди на меня!

Чепурин. На своем гнезде всякий силен. А если вы чувствуете себя, что так малодушны, так на то есть хозяин в доме; позовите меня, я из него отбивных котлет изготавлю.

Корпелов. Юноша! Обижают меня!

Грунцов. Нет, он прав; он скиф, но прав.

Чепурин. Чем по трактирам-то бражничать, пойдете лучше со мной, я вам все пути укажу.

Грунцов. Доміне, иди! А я в Сокольники сбегая, мне богатое место обещали в отъезд.

Уходят. Входят Наташа и Евгения.

Явление пятое
Наташа, Евгения, потом Маланья.

Наташа. Ушли?

Евгения. Ушли.

Наташа. Кажется, здесь все в порядке, все чисто. Бедненько немного, ну да что же делать, пусть в чем застанет, в том и судит.

Евгения. Ведро, самовар... конфузно как-то.

Наташа. Нет, зачем конфузиться! Это глупо. Чисто, опрятно, чего ж еще! Мы живем по средствам, трудами; нам и жить лучше нельзя. Он поймет, если у него ум есть. Ну, на какие деньги, на какие доходы мы с тобой можем иметь квартиру хорошую и разодеться по моде? Странно от нас и требовать этого. Бедно, действительно, да откуда ж, Женечка, богатства-то нам взять! Кто посмеет от нас требовать, чтоб у нас богато было! Чисто, опрятно – и довольно. Ты не конфузься, не теряй своего достоинства! Наша бедность – гордость наша! Мы ею гордиться должны. Милая Женечка, мы с тобой хорошие, добрые девушки; что мы бедны – мы не виноваты; забудь эти стены и представь себе, что мы королевны во дворце.

Маланья (таинственно). Едет, едет!

Евгения. Ах, милушка! Наташа!

Наташа. Ну, ты уйди, сначала я с ним одна поговорю.

Евгения уходит. Входит Копров.

Явление шестое
Наташа, Копров.

Наташа. Здравствуйте!

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Копров (оглянув комнату). Здравствуйте!

Наташа. Садитесь, пожалуйста.

Копров садится.

Давно возвратились?

Копров. Нет, не очень, а впрочем, когда я... (Стараясь вспомнить.)

Наташа. Забыли? Да вы ездили ль куда?

Копров. Нет, не ездил.

Наташа. Разумеется, признаться лучше. Так вы меня обманули?

Копров. Обманул. Много я народу в это время обманул.

Наташа. Вы меня обманули... Что ж вас привело теперь ко мне, я не понимаю.

Копров. Да будет комедию-то играть, Наташа.

Наташа (привстав). Извините меня, я вам прежнего обращения позволить не могу. Вы меня раз обманули, так уж прежнее все кончено. Что же вам угодно?

Копров. Ничего не угодно. Захотел посмотреть на вас, вот и все.

Наташа. Захотели посмотреть? Это непонятно. Не знаю, как вам, а всем вообще порядочным людям обыкновенно бывает совестно смотреть на тех, кого они обманывают.

Копров. Вы бы лучше меня не принимали; а уж от упреков и наставлений увольте.

Наташа. Да это странно.

Копров. Ничего странного нет. Целый месяц я прятался от людей, от ближних, от вас, ну, даже от света божьего, был как в тюрьме; вот вырвался на волю, и рад-радехонек, что могу опять всех видеть. Все так естественно и просто.

Наташа. Зачем же вы прятались?

Копров. Должен был много.

Наташа. А от меня зачем?

Копров. Чтоб вы не узнали правды. Объяснять вам, как я ошибся в расчетах, как запутались дела мои, как я влез по уши в долги, – это было бы и скучно и едва ли понятно для вас. Вы бы увидали только, что человек, который говорил вам о своем богатстве и обещал вам приятную жизнь, вдруг попался в чем-то, что нынче-завтра у него все опишут и самого посадят в долговое отделение: ну, значит, он виноват, он обманщик. Так обыкновенно судят у нас. Не лучше ль было решиться на разлуку с вами, а тем временем устраивать свои дела, платить долги. Так я и поступил; а уж вы судите меня как хотите.

Наташа. Вы все долги заплатили?

Копров. Нет, еще не все; но уж остались пустяки, которые меня не тяготят. Кроме того, у меня в виду выгодное дело. Ну, что ж, вы сердитесь на меня или нет?

Наташа. Сержусь. Сами согласитесь, нельзя не сердиться, когда обманывают. Я не ангел.

Копров. Да сердиться-то, пожалуй, сердитесь, только не переставайте любить!

Наташа. Любить? Любить можно и не уважая человека и не веря ему... да ведь такая любовь – обида.

Копров. Ну, так жалейте меня!

Наташа. Я все еще не могу убедиться, действительно ли вы стоите сожаления.

Копров. Конечно, стою. Что я перенес в этот месяц, я не могу вспомнить без ужаса. Доставать деньги, когда они нужны до зарезу, – это значит прямо обречь себя на всевозможные адские мучения. Не говорю уж, что я платил процентов два рубля за рубль, я должен был дрожать, трепетать, унижаться, плакать, чуть не в ноги кланяться перед самыми гнусными личностями.

Наташа. Да, это ужасно.

Копров. Я изломался, изуродовал себя нравственно, я готов был на всякие средства, чтоб только достать денег.

Наташа. Вы прежде имели состояние, имели деньги?

Копров. Имел очень много.

Наташа. Отчего ж вы запутались?

Копров. Оттого, что захотел иметь больше.

Наташа. Зачем же вам больше?

Копров. Затем, что больше – лучше.

Наташа. А потом опять больше, и так далее, где же конец?

Копров. Конца нет. Ведь совершенства тоже нет на земле, а все-таки всякий стремится к нему: умный желает быть умнее, ученый – учение, добродетельный – добродетельнее; ну, а богатый желает быть еще богаче.

Наташа. Зачем же так уж очень много денег?

Копров. Чтоб иметь возможность удовлетворять всем своим потребностям. Потребности неудовлетворенные причиняют страдание, а кто страдает, того нельзя назвать счастливым. Например, у меня синяя коляска и серые лошади, вдруг мне понравится зеленая коляска и вороные лошади... Конечно, я не умру, если не куплю их сейчас же, но все-таки это причинит мне некоторое страдание. И я тогда только сочту себя покойным и счастливым, когда получу возможность иметь во всякое время всякую коляску, какая только мне понравится.

Наташа. Значит, по-вашему, счастлив только очень богатый? Я с вами не согласна; можно быть счастливым и на небольшие, трудовые деньги.

Копров. Ну, я, признаюсь, в трудовом хлебе особенной прелести не вижу. Либо я во вкус не вошел, либо вовсе не рожден быть ремесленником. Конечно, человек может до крайности умалить свои потребности, может приучить себя ко всяким лишениям, довольствоваться только одной коркой хлеба; но для кого ж тогда будут расти ананасы! Потребности животных однообразны: вода, сено, овес и никакого платья; а у людей разнообразны, и чем человек развитее, тем разнообразнее.

Наташа. Такие рассуждения безнравственны.

Копров. Пойдите! Когда я вам обещал обеспеченное состояние, удовольствия и даже роскошь, вы не отказывались, не называли такую жизнь безнравственной; так не судите и других. Трудиться хорошо, но ведь тяжело?

Наташа. Да, не легко.

Копров. Обеспеченная жизнь приятнее?

Наташа. Да, но потому только, что в нас мало...

Копров. Почему бы то ни было, а ведь приятнее?

Наташа. Конечно, приятнее.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Копров. Ну, и довольно. Ваши мнения о трудовом хлебе я уважаю, их нельзя и не уважать, и, пожалуйста, не судите обо мне по моим словам; я очень скромн в моих желаних. Дня через два–три мои волнения и хлопоты кончатся, я буду иметь ровно столько, сколько мне нужно, и ограничусь этим. Теперь, чтоб мое предприятие удалось вполне, мне нужна очень небольшая сумма.

Наташа. Опять занимать?

Копров. А как же иначе? На улице не найдешь.

Наташа. И платить огромные проценты?

Копров. Да уж не помилуют; ростовщики мягкостью сердца не отличаются.

Наташа. Зачем же у ростовщиков занимать?

Копров. Да у кого же больше? Кто дает деньги, тот и ростовщик. С удовольствием бы я занял у вас, например, да ведь у вас денег нет.

Наташа. Нет, у меня есть деньги.

Копров. Ну, какие деньги! Рублей сто – полтораста.

Наташа. Гораздо больше.

Копров. Уж и гораздо. А если и есть, так они вам самим нужны.

Наташа. Да, эти деньги заветные.

Копров. Всякие деньги бывают, а заветных я не видал. Покажите, пожалуйста, что за диковина такая.

Наташа. Пожалуй, извольте! (Подходя к двери.) Женечка, поди сюда!

Входит Евгения.

Вот сестра моя Евгения Львовна. (Уходит.)

Явление седьмое
Копров, Евгения.

Копров. Вы любите вашу сестру?

Евгения. Ах, очень, очень, больше всех!

Копров. Не может быть.

Евгения. Как не может быть? Я вас уверяю.

Копров. Да что значит: больше всех? То есть вы ее любите больше, чем все другие?

Евгения. Да.

Копров. Или то, что вы ее любите больше, чем кого–нибудь другого?

Евгения. Тоже да.

Копров. А я думаю, что ни то, ни другое.

Евгения. Почему же так?

Копров. Во–первых, потому, что я люблю ее больше, чем вы.

Евгения. Ну, уж сомневаюсь.

Копров. А во–вторых, потому, что вы любите кого–нибудь больше, чем ее.

Евгения. Это невозможно.

Копров. Много ль вам лет?

Евгения. Двадцать.

Копров. Ну, нечего и толковать. Какой он: брюнет или блондин?

Евгения. Ах, что вы, что вы!

Копров. Барин, чиновник, студент?

Евгения. Да как вы можете?..

Копров. Ну, студент, непременно студент. Как зовут? Аркадий, Валериан, Виктор?

Евгения. Какой Виктор? Никакого Виктора нет.

Копров. А, так проще: Карп, Сидор?

Евгения. Уж будто непременно каждая девушка...

Копров. Да, непременно.

Евгения. С вами говорить нет никакой возможности.

Копров. Очень можно говорить со мной, надо только быть откровенней.

Входит Наташа.

Явление восьмое

Копров, Евгения, Наташа.

Наташа (подавая деньги). Вот какие деньги у меня!

Копров. Хорошие деньги, отличные, но почему же они заветные?

Наташа. Их нельзя тратить.

Копров. Как нельзя? вы ошибаетесь. Кто вам сказал? Очень можно.

Наташа. Я не имею права.

Копров. Да ведь это жалость, это неблагоприятно: держать деньги без всякой пользы. Хотите, я вам дам за них двадцать процентов в год?

Наташа. Нельзя, я не могу отдавать их за проценты.

Евгения. Она может отдать их даром.

Наташа. Ах, Женечка, молчи, пожалуйста!

Копров. Что за секреты у вас?

Евгения. Да никаких секретов. Вы сейчас сказали, что любите Наташу.

Наташа. Женечка!

Копров. Да, люблю.

Евгения. Так она может отдать вам эти деньги.

Копров. Объясните, пожалуйста, эту тайну.

Евгения. Да скажи, Наташа, чего ты конфузишься! А то я скажу.

Наташа. Нет уж, оставь. Вот видите ли, это деньги моей маменьки.

Копров. Значит, теперь ваши.

Наташа. Только с условием: я их не могу тратить, а должна отдать...

Евгения. Жениху. Вот вам и все.

Наташа. Да... Вместе с рукой моей.

Копров. Только-то? (Кладет деньги в карман.) Ну, так получите с меня расписку.

Наташа (с изумлением). Как... расписку?..

Копров. Да, расписку, потому что и жениху глупо отдавать без расписки деньги: мало ль что может случиться.

Наташа. Но, Егор Николаич, говорите ясней!.. Ведь жизнь моя... вся жизнь от этого зависит... Мне нужно подумать.

Копров. Думать не нужно, я денег назад не отдам.

Наташа. Я бы желала говорить о таком деле серьезно, мне больно от ваших шуток.

Копров(взглянув на часы). После успеем поговорить и серьезно, время от нас не уйдет.

Наташа. Но прежде, нежели решиться, я бы желала знать всё...

Копров. Что все-то? Ну, вот вам все: я опять богат по-прежнему, жизнь вас ожидает приятная, без трудов, с человеком, который вас любит. Ну что еще? Наташа, не приводи меня в отчаяние!

Евгения. Душечка, Наташа, не думай!

Наташа. И уж этих... обманов не будет больше?..

Копров. Ты меня обижаешь! На, возьми, пожалуйста. (Хочет вынуть из кармана деньги.)

Наташа (берет копрова за руку). Не надо. (Подумав.) Оставь у себя.

Копров (целуя ее руку). Благодарю, моя милая. Расписку я пришлю, а завтра заеду, – мы поговорим хорошенько. Ах, да, забыл! Вот тебе вперед проценты. (Вынимает из бумажника и дает сторублевую бумажку.) Деньги тебе, я думаю, нужны. Ну, прощай, до завтра! (Целует руку.) Прощайте, барышня, поклонитесь от меня своему студенту!

Евгения. Какой студент! Никакого нет студента.

Копров уходит. Наташа его провожает и возвращается.

Наташа (садясь). Не могу перевести дух.

Евгения. Ах, Наташа, как это неожиданно!

Наташа. Погоди, у меня кружится голова. Мне кажется, мы сделали что-то не то...

Евгения. Ах, Наташа, да разве это не счастье! Ведь уж кончено.

Наташа. Кончено ли?..

Евгения. Да ведь уж деньги отданы, он взял.

Наташа. Да, взял... Что ж я думаю!.. Неужели же...

Евгения. Вот об чем думать-то: надо сшить поскорей платье или два, хорошеньких.

Наташа. Да, да... надо, непременно надо. Я сейчас иду в город, так уж куплю себе и тебе. Дай-ка шляпу и бурнус!

Евгения. Благодарю, милая. (Приносит шляпу и бурнус.)

Наташа уходит. Входит Маланья.

Явление девятое
Евгения, Маланья.

Маланья. Вот барина-то сейчас видно, по всему знать. Я и ручку у него поцеловала.

Евгения. Об чем ты говоришь?

Маланья. Да как же, помилуй, скажи, три рубля... Что я! Я и жалованья-то полтора рубля... Ну-ка! Вот вам давно бы так.

Евгения. Ничего у тебя понять нельзя.

Маланья. Как не понять? Приучили студента; что в нем? А это... одна коляска чего стоит!

Евгения. Он женится на сестре.

Маланья. Уж я знаю, как соседям-то сказать! что меня учить!

Евгения. Не соседям только, а в самом деле женится.

Маланья. Разводи бобы-то!

Евгения. Ну, будет, – поговорила и будет.

Маланья. Уж вы кому другому очки-то вставляйте, а мы и так, слава богу, хорошо видим.

Евгения. Да довольно, довольно.

Входят Корпелов и Чепурин, Маланья уходит.

Явление десятое
Евгения, Корпелов, Чепурин.

Корпелов. Проводили гостя?

Евгения. Проводили, дяденька; вы немножко не застали его.

Корпелов. Жалко. (Громко.) Наташа! Где Наташа?

Евгения. Она ушла платья покупать себе (с радостью) и мне.

Чепурин. Защеголяли? На какой радости?

Евгения. Деньги есть, вот и щеголяли. И радость есть.

Корпелов. Ты легковерна, ибо ты женского рода, *feminini generis*.

Евгения. Да ведь Егор Николаич женится.

Корпелов. А, Чепурин! Он женится, а им радость! Какая вам радость, *virgines*, девицы?

Евгения. Дяденька, что с вами? Поймите хорошенько: ведь Наташа выходит за него замуж. Уж это решено, кончено.

Корпелов. Чепурин, понимай ты за меня! Я темен, *obscurus sum*.

Чепурин (Евгении). Однако ловко он петли-то мечет.

Евгения. Да что вы не верите! Ну, так я вам докажу сейчас.

Чепурин. Докажете-с? Очень приятно, мы будем слушать.

Евгения. Ах, это смешно. Да Наташа сама долго отказывалась, я даже удивлялась на нее. Потом уж, когда он объяснил все свои дела, она и согласилась; он и руку у нее целовал, благодарил: ну и все покончили. Он уж теперь жених – как следует, совсем, совсем уж жених; вы кого увидите, всем так и говорите. Уж свадьба скоро, он и деньги взял.

Корпелов. Какие деньги?

Евгения. Ее деньги, которые ей оставлены, которые жениху...

Чепурин (Корпелову). Дождались! Сберегли приданое! Уж лучше б вам пропить его; по вашей слабости оно простительнее было бы.

Корпелов. А!! Вот он как! Ну, так я с ним, с дружкой... Я его! Я его!

Чепурин. Поздно хватились.

Корпелов. Нет, вырву, вырву: как орел налечу...

Чепурин. И ничего этого не будет от вас.

Корпелов. Молчи, мужик! Ты думаешь, что взять можно только медвежьей силой; я его силой слова, убеждением, я плакать его заставлю.

Чепурин. Не выдет-с.

Корпелов. Я сам заплачу. Я ему нарисую эту картину-то, как умирающая сестра поручала мне дочь свою... Я бога призову во свидетели... Что? Мало ему этого? мало?... Ну, так я... я... я сам буду умирать перед ним... Я умру... умру... и пусть он смотрит на меня, на мое мертвое лицо, на мои мертвые губы, на которых так и застынет проклятие. (Шатается.)

Чепурин (поддерживая Корпелова). Ах, брат, Асаф Наумыч!

Корпелов (отталкивая Чепурину). Поди, оставь! Или ты думаешь, что у меня сил нет? (Выпрямляясь.) Так знай же, что страсть, что отчаяние дают силу. Я лев теперь... лев. Я его!.. (Идет к двери.)

Евгения (подавая шляпу). Возьмите, дяденька!

Корпелов (вырвав шляпу). Прочь! Прочь! Сторонитесь! Все сторонитесь! Я его!.. Я его! (Убегает.)

Действие четвертое
ЛИЦА:

Корпелов.

Наташа.

Евгения.

Грунцов.

Чепурин.

Маланья.

Комната Наташи. Две двери: слева от зрителей – в ее спальню; справа – в комнату Корпелова. Швейная машина, пальцы, круглый стол и несколько стульев.

Явление первое
Евгения (одна).

Евгения (взглянув в дверь направо). Противный хозяин! уселся тут и сидит. Это он дяденьку расстроил. Дяденька слабый человек, всякому верит. Я боюсь, придет

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Наташа, он и ей наговорит всякого вздору. (Прислушиваясь.) Кто-то пришел, должно
быть она. (Отворив дверь.) Она, она, Наташа. Наташа, иди сюда скорей!

Входит Наташа.

Явление второе
Евгения, Наташа.

Наташа (снимая шляпку). Ну, что тебе нужно так скоро? (Весело.) Я уж отдала
шить, самим некогда.

Евгения. Ах, Наташа, у нас что-то неладно.

Наташа. Что еще?

Евгения. Дяденька точно с ума сошел, он побежал к Егору Николаичу деньги
отнимать. Его хозяин расстроил.

Наташа. Быть не может. Что-нибудь не так. Дядя не имеет права, да и не посмеет
распоряжаться моей судьбой. Позови сюда Ивана Федулыча!

Евгения. Я боюсь.

Наташа. Чего?

Евгения. Он скажет тебе что-нибудь неприятное.

Наташа. Ну, ну, не бойся, я не маленькая. Позови!

Евгения (у двери). Иван Федулыч, подите сюда! (Уходит в спальню.)

Входит Чепурин.

Явление третье
Наташа, Чепурин.

Наташа. Что у вас тут случилось? Что дядя выдумал? Мало горя, что ль, у меня
было, так он прибавить хочет? Куда дядя пошел? Ну, говорите! Что ж вы молчите?

Чепурин. По вашему собственно делу-с.

Наташа. Я его не просила. Прежде, прежде, Иван Федулыч, надо было учить меня
разбирать, понимать людей, – остерегать меня от дурных; да только раньше,
раньше, а теперь я выбрала, полюбила человека и не променяю его ни на кого.

Чепурин. Да помилуйте, разбой-с!

Наташа. Иван Федулыч, постойте! Выражайтесь осторожнее, имейте побольше
деликатности: не говорите при мне дурно о человеке, которого я люблю. Иначе я
вас слушать не стану.

Чепурин. Что ж мне хвалить прикажете его!

Наташа. Ни хвалить, ни бранить, а говорить с уважением.

Чепурин. Извольте!

Наташа. Ну, говорите. Дядя узнал про него что-нибудь? Ну, он мот, должен много,
игрок, что ли? (С сердцем.) Да ну, говорите скорей!

Чепурин. Всего довольно-с.

Наташа. Ну, так поймите, что дело кончено; хорош ли он, дурен ли – разлучить нас
нельзя. Хорошо буду жить – слава богу; дурно – жаловаться не стану, сама
выбрала. Мне с ним жить – моя и забота. И горе мое и радости мои, все мое, все
вот здесь, у сердца будет; ни с горем, ни с радостью я к людям не пойду.
Слышите! никому дела нет, мне с ним жить!

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873-1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Чепурин. Да не вам-с!

Наташа. Ну, довольно, Иван Федулыч! вы думаете, что если вы будете бранить, чернить человека, так я его разлюблю и полюблю вас. Ха, ха, ха! Это дурная политика. Он дурной человек, все бранят его; ну, браните его и вы, браните! а я еще больше буду любить его. Надо ж, чтоб и его кто-нибудь любил. Вы вот и хороший человек; вы стоите любви, вы хотите моей любви, да не умели ее заслужить, и я вас... презираю.

Чепурин. Стóю ль я вашей любви, нет ли-с, только мне ее не надо-с. И все ж я человек с душой-с, и чужие слезы мне не на радость.

Наташа. Вы их не увидите.

Чепурин. Минуты не пройдет, как увижу, да еще какие слезы-то увижу. Вот вам бог-с!

Наташа (с испугом). Вот как! (После некоторой борьбы, с притворным спокойствием.) Ну, что там еще?

Чепурин. Лучше б кто другой, а не я говорил вам; кажется бы, бог знает что дал...

Наташа. Пожалуйста, поскорей!

Чепурин. Что я за каторжный такой, что не мог вам никогда сказать ничего приятного и теперь должен убивать вас, все одно что ножом резать.

Наташа. Говорите, Иван Федулыч!

Чепурин. Теперича Копров какую штуку гнет! он все одно как бешеный мечется...

Наташа. Ну!

Чепурин. Чтоб только денег нахватать больше. А деньги бросает зря. Один кабинет, сказывают, без малого десять тысяч ему стоит. В спальне зеркало поставил, сажень с лишком, в серебряной рамке, все кружевами увешано.

Наташа. Только?

Чепурин. Как только-с? Арап теперича на крыльце торчит, белками ворочает, точно у него глаза-то выскочить хотят. К чему пристало?

Наташа. Вам завидно?

Чепурин. Завидуют-то чему основательному, а тут нечему завидовать: ветер так ветром и останется. Утром выедет в эгоистке – жеребец серый, кучер – страсть посмотреть; потом пару вороных в какую-то корзинку заложат, сам править сядет и арапа с собой посадит. А вечером в коляске, либо в карете развалится, а лошади опять другие. Да ведь какое баловство задумал! Подле кабинета контору отдал дубовую резную, книги велел желтые замшевые разложить; на стенах какие-то счеты в рамках, точно в банке в каком.

Наташа. Пожалейте меня! Я жду от вас дела, а вы мне какие-то глупости рассказываете.

Чепурин. Да помилуйте! Балансы подводят, миллионы на счетах выводят, а дела на грош нет. Помилуйте скажите, дутых документов целый ворох навалили да на конторке на шпильках натыкали; а и людей-то таких нет, на кого они писаны. Иностранец какой-то с немецкой конторы сбежал, так все книги ему наобум писал на аглицком языке, чтоб больше туману было, а все это фальшь, все напоказ.

Наташа. Кому напоказ?

Чепурин. А купцу этому из Таганки. Его нынче Копров к себе на обед зазвал, напоит его шампанским и будет ему все это показывать. Выгорит дело, Копров с долгами разочтется; а не выгорит – ну, вешай петлю да полезай в нее, больше некуда деться.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Наташа. Я не понимаю вас. На что ему купец? Чего ждет он от купца?

Чепурин. А вот, видите ли, тут политика какая! Он уж к этому купцу давно ездит, потому у этого купца есть племянница, сиротка, вида сурового, брови пальца в три ширины, ужасно даже, если нечаянно вдруг увидишь, и совсем круглая, как тунба.

Наташа. Ну, ну!

Чепурин. Тут расчет видимый с его стороны: кабы дочь, так зря бы не отдали, разузнали, что за человек; а то племянница, видеть ее все ужасаются, значит, только бы с рук сбыть да капитал сдать. А у этой сиротки, у бедной, окромя имениев, чистыми деньгами триста тысяч оставлено на избранника, кто изберется взять за себя такую красоту. Нынче ж и по рукам ударят, коли удастся старика опоить да обмануть.

Наташа (слабым голосом и опуская голову). Да?.. Так?.. Правда это?

Чепурин (ударяя себя в грудь и поднимая руку к небу). Вот-с! Перед истинным!

Наташа. Подите! Оставьте меня!

Чепурин уходит.

Явление четвертое

Наташа (одна).

Наташа (вынимает портрет Копрова). На что он мне теперь? (Задумывается.) Пожалуй, можно носить его, всю жизнь носить да смотреть на него; да уж очень обидно будет. (Ставит портрет на стол.) Прощай, Егор Николаич! Прощай, голубчик! Не мой ты, а жаль мне тебя; вдруг тебе не удастся, что с тобой будет? Да нет... удастся... отчего же! А надо будет посмотреть свадьбу-то. В церковь не нужно ходить – нехорошо, можно у церкви подождать их... что в церковь!.. Там известно что... Певчие поют... Сводят их, он ей подаст руку в белой перчатке... вот венцы на головах... вот все кончено. Все целуются, все родные стали, чужих нет... Чужая только я... только здесь я одна... Экипажи... экипажи задвигались, блонды всё, блонды... разъезд. Уедут, уедут! Не бежать ли мне, не броситься ль под колеса кареты? (Взглянув на портрет.) Прощай, Егор Николаич, прощай! Живи с молодой женой! Совет вам да любовь!.. Жива я или нет, тебе все равно. Чай, как не жива-то буду, тебе легче будет, (глядя на портрет) буйная ты головушка, хороший ты мой, не встретимся тогда с тобой, не кольнет тебя в сердце-то. Аль ничего тебе? Встретишь меня, так не поклонись, к жене отворишься, будто поговорить с ней нужно? «Что, мол, милая, не проехать ли нам куда подальше?» да кучеру мигнешь, чтоб умчали тебя кони вороные от моих глаз... Ой, смерть моя! (Разрывает портрет.) Не разлучишь вас... да и не родилась я на свет разлучницей... Легче самой умереть... Носить горе, носить горе, пока износится! Как темно, как скучно в этой лачужке. Куда деться? Куда мне деться с тоской! (Уходит в спальню.)

Входит Корпелов.

Явление пятое

Корпелов (один).

Корпелов. Я ворочу, я ворочу эти деньги... Вот побегу завтра на толкучку да продам пальтишко, вот и положу Наташе в комод на убылое место рублика полтора. Я по гривенничку наносу, по утрам у церквей буду с нищими становиться. Разве я не похож на нищего? Мне подадут... Чем я не нищий?

Дрожанье рук, поблеклые ланиты
И тусклых глаз распухшие орбиты..
Входит Маланья.

Явление шестое

Корпелов, Маланья.

Маланья. Асаф Наумыч, нужны тебе бумаги-то, что ли, так говори!

Корпелов. Ничего мне не нужно. Какие бумаги?

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Маланья. А вчера ты хмельненек пришел, так из пальта выронил.

Корпелов. Лжесвидетельствуешь.

Маланья. Толкуй с тобой! Бросил пальто, они и выскочили; я давеча печку растопить хотела, да думаю: может, мол, нужны.

Корпелов. Постой, женщина! Вспоминаю.. Старуха каялась мне во грехах..

Маланья. Ну, загородил!

Корпелов. Да, да... и бумаги отдала.. Подай сюда!

Маланья. Не трожь, лучше у меня останутся. Право, другой раз ищешь, ищешь растопки-то..

Корпелов. О, Аглая, не возражай!

Маланья. Небось жалко стало? Да на! Не велико сокровище-то. (Отдает пакет и уходит.)

Явление седьмое

Корпелов, потом Евгения и Маланья.

Корпелов (развертывает верхнюю обертку и вынимает незапечатанный пакет. Читает надпись). «Сей пакет и все, что в нем находится, принадлежит дочери губернского секретаря, Наталье Петровной Сизаковой». Находка, в первый раз в жизни находка! (Вынимает из пакета одно письмо, читает его, руки трясутся, утирает слезы. Кладет письмо и пакет на пальцы.) Вот оно, вот приданое-то! Наташа! Наташа!

Входит Евгения.

Евгения. Тсс... тише! Что вы, что вы! Уморить ее хотите?

Корпелов. Как? разве?.. Наташа моя, Наташа!..

Евгения. Да тише, говорю вам! Дайте ей успокоиться. Она совсем убита, она умирает.

Корпелов. Разве ей сказали?

Евгения. Хозяин все рассказал.

Корпелов. Нет, не все еще.

Евгения. Ну, будет с нее и этого.

Корпелов. Что ж она? плачет?

Евгения. Нет, лежит в белом платье без движения, как мертвая, и в бреду, все какая-то ей свадьба представляется.

Корпелов. В белом платье?

Евгения. Да, надела.

Корпелов.словно она тебя кличет... Поди, поди к ней!

Евгения уходит в спальню, Корпелов подходит к двери и прислушивается. Евгения входит.

Корпелов. Ну, что, что?

Евгения. Велела послать к ней Ивана Федулыча и Маланью.

Корпелов. Зачем?

Евгения. Не знаю.

Корпелов. Так позови их скорее!

Евгения (у двери). Иван Федулч! вас Наташа зовет. Маланья, иди и ты!

Чепурин и Маланья проходят в комнату Наташи. Маланья сейчас же возвращается.

Маланья (в дверях). Хорошо! Я мигом, далеко ль тут, лавочка-то внизу.

Корпелов. Куда ты?

Маланья. Не твое дело. Не до тебя нам. (Уходит.)

Евгения. Должно быть, чайку захотела.

Корпелов. Видно, ей полегче.

Евгения. Не знаю. Встала, сидит. Вот только белое платье меня очень пугает. Зачем это оно?

Корпелов. А что ж белое платье?

Евгения. Есть у нее белое кисейное платье. Никогда она его не надевала; а вот, если болезнь какая ходит по Москве, так она его вынет и гладит. Коли, говорит, умру, так положите меня в нем. Мы хоть бедные девушки, а все ж нужно, чтобы было прилично; чтоб, если кто войдет в церковь, видел бы, что девушку хоронят. А сама гладит да все бантики, все оборочки раздувает, чтоб пышней было. Складки расправит, да и говорит: «Ты вот тогда на мне также складочки расправь».

Корпелов. У меня есть радость для нее; но я боюсь: эта радость может и оживить и убить ее.

Входит Маланья и накрывает стол салфеткой.

Евгения. Что ты делаешь?

Маланья. Приказали, так и делаю. (Выносит сначала на подносе хлеб и закуску, потом вино и рюмки. Корпелову.) Вот попотчуют тебя, так ты пить будешь, небось не откажешься. (В дверях спальни.) Готово; а за батюшкой сейчас схожу. (Уходит.)

Входит Грунцов.

Явление восьмое

Корпелов, Евгения, Грунцов, потом Наташа и Чепурин.

Грунцов. Что у вас тут такое?

Корпелов. Не знаю, юноша; что-то на похороны похоже.

Выходит Наташа, она едва держится на ногах, ее поддерживает за руку Чепурин.

Наташа (становясь на колени). Дяденька, благословите нас на трудовую жизнь!

Корпелов. Нет, нет, не мне, не этим рукам благословлять тебя, дитя мое! (Поднимает Наташу.) Вот, вот тебе вместо благословения; находка, золотая находка. (Берет с пялец письмо и отдает Наташе.) Прочти, что писала твоя мать одному богатому барину!

Наташа (читает). «Благодарю вас за участие, но вы меня оскорбляете, присылая мне деньги. Посылаю вам их обратно. Пока я жива, я не приму от вас денег. Дочери моей останется немного, но ей и не надо многого; она привыкла жить трудом и должна жить трудом, если захочет исполнить завет умирающей матери. Я умираю, вы меня переживете, прошу вас уважить мою волю, не помогайте Наташе, пусть она даровых денег не знает. Разве уж (простите меня, матери слабы) вы узнаете, что она в своей честной, трудовой жизни мало знает радостей, не видит светлых дней, так пошлите ей какую-нибудь безделицу на обновку, на сладкий кусочек, на дешевенькие удовольствия. Пошлите потихоньку и напишите, что это мать посылает ей вместе с благословением из-за гроба». (Обнимая Корпелова.) Благодарю вас,

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e благодарю вас. Я думала, что мне и не пережить горя; а вот слышу слова матери, и у меня в душе радость и счастье. Вот я и богата.

Корпелов. Вот и деньжонки есть, только немного, как завещано, – сторублевый билетец. (Отдавая пакет Наташе.)

Наташа. Отдайте Ивану Федулычу. (Читает про себя письмо и плачет.)

Чепурин. Что ни есть, все наше будет-с.

Корпелов. Получай, брат! (Отдает пакет.)

Чепурин. Покорнейше благодарю-с. Не велики деньги, а все на черный день годятся. Так мы их и беречь будем. (Заметив плачущую Наташу, берет у нее письмо.) Не читайте, не утруждайте себя! На все время будет. Извольте сесть, успокоиться.

Грунцов. Поздравляю, Иван Федулыч.

Чепурин. Еще погодите поздравлять, вот батюшка благословит, тогда честь честью-с.

Грунцов. Да я тебя с деньгами поздравляю, ты уж их в карман положил. Я сам разбогател. (Вынимая деньги и показывая.) Сроду столько денег не видывал.

Корпелов. Запродался?

Грунцов. Закабалился.

Корпелов. Далеко ли?

Грунцов. В Уфу. Задаток взял, завтра ехать.

Евгения (подбегая). Что вы говорите? Завтра ехать?

Грунцов. Да, барышня, в Уфу. Прощаться пришел с милыми друзьями.

Евгения (с испугом). Да как же это можно? Что вы делаете!

Грунцов. А что ж, барышня, не с кем вам спорить будет?

Евгения. Да нет, нет, что за споры! Разве я серьезно!

Грунцов. Должен-то я вам, так заплачу.

Евгения. Какой долг, что вы!

Грунцов. А два фунта конфет... Первое пари проиграл и второе...

Евгения. А второе выиграли.

Грунцов. Как выиграл?

Евгения. А вот как! (Целует его.) Ну, и квиты.

Корпелов. Ого, барышня! Оvertime! [8]

Евгения. Только это нехорошо... Так не делают. Бог с вами. (Плачет.) Ну, на что похоже, скажите, пожалуйста... завтра... вдруг завтра... (Берет Грунцова за руку.) Я вас не пущу.

Грунцов. Ну, так вот что, барышня! Я поеду в Уфу, там мне обещали место в гимназии; если прочно устроюсь, так приеду в Москву на святки, а из Москвы-то назад, пожалуй, уж вместе поедem. По рукам?

Евгения. Уж теперь не заспорю.

Корпелов. Юноша! ты крез теперь, – значит, кутим.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Грунцов. Всенепременно. Мне чтоб только на дорогу в обрез осталось. Я фунтов
пять конфет принес да три бутылки шампанского, все это у Маланьи находится.

Чепурин. Это очень кстати-с. Мы сейчас вытребуем. (Корпелову.) Только позвольте
спросить... конечно, само собой, я отчета требовать не смею, а все-таки интересно,
как насчет тех денег-с?

Корпелов (указывая на Наташу). Молчи, молчи, что ты!

Наташа. Не бойтесь, говорите, я уж теперь покойна.

Корпелов. Ведь какой глупый человек-то! Плутовал, плутовал, да концов-то
схоронить и не умел. Зазвал купца обедать, а тут и незваные гости явились.
Документики какие-то фальшивые состряпал, его и накрыли. Ну, уж попался, так и
терпи. А он, глупый, что же выдумал: побежал в кабинет, дверь на ключ да хлоп из
револьвера. Хвать-похвать – денег никаких, одна только записка на конторке: «Без
денег, мол, мне жить на свете незачем». Какой глупый-то! Да разве жизнь-то мила
только деньгами, разве только и радости, что в деньгах? А птичка-то поет – чему
она рада, деньгам, что ли? Нет, тому она рада, что на свете живет. Сама жизнь-то
есть радость, всякая жизнь – и бедная, и горькая – все радость. Озяб, да
согрелся – вот и радость. Голоден, да накормили – вот и радость. Вот я теперь
бедную племянницу замуж отдаю, на бедной свадьбе пировать буду, – разве это не
радость! Потом пойду по белу свету бродить, от города до города, по морозцу, по
курным избам ночевать... (Поет и пляшет.)

Пойду ли я по городу гулять,
Пойду ли я по Бежецкому.
Куплю ли я покупку себе.
Чепурин(налив в рюмки вина). Пожалуйте-с.

Корпелов. Давай выпьем. Юноша, иди! (Грунцов подходит.) Погодите! Чепурин!
становись с нами в ряд! (Чепурин подходит.) Вот так! (Запевает.)

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus![9]
Волки и овцы
Действие первое
ЛИЦА:

Меропия Давыдовна Мурзавецкая, девица лет 65-ти, помещица большого, но
расстроенного имения; особа, имеющая большую силу в губернии.

Аполлон Викторович Мурзавецкий, молодой человек лет 24-х, прапорщик в отставке,
племянник Мурзавецкой.

Глафира Алексеевна, бедная девица, родственница Мурзавецкой.

Евлампия Николаевна Купавина, богатая молодая вдова.

Анфуса Тихоновна, ее тетка, старуха.

Вукол Наумович Чугунов, бывший член уездного суда, лет 60-ти.

Михаил Борисович Лыняев, богатый, ожиревший барин, лет под 50, почетный мировой
судья.

Павлин Савельич, дворецкий Мурзавецкой.

Влас, буфетчик Мурзавецкой.

Корнилий, лакей Мурзавецкой.

Стропилин, подрядчик Мурзавецкой.

Маляр.

Столяр.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Крестьянин, бывший староста Мурзавецкой.

Мастеровые, крестьяне и приживалки Мурзавецкой.

Действие в губернском городе, в доме Мурзавецкой. Зала, меблированная по-старинному; с правой стороны (от зрителей) три окна, в простенках узкие длинные зеркала с подзеркальниками. У первого окна, ближе к авансцене, высокое кресло и столик, на нем раскрытая старинная книга и колокольчик; в глубине, в правом углу, двустворчатая дверь в большую переднюю; в левом – дверь в комнату Мурзавецкого; между дверями печь; на левой стороне, в углу, дверь в коридор, ведущий во внутренние комнаты; ближе к авансцене двери в гостиную; между дверями придвинут к стене большой обеденный стол.

Явление первое

Павлин у дверей в переднюю, подрядчик, маляр, столяр, староста, крестьяне и мастеровые.

Павлин (подавая руку подрядчику). Господину Стропину! (Прочим.) Невозможно, господа, невозможно. Что за базар!

Столяр. Всякий тоже из-за своего интересу.

Маляр. Другому деньги-то как нужны, – страсть!

Староста. Праздничное дело: слободно, – ну, значит, иди за получкой.

Подрядчик. Праздничное-то дело так бывает, друг сердечный, что и получишь, да домой не донесешь.

Столяр. Донесли бы, сумели, только б было что.

Маляр. Только б залучить деньги-то, а то вот как зажму, силой не отымешь.

Павлин. Стало быть, вы барышню дожидаться хотите?

1-й крестьянин. Да уж подождем; наше дело такое, что дожидаться.

2-й крестьянин. И подождешь, ничего не поделаешь... Мы еще позапрошлую осень лес возили на баньку. (Указывая на подрядчика.) Вон рыжий-то строил.

Маляр. А мы вот палисаду красили, звен двенадцать, да беседку умброй подводили.

Староста. А мы так бычка-опочка в ту пору на солонину...

Столяр. Всякий за своим, ведь и мы вот тоже два столика под орех, да в спальню к барышне...

Павлин. А вы, господин Стропин?

Подрядчик. Со старым счетцем. Вышел из дому с утра по своим делам, так уж, думаю, пройду, мол, заместо моциону.

Павлин. Ну, что ж мне делать прикажете! Допустить вас я не смею. Домой идите, други милые, вот что я вам скажу. После понаведаетесь, да не все вдруг!

Подрядчик. Нет, уж меня-то вы до барышни допустите, Павлин Савельич.

Голоса. Допущай до самой! Всех допущай до самой!

Павлин. Я, пожалуй, допущу; только с уговором, господа. Вот первое: которые почище (указывает на подрядчика, маляра, столяра и старосту), останьтесь здесь (остальным), а вы к крыльцу. Второе дело: как барышня из экипажа, сейчас все к ручке; а кто, по усердию, может и в ножки. Об деньгах и не заикаться; с праздником можно поздравить, а об деньгах чтоб ни слова.

Маляр. Да коли мы за ними собственно пришли, как же так ни слова?

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Павлин. А так же – ни слова, да и все тут. Пройдут барышня в гостиную, чаю накушаются, я им доклад сделаю; тогда вам всем резолюция и выдет. Как же вы хотите, чтоб праздничное дело, утром, да сейчас за суету? Барышня в это время тишину любят и чтоб никто их не беспокоил, особливо об деньгах. Вы то подумайте: когда они приедут из собора, сядут в размышлении и подымут глазки кверху, где душа их в это время бывает?

Подрядчик. Высоко, Павлин Савельич, высоко.

Староста. Уж так-то высоко, что ах!

Павлин. Ну, вот то-то же! (Маляру.) А ты с умброй! Эх, сырье! Когда вы отмякнете сколько-нибудь? Деньги деньгами, а тоже и время надо знать. Мы суеты всеми манерами избегать стараемся; а он за бычка-опоечка получать пришел. Ну, ступайте на свое место.

Крестьяне и мастеровые уходят. Входит Чугунов с портфелем.

Явление второе

Павлин, Чугунов; (у двери в переднюю) подрядчик, маляр, столяр, староста; потом Корнилий.

Чугунов (указывая глазами на толпу). Набралось гостей со всех волостей.

Павлин (нюхая табак). Комиссия, сударь.

Чугунов. Дай-ка березинского-то!

Павлин подает табакерку.

(Понюхав.) Разбор делаешь: кому – подожди, кому – после приди!

Павлин. Перемежка в деньгах, сударь.

Чугунов. Это бывает. Перед деньгами, говорят.

Павлин. Дай-то Бог! Женское дело, сударь... От женского ума порядков больших и требовать нельзя.

Чугунов. Ну, не скажи! У Меропы Давыдовны ее женского ума на пятерых мужчин хватит.

Павлин. Как же возможно против мужчины! Кабы столько ума было, так за вами бы не посылали; а то чуть кляузное дело, сейчас за вами и шлют.

Чугунов. Да на кляузы разве ум нужен? Будь ты хоть семи пядей во лбу, да коли законов не знаешь...

Павлин. Понимаю я-с. Да от большого ума кляуз-то заводить не следует. Конечно, осуждать господ мы не можем, а и похвалить нельзя. У Меропы Давыдовны такой характер: с кем из знакомых размолвка – сейчас тяжбу заводить. Помилуйте, знакомство большое, размолвки частые, – только и знаем, что судимся.

Чугунов. Да, другой раз просто не из чего дело затеваешь.

Павлин. Только что от всех знакомых господ неудовольствия.

Чугунов. Да ведь мы никого не обидели: нам все отказывают, еще ни одного дела не выиграла.

Павлин. Так ведь убытку много: проторы платим да подьячих кормим.

Чугунов. Кто ж их кормить-то будет? ведь и они кушать хотят, люди тоже.

Павлин. Не считаю я их за людей, сударь.

Чугунов. Напрасно. Ведь и я подьячий, Павлин Савельич.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Павлин. Знаю-с.

Чугунов. А знаете, так будьте поучтивее. У меня таких-то хамов, как вы, полтора ста животов было.

Павлин. Было, да прошло.

Чугунов. Да, прошло; был барин, а теперь вот сутягой стал да холопские разговоры слушаю.

Павлин. Нельзя и не говорить; поневоле скажешь, коли вы барышню только смущаете. Можно вам теперь, сударь, кляузы-то бросить и опять барин, да зажить: золотое дело имеете.

Чугунов. Имею.

Павлин. По милости нашей барышни у госпожи Купавиной всем имением управляете, – ведь это легко сказать! Да оно и видно: и домик обстроили, и лошадок завели, да и деньги, говорят...

Чугунов. Заговорили уж, позавидовали!

Павлин. Нет, что ж, давай Бог, наживайтесь!

Чугунов. Да и наживусь, и наживусь. Разговаривай еще! Посмотрю, что ль, я на кого! Я видал нужду-то, в чем она ходит. Мундир-то мой помнишь, давно ль я его снял? Так вытерся, что только одни нитки остались; сарафан ли это, мундир ли, не скоро разберешь.

Павлин. Барыня молодая, добрая, понятия ни об чем не имеют; тут коли совесть не зазрит...

Чугунов. Зачем же ты совесть-то? К чему ты совесть-то приплел? В философию пускаться тебе не по чину...

Павлин (взглянув в окно). Барышня идут. (Уходит.)

Корнилий в белом галстуке и белых перчатках выходит из гостиной, отворяет обе половинки дверей и становится слева.

Явление третье

Чугунов встает со стула и становится недалеко от двери в гостиную, за ним по линии к выходной двери становятся: подрядчик, потом староста, потом маляр и столяр. Мурзавецкая одета в черную шелковую блузу, подпоясанную толстым шелковым шнурком, на голове кружевная черная косынка, которая, в виде вуаля, до половины закрывает лицо, в левой руке черная палка с белым, слоновой кости, костылем. Проходит медленно и не глядя ни на кого от дверей передней в гостиную. Все стоящие в зале поочередно целуют ее правую руку.

За ней, в двух шагах, проходит, опустя глаза в землю, Глафира, одета в грубое черное шерстяное платье.

Потом две приживалки, одетые в черное. Павлин идет с левой стороны Мурзавецкой и, почтительно согнувшись, несет на руке что-то вроде черного плаща. Корнилий, пропустив всех, входит в гостиную и затворяет двери.

Явление четвертое

Чугунов, подрядчик, староста, маляр, столяр, потом Павлин.

Староста. Ах, матушка! Дай ей, Господи! Создай ей, Господи!.. И костылек-то все тот же.

Подрядчик. Разве помнишь?

Староста. Да как не помнить? Тоже, как крепостными-то были...

Подрядчик. Так хаживал по вас?

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Староста. Еще как хаживал-то!

Выходит Павлин.

Павлин. Не в час, господа, пришли.

Чугунов. Что так?

Павлин. И докладывать-то не смею. (Чугунову.) Наказанье нынче, сударь Вукол Наумыч, с прислугой. Сливки вскипятить не умеют, либо не хотят, что ли. Только и твердишь, чтоб пенки как можно больше, потому барышня страсть их любят. В такой малости не хотят барышне удовольствия сделать, ну и гnevаются.

Староста. Что же теперича нам?

Павлин. А как-нибудь на неделе, что там Бог даст.

Маляр. Ходишь, ходишь, только маета одна.

Павлин. Ну, уж будет! Поговорил и довольно! Ласково я с вами говорю или нет? Так вы грубого слова не дожидаетесь.

Столяр. Только и всего? С тем, значит, и идти?

Павлин. Чего ж тебе? Угощенья для вас не припасено. (Подрядчику.) До приятного свидания, господин Стропилин. (Прочим.) Ну, так прощайте, добрые люди!

Подрядчик, староста, маляр и столяр уходят.

Вам, сударь, в столовой фриштыкать приготовят.

Чугунов. Дай-ка табачку-то!

Павлин (подавая табакерку). Пожалуйте. Уж придется вам повременить, потому барышня Аполлона Викторыча дожидаются.

Чугунов. Где же он?

Павлин. Одно место у них. Просто срам, сударь! В городе-то стыдятся; так возьмут ружье, будто за охотой, да на Раззорихе, в трактире и проклажаются. И трактиришко-то самый что ни есть дрянной, уж можете судить, – в деревне, на большой дороге заведение, на вывеске: «Вот он!» написано. Уж так-то не хорошо, что и сказать нельзя. Дня по два там кантуют, ссоры заводят, – и что им там за компания! Барышня уж послали буфетчика Власа, велели их домой привезти.

Чугунов. А что ему дома-то делать?

Павлин. Барышня хотят их установить и в хороший круг ввести; в гости с ними хотели сегодня ехать и даже все новое им платье приказали шить.

Чугунов. Уж не женить ли хотят?

Павлин. Похоже на это-с.

Чугунов. Жених завидный.

Павлин. Вот теперь тоже Евлампия Николаевна вдовеют, господин Лыняев тоже холостой.

Чугунов. Обо всех-то у матушки Меропы Давыдовны забота.

Павлин. Нельзя же-с. И ах, как они чудесно рассуждают! Евлампия Николаевна богаты очень – значит, им можно и небогатого жениха, только б молодого, вот как наш Аполлон Викторыч; Михаил Борисыч Лыняев тоже богаты и уж в годах, – для них теперь на примете есть барышня, княжеского рода; немолодая, это точно-с, и в головке у них словно как дрожание, а уж так образованы, так образованы, что сказать нельзя-с. (Взглянув в окно.) Да вот, должно быть, барина привезли.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Чугунов. Так я в столовую. (Уходит.)

Входят: Мурзавецкий, одет в черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы, панталоны в сапоги, на голове фуражка с красным околышем и с кокардой, Влас, с ружьем, патронташем, ягдташем и арапником.

Явление пятое
Мурзавецкий, Павлин, Влас.

Мурзавецкий (не снимая фуражки). Ма тант у себя?

Павлин. У себя-с.

Мурзавецкий. Ох, уж эта охота мне! Устал, братец. А что делать-то! Страсть! Жить без охоты не могу. Халат теперь, да спать завалиться. (Хочет идти в свою комнату.)

Павлин. Нет уж, извольте здесь подождать, так приказано.

Мурзавецкий садится у окна.

Влас. С рук на руки, Павлин Савельич, и барина, всю сбрую, и амуницию.

Павлин (заглянув в ягдташ). В ягдташе-то, сударь, не то что дичи, а и перышков-то нет.

Мурзавецкий. Незадача, братец, дьявольская незадача. Выход нехорош был, вернуться б надо; заяц дорогу перебежал, какая уж тут охота! Что ни приложусь, паф! – либо пудель, либо осечка.

Павлин (Власу). Снеси к барину в комнату, положи осторожнее!

Влас уходит.

Мурзавецкий (растворяя окно). Фу, духота какая! (Высовывается в окно и свищет.) Тамерлан! Ах, проклятый! Ну, погоди ж! Человек, приведи сюда Тамерлана да подай мне арапник!

Павлин. Нет уж, этого ни под каким видом нельзя: не приказано-с. И какой же это Тамерлан? Нешто такие Тамерланы бывают? Уж много сказать про него, что Тлезор, и то честь больно велика; а настоящая-то ему кличка Шалай.

Мурзавецкий. Много ты понимаешь!

Павлин. Да я всю его родословную природу знаю. Окромя что по курятникам яйца таскать, он другой науки не знает. Его давно на осину пора, да что и на осину-то! Вот, Бог даст, осень придет, так его беспрременно, за его глупость, волки съедят. Недаром мы его волчьей котлеткой зовем. А вы бы, сударь, фуражку-то сняли, неравно барышня войдут.

Мурзавецкий (снимая фуражку). Не твое дело; ты знай свое место! Я разговаривать с вашим братом не люблю.

Павлин. Слушаю-с.

Мурзавецкий. Фу, черт возьми, что это мне как будто не по себе, нездоровится что-то? Ноги, должно быть, промочил в болоте. (Громко.) Человек, водки!

Павлин. Здесь, сударь, не в раззорихинском трактире.

Мурзавецкий. Ну, что же, что не в раззорихинском трактире, ну, что же?

Павлин. А то, что здесь не подадут-с.

Мурзавецкий. Ну, пожалуйста, Павлин Савельич, ну, будь другом, ну, я тебя прошу. Не в службу, а в дружбу, братец, понимаешь?

Павлин. Вот то-то же, сударь.

Мурзавецкий. Право, так что-то фантазия пришла. Павлин Савельич, я с тобою буду откровенен! адски хочется, братец.

Павлин. Уж, видно, нечего с вами делать. (Уходит.)

Из гостиной входит Глафира и идет к коридору.

Явление шестое
Мурзавецкий, Глафира, потом Павлин и Влас.

Мурзавецкий. Кузина, удостойте взглядом! Глазки-то, фу! Все отдашь!

Глафира. Что вам угодно?

Мурзавецкий. Что мне угодно? Вот странно! Мне угодно расцеловать вас, но...

Глафира. Вы глупы.

Мурзавецкий. Пардон, мадемуазель!

Глафира. Adieu, monsieur! [10] (Хочет идти.)

Мурзавецкий. Пойдите! Нет, в самом деле, ма тант иррите? [11]

Глафира. Как вы дурно говорите по-французски!

Мурзавецкий. Ничего, по нашей губернии сойдет.

Глафира. Да, я не думаю, чтоб она была довольна вами. (Хочет идти.)

Мурзавецкий. Атанде! Поклон.

Глафира. От кого?

Мурзавецкий. От Лыняева.

Глафира. Благодарю вас. Что это ему вздумалось?

Мурзавецкий. На охоте встретились, денег у него занял, черт его возьми!
Шуры-муры завели? Ну, что уж, признавайтесь! А еще важность на себя напускаете.

Глафира, пожав плечами, уходит. Входят Павлин и Влас с подносом, на котором рюмка водки и закуска.

Павлин. Извольте кушать поскорее, а то, чего доброго, барышня выйдут.

Мурзавецкий (выпив и закусив). Фу! Кабачная водка, собачья закуска! (Власу.)
Пошел!

Влас уходит.

Павлин. Какая есть, и за ту спасибо скажите, сударь!

Мурзавецкий. Что ты важничаешь! Точно какое одолжение мне сделал. Я тебе приказал, ты мне подал, вот и все. Смел бы ты не подать.

Павлин. Хорошо-с, так и будем знать.

Мурзавецкий. Хам и важничает – это смешно даже.

Входит Мурзавецкая.

Явление седьмое
Мурзавецкий, Мурзавецкая, Павлин.

Мурзавецкая. Что ты расселся? Не видишь? (Поднимая костыль.) Встань!

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Мурзавецкий. Ах, пардон, ма тант! Я так, что-то не в духе сегодня, не в расположении.

Мурзавецкая. А очень мне нужно! (Павлину.) Поди затвори двери; и не принимать никого, пока я не прикажу.

Павлин (подавая кресло). Слушаю-с. (Уходит.)

Мурзавецкая (указывая на стул). Вот теперь садись, когда приказывают.

Мурзавецкий. О, ма тант, не беспокойтесь.

Мурзавецкая. Да что не беспокоиться-то? Будешь вертеться передо мной, как бес; терпеть не могу. (Стучит палкой.) Садись!

Мурзавецкий садится.

Долго ты меня будешь мучить да срамить?

Мурзавецкий (с удивлением). Что такое? Я, ма тант, ваших слов не понимаю.

Мурзавецкая. А то, что ты шляешься по трактирам, водишься с мужиками – ссоры у вас там... Мурзавецкому-то это прилично, а?

Мурзавецкий. Вот превосходно, вот превосходно! Однако ж меня ловко оклеветали перед вами.

Мурзавецкая. Где уж клеветать; про тебя и правду-то мне сказать, так люди стыдятся. Да чего и ждать от тебя? Из полка выгнали...

Мурзавецкий. Позвольте, ма тант!

Мурзавецкая. Молчи! Уж не болело б у меня сердце, кабы за молодечество за какое-нибудь: ну, растрать ты деньги казенные, проиграй в карты, – все б я тебя пожалела; а то выгнали свои же товарищи, за мелкие гадости, за то, что мундир их мараешь.

Мурзавецкий. Но позвольте же!

Мурзавецкая. Куда как хорошо, приятно для всей нашей фамилии!

Мурзавецкий. Но позвольте же в оправдание... два слова.

Мурзавецкая. Ничего ты не скажешь, – нечего тебе сказать.

Мурзавецкий. Нет, уж позвольте!

Мурзавецкая. Ну, говори, сделай такую милость!

Мурзавецкий. Судьба, ма тант, судьба; а судьба – индейка.

Мурзавецкая. Только?

Мурзавецкий. Судьба – индейка, я вам говорю, Вот и все.

Мурзавецкая (покачав головою). Ах, Аполлон, Аполлон! Если жалеть тебя и любить как следует, так ведь с ума сойдешь, глядя на тебя. Вот что ты мне скажи: совладать-то с собой ты можешь али нет, – ну, хоть ненадолго!

Мурзавецкий. Я-то, я-то с собой не совладаю? Вот это мило! Покорно вас благодарю.

Мурзавецкая (не слушая его). ведь если б ты был хоть немного поприличнее, я бы тебе и службу достала, и невесту с хорошим приданым.

Мурзавецкий. Ма тант, ручку! (Целует руку у Мурзавецкой.) Мерси!

Мурзавецкая. Только уж чтоб ни-ни, чтоб и духу этого не было!

Мурзавецкий. Что вы мне говорите! Как будто я не понимаю, я очень хорошо понимаю. Дурачусь, а коли вам угодно, так хоть сейчас – ни капли, абсолюман.[12]

Мурзавецкая. Не верю.

Мурзавецкий. Пароль донёр[13], – честное слово благородного человека.

Мурзавецкая. Давно это слово–то я слышала.

Мурзавецкий (встает). Ну, хотите пари, пари, ма тант, какое вам угодно?

Мурзавецкая. Нет, уж я лучше без пари, я вот не пушу тебя никуда из дому да выдержу хорошенько.

Мурзавецкий (глядя в окно). Все, что вам угодно, ма тант...

Мурзавецкая. Выезжать ты будешь только со мной, и вот сегодня же.

Мурзавецкий (в окно, ударяя ладонью себя по груди). Тамерлан, сотé, сотé![14]

Мурзавецкая. Полоумный! Что ты, опомнись! С грязными–то лапами в окно!

Мурзавецкий. Пардон! (в окно.) Куш, куш, анафема!

Мурзавецкая. Опомнись, опомнись! Сядь, сию минуту сядь!

Мурзавецкий. Ах, ма тант, вы не понимаете: собаке строгость нужна, а то бросить ее, удавить придется.

Мурзавецкая (стуча палкой). Шалопай! Кому я говорю?

Мурзавецкий. Сейчас, ма тант, к вашим услугам. (в окно.) Куш, говорят тебе! Где арапник? (Громко.) Человек, подай арапник!

Мурзавецкая (берет его за руку и сажает). Арапник–то нужен для тебя. Об чем я тебе говорила, ты слышал, слышал?

Мурзавецкий. Ах, ма тант, как меня этот пес расстроил!

Мурзавецкая. Ну, вот тебе мой приказ: поди выспись, а вечером к невесте поедем! Оденься хорошенько, к Евлампии Николаевне поедем!

Мурзавецкий. Боже мой, как я влюблен–то в нее! Уж это... уж это... тут, ма тант, слов нет. Мерси, мерси! Вот за это мерси! (Целует у нее руку.)

Мурзавецкая. Поди спать!

Мурзавецкий (идет к двери, потом возвращается). Доне муа де ляржан![15]

Мурзавецкая. Не считаю нужным.

Мурзавецкий. Так прикажите принести!

Мурзавецкая. Чего еще?

Мурзавецкий. Енпé[16], маленький флакончик и закусить. Вообразите, вчера до ночи по болотам; страсть, ма тант, куска во рту не было.

Мурзавецкая. А кто пари предлагал?

Мурзавецкий. Ах, я оставлю; уж сказал, так и оставлю. Только не вдруг, сразу нельзя: знаете, бывают какие случаи, ма тант? Трагические случаи бывают. Вот один вдруг оборвал и, как сидел, так... без всяких прелюдий, просто даже без покаяния, ма тант. Вот оно что!

Мурзавецкая. Бог не без милости, может быть, и не умрешь.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Мурзавецкий (громко вскрикивает). Ах! (Хватается за грудь.) Ай, ай, ай! Вот оно!

Мурзавецкая. Что случилось?

Мурзавецкий (хватаясь за грудь). Насквозь, ма тант, от сердца да под лопатку.

Мурзавецкая. Пройдет, ничего.

Мурзавецкий (вскрикивает громче). Ой!.. Ох, ох! Точно кинжалом.

Мурзавецкая. Ну, ступай! Я прикажу, только уж в последний раз, слышишь?

Мурзавецкий. Уж не знаю, дойду ли до комнаты. Долго ль, в самом деле, умереть!
Мне жизнь копейка, да ведь без покаяния, ма тант... (Уходит.)

Мурзавецкая звонит, входит Павлин.

Явление восьмое
Мурзавецкая, Павлин.

Мурзавецкая. Смотреть за Аполлоном Викторычем, чтоб ни шагу из дому! Вели людям сидеть в передней безвыходно! Тебе я приказываю, с тебя и спрошу.

Павлин. Осмелюсь доложить, сударыня, они в окно даже иногда...

Мурзавецкая. Убери все платье! Вели взять, будто почистить, да и не давай! В халате не уйдет.

Павлин. Осмелюсь доложить, сударыня, они и в халате, ежели к вечеру...

Мурзавецкая. Где он деньги берет?

Павлин. Заимствуются-с.

Мурзавецкая. У кого?

Павлин. У разных господ-с, которые знакомые, вот у господина Лыняева и у прочих. Осмелюсь вам доложить, сударыня, ни одного гостя не пропускают, чтоб не попросить.

Мурзавецкая. Нет, уж терпенья моего не хватает!.. Женю я его... Уж суди меня Бог, а я его женю.

Павлин. Чего бы лучше-с!

Мурзавецкая. Что это за народ был у крыльца и здесь?

Павлин. За получением-с; давно ждут, сударыня-с.

Мурзавецкая. Ну, пусть еще подождут.

Павлин. Одолеют, сударыня, беспокойство для вас.

Мурзавецкая. А что мне беспокоиться-то? У меня нужды не бывает, – мне на нужду посылается, сколько нужно. Что ты смотришь? Да, сколько нужно, столько и пошлетя: понадобится мне тысяча, будет тысяча, понадобится пятьдесят тысяч, будет и пятьдесят. А сказывал ли ты им, что кому я должна, я тех помню, я за тех молюсь; а кому заплатила, тех из головы вон?

Павлин. Сказывал, да понимать не хотят, – деньги требуют-с. Необразование, а при всем том и закоренелость.

Мурзавецкая. А ведь бывали примеры, Павлин, что за мои молитвы-то счастье посылается, барыши большие... Ну, что ж, коли им деньги нужны, так заплатим.

Павлин. Срок бы им какой назначить-с.

Мурзавецкая. Зачем срок? Что мне себя связывать! Отдам, вот и все тут. Я еще не

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
знаю, сколько у меня денег и есть ли деньги, – да и копать-то в них за грех
считаю. Когда понадобятся... да не то что когда понадобятся, а когда захочу
отдать, так деньги найдутся, стоит только пошарить кругом себя. И найдется ровно
столько, сколько нужно. Вот какие со мной чудеса бывают. Да ты веришь аль нет?

Павлин. Как же я смею не верить-с?

Мурзавецкая. Так об чем и разговаривать? Беспокоиться о долгах я не желаю. Куда торопиться-то? Почему мы знаем, может быть, так и нужно, чтоб они ждали, – может быть, им через меня испытание посылается?

Павлин. Это действительно-с.

Мурзавецкая. Позови ко мне Чугунова.

Павлин (у двери). Вукол Наумыч, пожалуйста к барышне. (Мурзавецкой.) Идут-с. (Уходит в переднюю.)

Входит Чугунов.

Явление девятое
Мурзавецкая, Чугунов.

Чугунов. С праздником, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Здравствуй, Вукол Наумыч! Садись.

Чугунов. Ручку позвольте, благодетельница! (Целует руку и садится.) Прислать изволили?

Мурзавецкая. Посылала. Дело у меня важное, Вукол, дело большое; третью ночь я об нем думаю, да не знаю, как расположиться-то на тебя, поверить-то тебе боюсь.

Чугунов. Да разве у меня совесть подымется против благодетельницы...

Мурзавецкая. У тебя совести нет.

Чугунов. Нельзя совсем не быть, матушка-благодетельница. Все уж сколько-нибудь да есть.

Мурзавецкая (стучит костылем.) У тебя совести нет.

Чугунов. Ну, как вам угодно, как вам угодно, спорить не смею. Я только одно скажу: вы у меня после Бога...

Мурзавецкая. Лжешь.

Чугунов. И не знаю я за собой греха против вас.

Мурзавецкая. Потому что боишься меня, знаешь, что я могу тебя и с места теплого турнуть и из городу выгнать, – проказ-то немало за тобой; и придется тебе в волостные писаря проситься. Да ведь у меня недолго, я как раз.

Чугунов (встает и целует у ней руку). Нет уж, благодетельница, не лишайте ваших милостей!

Мурзавецкая. Садись!

Чугунов садится.

Дело вот какое: брат мой, Виктор Давыдыч, отец Аполлона, имел дела с Купавиным, с мужем Евлампии.

Чугунов. Деньги занимали у Купавина, а больше никаких дел не имели-с.

Мурзавецкая. Да, занимал, и Купавин ему давал. А вот перед смертью братец стал бумажный завод строить, и не хватило у него денег; Купавин обещал дать, да и не дал.

Чугунов. Так точно-с.

Мурзавецкая. А если б Купавин не отказал?

Чугунов. Тогда ваш братец выстроили бы завод. Отчего ж на чужие деньги не выстроить?

Мурзавецкая. Да, выстроил бы и, по его расчету, за уплатой всех долгов нажил бы пятьдесят тысяч. Значит, виноват Купавин, что Аполлон нищий остался. Ну, надо правду сказать, Вукол, братец покойник прихвастнуть любил, я всегда ему только вполвину верила; так вот я теперь, может, и себя обижаю, а считаю за Купавиной только двадцать пять тысяч, а не пятьдесят.

Чугунов. Считать можно-с.

Мурзавецкая. Да и говорю везде, по всему городу славлю, что Купавины должны Аполлону, что они ограбили у меня племянника.

Чугунов. И говорить можно-с.

Мурзавецкая. «Можно» да «можно»! А чего нельзя-то, по-твоему?

Чугунов. Нельзя этих денег получить-с. Никто не обязан займы деньги давать-с, на это есть добрая воля. Хоть Купавин и не дал займы вашему братцу, а все-таки по закону взыскать с него за это ничего нельзя, потому что строят-то на свои...

Мурзавецкая. Ах ты, ворона! Да разве я глупей тебя? Разве я не понимаю, что по законам, по тем, что у вас в книгах-то написаны, тут долга нет. Так у вас свои законы, а у меня свои; я вот знать ничего не хочу, кричу везде, что ограбили племянника.

Чугунов. Ваша воля, вам запретить никто не может.

Мурзавецкая. Так ведь не сдуру же я. Как ты думаешь, а? Сдуру я, или у меня есть в голове что-нибудь?

Чугунов. Стало быть, есть.

Мурзавецкая. На совесть я на людскую надеюсь, все еще в совести людской не изверилась... Думаю: Евлампия женщина добрая, деликатная, не потерпит, чтоб про нее такой разговор был.

Чугунов. Полагаете, заплатит?

Мурзавецкая. Нет, не полагаю. Велики деньги, где ж заплатить! А мы мировую сделаем.

Чугунов. Сколько ж вы по мировой получить надеетесь?

Мурзавецкая. Ничего не хочу я получать; а женим Аполлона на ней, вот и квит. Из того только я и бьюсь, из того и сыр-бор загорелся, и разговор об долге пошел.

Чугунов (с испугом встает). Матушка, матушка!

Мурзавецкая. Чего ты испугался?

Чугунов. Ведь уж тогда вы, благодетельница, все управление в свои ручки возьмете?

Мурзавецкая. Разумеется, возьму.

Чугунов. А я-то куда же, благодетельница?

Мурзавецкая. А куда хочешь. Вот, очень мне нужно! Будет с тебя, нагрел руки-то.

Чугунов. Нет, матушка-благодетельница, нет, разве малость самую. Мне вот к усадьбишке пустошь прикупить хочется, рядом продается, три тысячи просят.

Мурзавецкая. Не жирно ли, Вукол?

Чугунов. И ни за чем бы я больше не погнался, на всю жизнь кусок хлеба, и кляузы брошу.

Мурзавецкая. Коли дело делается, я тебе тысячу рублей дам, а остальные сам промышляй покуда, сколачивай как-нибудь, я тебе не судья. Только не больше; а две тысячи хоть и у Купавиной своруешь, так не бойся, ее не разоришь.

Чугунов. Только вы-то, благодетельница, не осудите, вы-то не осудите; а то никого мне не страшно, уж я себя не обижу.

Мурзавецкая. Ну, об тебе-то довольно толковать, ты меня-то послушай!

Чугунов. Слушаю, благодетельница.

Мурзавецкая. По-моему, всякая баба – дрянь, хоть ты ее золотом осыпь, все ей самой-то цена – грош. А Евлампия теперь с деньгами-то, пожалуй, очень высоко думает о себе: тот ей не пара, другой не жених.

Чугунов. Насчет этого я в их мысли проникнуть не могу-с.

Мурзавецкая. Я ведь девица старая, я мужчин разбирать не умею; может быть, Аполлон и в самом деле плохой жених; да, понимаешь ты, что я этого и знать не хочу; я своему родному добра желаю, а до нее мне и горя мало... так вот, если она заупрямится, надо нам с тобой, Вукол, придумать, чем пугнуть ее.

Чугунов. Будем придумывать, благодетельница.

Мурзавецкая. Ну, и думай! Как по-твоему, кому ты должен служить: мне или ей?

Чугунов. Никому, кроме вас, благодетельница.

Мурзавецкая. Вот и сослужи своей благодетельнице службу великую, избавь ее от заботы! Ведь иссушил меня племянничек-то.

Чугунов. Ничего-с, можно-с, не извольте беспокоиться. Я имею полную уверенность от Евлампии Николаевны, могу все дела вести и миром кончать.

Мурзавецкая. Ну, так что же?

Чугунов. Надо бы какой-нибудь счетец старый найти, или в книгах конторских нет ли каких расчетов, на чем вам претензию основать... да я поищу-с. Потом мы с Аполлоном Викторычем дело и кончим миром у мирового. Я какой вам угодно долг признаю, хоть во сто тысяч. Выдадут Аполлону Викторычу исполнительный лист, вот уж тогда дело будет крепко, таким документом пугнуть можно-с! Выходи замуж, а то, мол, разорю.

Мурзавецкая. Да, да, да... вот, вот, мне только того и нужно. Ну, да еще это дело впереди, может быть, и без того сладим. А заупрямится, так уж не взыщи... Что греха таить, я для своей родни криводушница.

Чугунов. А кто ж без греха-то? Кто похвалится, благодетельница?

Мурзавецкая. У Евлампии наличные деньги есть?

Чугунов. Как не быть, есть.

Мурзавецкая. Что ж она, забыла, что ли? Я ей не раз напоминала. Муж ее обещал дать мне тысячу рублей на бедных... да уж не помню, на словах он говорил или письмо было от него. «В завещании, говорит, я этих денег не помещаю, все равно, когда умру, вам жена моя заплатит». Кажется, было письмо. Ты смотрел в моих бумагах?

Чугунов. Раз пять пересматривал, на дом брал-с.

Мурзавецкая. Нет?

Чугунов. Нет-с.

Мурзавецкая. Жаль. Не верить мне она не смеет, а все-таки, пожалуй, поморщится.

Чугунов. Так что же-с, можно-с...

Мурзавецкая. Что «можно»?

Чугунов. Да письмо найти, коли оно нужно-с.

Мурзавецкая. Ведь уж ты искал?

Чугунов. Искал, да не там, где надобно; сдуру-то только время потерял даром. (Вынимает из кармана письмо и подает Мурзавецкой.) Вот извольте, матушка-благодетельница, нашлось.

Мурзавецкая (прочитав про себя письмо). Его рука, его. Что такое? Уж не колдовство ли?

Чугунов. Как можно, благодетельница... грех этакий! возьму ли я на свою душу?..

Мурзавецкая. А не колдовство, так не много лучше, – это подлог; за это Сибирь. (Отдает письмо Чугунову.)

Чугунов. Что это вы какие слова говорите! Зачем, благодетельница, такие слова говорить! Ну, что за подлог? Умное дело – вот как это называется. Такая воля была господина Купавина; а не все ли равно, что на словах, что на письме он ее выразил. А если без письма-то Евлампия Николаевна не поверит да денег не даст, так не больше ли тогда греха-то будет? И воля покойного не будет исполнена, и бедным на помин его доброй души ничего не достанется.

Мурзавецкая. А если я тебя обманула, если он не обещал мне?

Чугунов (хочет разорвать письмо). Так ведь вот... долго ли?

Мурзавецкая. Что ты, что ты! Постой! Подай сюда. (Берет письмо.)

Чугунов. Жаль, что мало, Меропа Давыдовна, – вот что надо сказать.

Мурзавецкая. Чего мало?

Чугунов. Да денег-то. Уж заодно бы...

Мурзавецкая. Да что ты, пропащий! Ведь только обещано.

Чугунов. То-то я и говорю; жаль, что мало обещано, а уж писать-то бы все одно.

Мурзавецкая. Разбойник ты начисто, Вукол, как погляжу я на тебя. Вот я бедным помогаю, так для них можно и душой покривить, грех небольшой; а ты, поди, и для своей корысти от такого баловства непрочь. (Прячет письмо в карман и грозит Чугунову.) Эй, Вукол, совесть-то, совесть-то не забывай, пуще всего! Ведь это дело уголовное.

Чугунов. Уголовное, благодетельница, уголовное.

Мурзавецкая. Сам, что ли?

Чугунов. Где уж самому! Руки трясутся... Племянник.

Мурзавецкая. Горецкий?

Чугунов. Он, благодетельница. Думали, ничего из парня не выдет, не учился нигде и грамоте едва знает, отдали частному землемеру в помощники, так все одно, что бросили... И вдруг какое дарование открылось! Что хотите дайте, точка в точку сделает.

Мурзавецкая. Введет он тебя в беду с этим дарованием-то.

Чугунов. Побаиваюсь, благодетельница... А прогнать жаль, неровен час и понадобится; не себе, так добрым людям услужить. (Взглянув в окно.) Кто-то подъехал к вам. Уж вы меня отпустите! (Целует руку Мурзавецкой.)

Мурзавецкая. Прощай, Вукол, спасибо.

Чугунов. Коли опять что понадобится, только, благодетельница, мигните, я всей душой. (Уходит.)

Входит Павлин.

Павлин. Господин Лыняев с Анфусой Тихоновной подъехали.

Мурзавецкая. Проси!

Павлин уходит. Входят Лыняев и Анфуса.

Явление десятое

Мурзавецкая, Лыняев, Анфуса и Павлин у двери.

Лыняев. Ух! Здравствуйте!

Мурзавецкая (поцеловавшись с Анфусой). Здравствуй, телепень! Садитесь, гости будете. Где ты эту красавицу-то поддел?

Лыняев. У гостиного двора Евлампия Николаевна навязала; она к вам заедет за ней.

Мурзавецкая (Анфусе). Тебе, сирота, чайку?

Анфуса. Да, уж бы, чайку бы уж...

Мурзавецкая (Павлину). Поддай чаю Анфусе Тихоновне.

Павлин уходит.

(Лыняеву.) А кабы не поручение, ты бы и не заехал ко мне, пожалуй?

Лыняев. Не заехал бы сегодня, дел ведь у нас с вами никаких нет.

Мурзавецкая. Да не все по делу; а так, навестить старуху, побеседовать?

Лыняев. Ведь у нас одна беседа: ближних судить. А мне некогда сегодня критикой заниматься, домой нужно.

Мурзавецкая. Ну, да как же! Деловой человек, важные занятия! А приедешь домой, на диван ляжешь, я ведь знаю. Все диваны пролежал, поминутно пружины поправляют.

Лыняев. Положение-то горизонтальное больно заманчиво.

Павлин приносит на подносе чайник, чашку и сахарницу. Анфуса наливает и пьет вприкуску.

Мурзавецкая (Анфусе). Вот тебе и работа, и пей сиди! (Лыняеву.) На что это похоже, как ты разбух!

Лыняев. Сердце у меня доброе, и совесть чиста, вот и толстею. Да теперь похудею скоро, забота есть.

Мурзавецкая. Вот редкость-то! Что за забота?

Лыняев. Волка хочется поймать, травленого. На след никак не попаду.

Мурзавецкая. Ах, ты, судья праведный! Ну, дай Бог нашему теляти да волка поймати!

Лыняев. Завелся в нашем округе какой-то сутяга, что ни съезд, то две-три кляузы, и самые злостные. Да и подлоги стали оказываться. Вот бы поймать да в окружной!

Мурзавецкая. Ах, какой храбрый! А ты вот что скажи: отчего ты людям-то не кажешься, ни у кого не бываешь?

Лыняев. Боюсь.

Мурзавецкая. Что ты, маленький, что ли?

Лыняев. Кабы маленький, так бы не боялся: маленькому-то не страшно.

Мурзавецкая. Да чего, скажи на милость?

Лыняев. Женят.

Мурзавецкая. Вот страсть какая! Бобылем-то разве лучше жить?

Лыняев. Кому не страшно, а я боюсь до смерти, и уж где есть девицы, я в тот дом ни ногой.

Мурзавецкая. Как же ты ко мне-то едешь? Мы обе девицы: и я, и Глафира.

Лыняев. Ведь у вас монастырь: кротость, смирение, тишина.

Мурзавецкая. Ну, и нам тоже пальца-то в рот не клади! Так вот отчего ты людей-то боишься.

Лыняев. Да разве кругом нас люди живут?

Мурзавецкая. Батюшки! Да кто же, по-твоему?

Лыняев. Волки да овцы. Волки кушают овец, а овцы смиренно позволяют себя кушать.

Мурзавецкая. И барышни тоже волки?

Лыняев. Самые опасные. Смотрит лисичкой, все движения так мягки, глазки томные, а чуть зазевался немножко, так в горло и влечется. (Встает и берет шляпу.)

Мурзавецкая. Тебе всё волки мерещатся, – пуганая ворона куста боится. А меня ты куда ж? Да нет, уж лучше в волки запиши; я хоть и женщина, а овцой с тобой в одном стаде быть не хочу.

Лыняев. Честь имею кланяться! До свиданья, Анфуса Тихоновна. (Уходит.)

Мурзавецкая. Ну, вот приехал, а что умного сказал? Часто он у вас бывает?

Анфуса. Не то чтоб, а так уж... по соседству... известно уж...

Мурзавецкая. Любезничает с Евлампией-то?

Анфуса. Да уж... Где уж... куда уж...

Мурзавецкая. Что ж он у вас делает?

Анфуса. Да уж все... (Махнув рукой, зевает.) Вот тоже.

Мурзавецкая. Он зевает, а ты, пожалуй, и вовсе спишь. Плохой ты сторож, надо тебе хорошего помощника дать.

Павлин (растворяя двери). Евлампия Николаевна.

Входит Купавина.

Явление одиннадцатое
Мурзавецкая, Анфуса, Купавина.

Мурзавецкая. Здравствуйте, богатая барыня! Благодарю, что удостоили своим посещением!

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Купавина. Я не редко бываю у вас, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая (сажает Купавину на свое кресло). Сюда, сюда, на почетное место!

Купавина. Благодарю вас. (Садится.)

Мурзавецкая. Как поживаете?

Купавина. Скучаю, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Замуж хочется?

Купавина. Куда мне торопиться-то? Мне уж надоело под чужой опекой жить, хочется попробовать пожить на своей воле.

Мурзавецкая. Да, да, да! Вот что? Только ведь трудно уберечься-то, коли женихи-кавалеры постоянно кругом увиваются.

Купавина. Какие женихи? Какие кавалеры? Я ни одного еще не видала.

Мурзавецкая. Полно, матушка! Что ты мне глаза-то отводишь? Я старый воробей, меня на мякине не обманешь!

Купавина. Так вы, значит, больше моего знаете.

Мурзавецкая. А Лыняев-то, Лыняев-то при чем у тебя?

Купавина. Не угадали! Ошиблись, Меропа Давыдовна. Что мне за неволя идти за Лыняева? Во-первых, он уж очень немолод, а во-вторых, совсем не такой мужчина, чтоб мог нравиться.

Мурзавецкая. Стар, стар для тебя. Хоть и выдешь за него, а что проку-то! Ни вдова, ни замужняя. Уж что Лыняев за муж? Распетушье какое-то.

Анфуса. А что же... уж... как же это, уж?..

Мурзавецкая. Ну вот, объяснять еще тебе? Я ведь девица, барышня. Вот свяжись с бабами разговаривать, не согреша, согрешешь.

Купавина. Нет, я хочу подождать.

Мурзавецкая. А я говорю: выходи!

Купавина. Вы советуете?

Мурзавецкая. Выходи, выходи!

Купавина. За кого?

Мурзавецкая. А за кого, об этом подумаем, на то Бог ум дал.

Анфуса. Да, да... уж...

Мурзавецкая. Что ты дакаешь-то? Дал Бог ум, да не всякому; тебя обидел, не дал, – не взыщи.

Анфуса (махнув рукой). Ну, ну, уж вы... сами; а я... что уж!..

Мурзавецкая. Ты за старика Купавина-то шла, уж не скажешь, что по любви, а за богатство за его, за деньги.

Купавина. Да ведь вы...

Мурзавецкая. Да что: «вы»! Уж ау, матушка! Продала себя. А это нехорошо, грех.

Купавина. Да ведь вы сами сосватали, а я разве понимала тогда?

Мурзавецкая. Да ты не ершись, я тебе не в укор говорю, я об душе твоей забочусь.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Тебе теперь что нужно для очистки совести? Полюбить нужно небогатого, выйти за него замуж, да и наградить богатством–то своим любимого человека, – вот ты с грехом и расквитаешься.

Купавина. Легко сказать: полюбить.

Мурзавецкая. В твои года долго ли полюбить, только не будь разборчива. Ты молода, так ищи молодого: тебе хочется на своей воле жить, самой большой быть, – так найди бедного, он по твоей дудочке будет плясать; у тебя ума–то тоже не очень чтоб через край, так выбирай попроще, чтоб он над тобой не возносился. Так, что ли, я говорю?

Купавина. Я с вами согласна, да где ж найдешь такого?

Мурзавецкая. Найдем, свет–то не клином сошелся. Я найду, я найду. Только уж ты, коли добра себе желаешь, сама не мудри, а на меня расположись. Ты меня слушай, благо мне забота об тебе припала. Не обо всякой ведь я тоже хлопотать–то буду, а кого люблю.

Купавина. Благодарю вас.

Мурзавецкая. Ох, милые вы мои, пользуйтесь моей добротой, пока я жива; умри я, так вот что надо сказать, матери родной лишитесь.

Анфуса (утирая слезы). Уж что уж... уж...

Мурзавецкая (Анфусе). Полно ты плакать–то, погоди, я еще жить хочу. (Купавиной.) А вот что, красавица ты моя, о себе–то ты помнишь, а мужа–то поминаешь ли как следует?

Купавина. Поминаю.

Мурзавецкая. То–то, поминаешь! А надо, чтоб и другие поминали; бедных–то не забывай, их–то молитвы доходчивее.

Купавина. Да я помню.. вы говорили мне.. я привезла.

Мурзавецкая. Что это ты, словно сквозь зубы цедишь? Этак мне, пожалуй, и не надобно. Разве так добро–то делают? Не свои я тебе слова–то говорила.

Купавина. Да я вам верю.

Мурзавецкая. Видно, плохо веришь. Аль думаешь, что я у тебя выханжить хочу? Так на вот, посмотри! (Вынимает из кармана письмо.)

Купавина. Да не нужно, уверяю вас.

Мурзавецкая. Нет, матушка, чужая душа потемки. (Подает ей письмо.) Чего боишься–то, возьми.

Купавина берет письмо.

Кто это писал?

Купавина. Муж мой.

Мурзавецкая. А что писано?

Купавина. То самое, о чем вы говорили!

Мурзавецкая. Ну, так вот, ты и верь мне!

Купавина. Да я никогда и не сомневалась. (Открывает сумку, кладет туда письмо и вынимает деньги.) Вот извольте!

Мурзавецкая. Что это ты мне даешь?

Купавина. Деньги.

Мурзавецкая. Да я и браться-то за них не люблю; как-то гадко мне в руках-то держать эту мерзость.

Купавина. Считите по крайней мере.

Мурзавецкая. Вот, нужно очень! Не мне эти деньги, нечего мне об них и руки марать! Коли не хватит, так не меня ты обманула, а сирот; лишние найдутся, так лишний человек за твоего мужа помолится. Ты еще, пожалуй, расписку попросишь, – так не дам, матушка; не бойся, других не потребую.

Купавина. Куда ж мне их деть?

Мурзавецкая. А положи на столик, в книгу.

Купавина (положив в книгу деньги). Тетя, не пора ли нам?

Анфуса. Да я... что ж я... я вот...

Купавина (Мурзавецкой). У вашего племянника есть какая-то претензия на моего мужа, я слышала?

Мурзавецкая. А ты беспокоишься? Напрасно. Тебе какое дело, что твой муж его ограбил? Нищий, так нищий, ну, и проси милостыню да с горя по кабакам шлейся! Вот как живи, так богата будешь. Аль ты не такая? Ну, хорошо, я сама к тебе заеду, потолкуем об этом; скоро, скоро заеду.

Купавина. Так до свидания, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Прощайте, дорогие гости! (Смотрит на Купавину.) Добрая у тебя душа, Евлампеюшка! Дай тебе Бог счастья (шепотом), мужа хорошего! Ведь вот я как тебя люблю, словно ты мне дочь. (Анфусе.) Ишь ты, кутаешься, точно в Киев.

Купавина (в дверях). Прощайте!

Мурзавецкая (в дверях). Велите кучеру поосторожней ехать!

Анфуса. Уж мы, уж... я уж...

Купавина и Анфуса уходят. Мурзавецкая вынимает деньги из книги и считает: часть кладет в книгу, а остальные себе в карман. Садится в кресло и звонит. Входят Павлин и Глафира.

Явление двенадцатое
Мурзавецкая, Глафира, Павлин.

Павлин. Что прикажете, сударыня?

Глафира стоит подле Мурзавецкой, опустя глаза в землю.

Мурзавецкая (Павлину). Слушай хорошенько! Я передумала, надо расплатиться со всеми. Люди не ангелы, что их искушать-то. Посмотри в книге, нет ли денег.

Павлин (раскрыв книгу). Есть, сударыня.

Мурзавецкая. Возьми!

Павлин берет деньги.

Много ли мы должны?

Павлин. Без малого пятьсот рублей-с.

Мурзавецкая. А у тебя сколько?

Павлин (сосчитав). Так точно-с.

Мурзавецкая. Раздай всем. Ступай!

Павлин. Слушаю-с. В газетах надо этакие-то оказии печатать. (Уходит.)

Мурзавецкая. Глафира, я хочу дать тебе послушание.

Глафира. Приказывайте, матушка.

Мурзавецкая. Я тебя свезу сегодня к Купавиной; подружись с ней, да в душу-то к ней влезь; она женщина не хитрая; а тебя учить нечего.

Глафира. Слушаю, матушка.

Мурзавецкая. Да коли увидишь, что Мишка Лыняев обходит ее, так не давай им любезничать-то, а постарайся разбить, очерни его перед ней, – а Аполлона хвали!

Глафира. О, с удовольствием, матушка, с удовольствием.

Мурзавецкая. Да и сама-то на Лыняева глаз не закидывай! У меня для него готова невеста.

Глафира. Мои мечты другие, матушка; моя мечта – келья.

Мурзавецкая. Этот кус не по тебе.

Глафира. Я о земном не думаю.

Мурзавецкая (подняв глаза к небу). Ах, окаянная я, окаянная! (Глафире.) Глафира, я окаянная. Что ты на меня смотришь? Да, вот, я окаянная, а ты как думала? Кажется, и не замолить мне, что нынче нагрешила. Бабу малоразумную обманула, – все равно, что малого ребенка. И обедать не буду, буду поклоны класть. И ты не обедай, постись со мной! Сейчас, сейчас в образную! И ты, и ты... (Встает.)

Глафира берет ее под правую руку.

Веди меня! (Идет, как бы совсем обессилев.) Согрешила я, окаянная, согрешила.

действие второе
ЛИЦА:

Купавина.

Анфуса.

Чугунов.

Лыняев.

Мурзавецкая.

Мурзавецкий.

Глафира.

Изящно меблированная комната в усадьбе Купавиной. Дамский письменный стол со всем прибором; в глубине растворенная дверь в залу; две двери по сторонам.

Явление первое

Купавина выходит из боковой двери с правой стороны, потом Чугунов.

Купавина (садясь у стола). Кто там в зале?

Чугунов (из залы). Мы, Евлампия Николаевна, мы с Анфусой Тихоновной, в дурачки играем, стариковское наше дело.

Купавина. Подите сюда, Вукол наумыч!

Чугунов входит.

Садитесь!

Чугунов. Благодарю покорно. Сяду, сяду-с. (Садится.)

Купавина. Какие дела были у моего мужа с племянником Мурзавецкой?

Чугунов. С отцом его были расчеты какие-то.

Купавина. Меропа Давыдовна везде кричит, что мы ее племянника ограбили.

Чугунов. Строгая они дама-с, Меропа Давыдовна-с.

Купавина. Что же им нужно от меня?

Чугунов. Да вам зачем беспокоиться, головку утруждать! Я-то при чем у вас? Даром, что ль, я жалованье-то получаю?

Купавина. Для меня этот разговор очень неприятен. Кончите с ними как-нибудь поскорее!

Чугунов. Миром прикажете?

Купавина. Я ведь не понимаю; а, конечно, миром лучше всего.

Чугунов. Слушаю-с. А как насчет денег, если понадобятся?

Купавина. У меня денег наличных немного.

Чугунов. Вот это жалко-с. Такая вы знаменитая у нас барыня, и как вы себя стесняете в деньгах, даже удивительно.

Купавина. Да где ж я их возьму?

Чугунов. Помилуйте! Да прикажите мне, сколько вам угодно, столько у вас и будет.

Купавина. Так найдите мне денег, Вукол Наумыч!

Чугунов. Да я и искать не стану, только одно ваше имечко золотое нужно. Имечко вам подписать, только и труда, вот и деньги.

Купавина. Что подписать? Я вас не понимаю.

Чугунов. А вот я вам сейчас на деле объясню-с. Извольте перышко взять. Вот и бумажка кстати нашлась. (Вынимает из кармана вексельную бумагу.)

Купавина. Какая странная бумага!

Чугунов. Да-с, чудных таких понаделали. Извольте писать тут внизу: «Вдова полковника, Евлампия Николаевна Купавина».

Купавина пишет.

Только и всего-с, вот и деньги. (Засыпает песком.) Случится кому платить, тогда напишем вот тут на бумажке пятьсот рублей или тысячу, и готово.

Купавина. Понимаю теперь.

Чугунов несколько раз робко берется за вексель, но при взгляде Купавиной отдергивает руку.

Что вы делаете?

Чугунов. Да не затерялся бы как.

Купавина. Так уберите.

Чугунов. Куда прикажете?

Купавина. Да куда хотите. Возьмите к себе в портфель!

Чугунов. Как вы изволили сказать-с? Мне к себе взять?

Купавина. Ну да. Что же вы сомневаетесь?

Чугунов. Я-то не сомневаюсь, да как же вы-то-с? А коли ваше такое расположение, так покорнейше вас благодарю. (Берет вексель.)

Купавина. За что вы меня благодарите?

Чугунов. Да как же, такая награда-с.

Купавина. Какая награда?

Чугунов. А доверие чего стоит-с? Кто ж это сделает у нас в губернии? Да ни один человек. Чугунову в руки бланк! Конечно, все мы люди, Евлампия Николаевна, все человеки, бедность, семья... а уж и ославили: «Вуколка плут, Вуколке гроша поверить нельзя». А вы вот что! На-ка!

Купавина. Хорошо, хорошо! Только, пожалуйста, разочтитесь поскорей с Мурзавецкими.

Чугунов. Что Мурзавецкие! Мизинца они вашего не стоят. А то плут! Ну, плут! а ведь тоже чувство. (Ударяет себя в грудь.) Вот они, слезы-то. Они даром не польются. (Целует руку у Купавиной.) Ну, как я теперь против вас какую-нибудь такую... большую подлость сделаю! Это мне будет очень трудно и очень даже совестно!

Купавина. Постойте-ка! Кажется, кто-то есть в зале.

Чугунов. Гости, должно быть-с. Я в конторе буду-с. (Уходит налево.)

Купавина (подойдя к двери в залу). Тетя, с кем вы там разговариваете?

Входит Лыняев.

Явление второе
Купавина, Лыняев.

Купавина. А, это вы, Михайло Борисыч!

Лыняев. Здравствуйте! Давно вы из городу?

Купавина. Только приехали.

Лыняев. А я вас на почте прождал. Что бы Вам потрудиться заглянуть туда! А то заставляете две версты крюку делать, заезжать к вам.

Купавина. Извините! Я не ждала ни от кого писем.

Лыняев. А не мешало бы полюбопытствовать.

Купавина. Разве есть?

Лыняев. От друга, от Василья Иваныча Беркутова два письма; одно ко мне, другое к вам. (Отдает Купавиной письмо.)

Купавина (положив письмо на стол). Вы уж, вероятно, свое прочитали? Что же он пишет?

Лыняев. Да вы свое-то не откладывайте, прочтите, не церемоньтесь!

Купавина. Успею, успею. К чему торопиться, Михайло Борисыч!

Лыняев. Прочитайте, прочитайте! Приятную новость узнаете.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Купавина. Будто?

Лыняев. Он сегодня или завтра приедет, в усадьбу. Вот радость-то!

Купавина. Для кого?

Лыняев. Для меня, да и для всех, я думаю. Разве вы-то?..

Купавина. Да уж не так, как вы. Вы меня простите, Михайло Борисыч, если я не побегу встречать его за пять верст.

Лыняев. Бедный друг мой! Чует ли его сердце, какое равнодушие ожидает его здесь!

Купавина. Что ж делать-то, где ж мне взять много-то радости? Сколько есть.

Лыняев. Зачем вы в город ездили?

Купавина. Тысячу рублей денег свезла.

Лыняев. Кому?

Купавина. Меропе Давыдовне.

Лыняев. Да полноте! Зачем, с какой стати?

Купавина. На бедных, по приказанию покойного мужа.

Лыняев. Да никакого приказания не было, никогда он и не думал приказывать. Он терпеть не мог Мурзавецкую и называл ее ханжой. Как вас обманывают-то, ай, ай!

Купавина. Вот вы всегда так несправедливы к Меропе Давыдовне. Когда вы перестанете обижать ее, эту почтенную женщину? Вот посмотрите! (Подает ему письмо, которое взяла у Мурзавецкой.)

Лыняев (рассматривая письмо). Ну, что хотите со мной делайте, а это подлог!

Купавина. Что вы, что вы, Михайло Борисыч! Возможное ли это дело?

Лыняев (с жаром). Кто у нее эти штуки работает?

Купавина. Да перестаньте! Мне дико слушать.

Лыняев. Позвольте мне взять это письмо ненадолго.

Купавина. Возьмите, только, пожалуйста, не делайте скандала и не ссорьте меня с Меропой Давыдовной; у меня с ней есть серьезное дело.

Лыняев. Никакого дела, уверяю вас. Я все ваши дела знаю.

Купавина. Не у меня, а у моего мужа были какие-то счета с Мурзавецким, с братом ее.

Лыняев (с жаром). Да никаких счетов и не бывало; это опять какая-нибудь подьяческая кляуза.

Купавина. Да успокойтесь, это до вас не касается. Я поручила Вуколу Наумычу покончить это дело миром; я уж и подписала.

Лыняев. Ах, Боже мой! Не подписывайте вы ничего, не посоветовавшись со мной! Что вы подписали?

Купавина. Не бойтесь! Что я подписала, там ничего не было.

Лыняев. Да почему вы знаете, что ничего не было?

Купавина. Вот мило! У меня глаза есть.

Лыняев. Да что вы с вашими глазами разберете! Тут надо быть юристом.

Купавина. Ах, это смешно наконец. Зачем юристом, когда ничего нет.

Лыняев. Как «ничего»?

Купавина. Так, ничего, чистая бумага.

Лыняев. Час от часу не легче! Да вы подписали бланк.

Купавина. Какой бланк?

Лыняев. Вексель. Там, где ничего-то нет, могут написать что угодно и взыскать с вас пятьдесят, сто тысяч.

Купавина. Какие страсти! Как вы дурно думаете о людях! Да Чугунов со слезами благодарил меня за доверие. Он плакал, говорю я вам.

Лыняев. И крокодилы плачут, а все-таки по целому теленку глотают.

Купавина. Так с меня непременно взыщут сто тысяч?

Лыняев. Хоть не сто тысяч, а что-нибудь взыщут непременно.

Купавина. Да почему вы знаете?

Лыняев. На это я вам отвечу русской сказкой: «Влез цыган на дерево и рубит сук, на котором сидит. Идет мимо русский и говорит: „Цыган, ты упадешь!“ – „А почему ты знаешь, – спрашивает цыган, – разве ты пророк?“»

Купавина. Это глупо, глупо, Михайло Борисыч. Кто ж станет рубить тот сучок, на котором сидит?

Лыняев. Нет, очень умно. Я на каждом шагу вижу людей, которые точно то же делают, что этот цыган. И уж сколько раз мне приходилось быть таким пророком.

Купавина. Я понимаю, куда клонится этот разговор, – вам хочется попасть на свою любимую тему – что женщины ничего не знают, ничего не умеют, что они без опеки жить не могут. Ну, так я вам докажу, что я сумею вести свои дела и без посторонней помощи.

Лыняев. Дай вам Бог! А еще лучше, если б вы раскаялись в своем заблуждении как можно скорее, пока еще не успели погубить своего состояния.

Купавина. Оставайтесь обедать!

Лыняев. Пожалуй, я только отдохну немного в беседке. Позволите?

Купавина. Ступайте, еще обед не скоро.

Анфуса (из залы). Гости... уж тут... они.

Купавина. Кто, Мурзавецкая?

Анфуса (из залы). Да, уж...

Лыняев. Нет, извините! По два раза в день ее видеть для меня слишком много. Я пойду в сад, она меня и не заметит. Можно тут пройти? (Указывает в дверь налево.)

Купавина. Сделайте одолжение! До свиданья! (Идет в залу.)

Лыняев уходит в дверь налево. Из залы входят Купавина, Мурзавецкая, Мурзавецкий, Глафира и Анфуса.

Явление третье

Купавина, Мурзавецкая, Мурзавецкий, Глафира, Анфуса.

Мурзавецкая. Ну, вот я к тебе со всем двором опричь хором.

Купавина. Милости просим!

Мурзавецкая. Да уж рада ль ты, не рада ли, делать нечего, принимать надо. Вот (указывая на племянника) пристал.

Мурзавецкий. Ах, ма тант, лесé! [17]

Мурзавецкая. Замолчи, пожалуйста! Разве я что дурное говорю? Ты всегда к ней можешь приехать, и принять тебя она должна с честью; ты не баклуши бить, не лясы точить; ты за своим делом, кровным. Вот пусть-ка она послушает.

Купавина. Я с удовольствием.

Мурзавецкая. Ну уж, какое удовольствие! Это дело, матушка, к Богу вопиет; вот что я тебе скажу.

Купавина. Так объясните мне, в чем оно.

Мурзавецкая. Не мое, так мне и объяснять нечего. Он обижен, он тебе и расскажет. Поговорите, так, Бог даст, и сладите. Коли умна, так догадаешься, не дашь себя разорить; а заупрямишься, так не взыщи, своя рубашка к телу ближе.

Купавина. Чем потчевать прикажете?

Мурзавецкая. Что за потчеванье! Я ведь от тебя к празднику в гости еду. У вас тут храмовой праздник неподалеку, а ты, чай, и не знаешь?

Купавина. Как не знать! На моем лугу гулянье бывает. А от чаю все-таки не откажетесь?

Мурзавецкая. Да, пожалуй.

Купавина. Тетя!

Анфуса. Уж я... уж давно... уж, гляди, готов...

Мурзавецкая. А вот эту девицу, извини, – я к тебе погостить привезла.

Купавина. Очень вам благодарна.

Мурзавецкая. Думала, скучно одной-то, с Анфусой-то не много разговоришься, вот, мол, ей птицу-перепелицу, все-таки зубки почесать есть с кем.

Купавина. Извините меня! Я на одну минуту, я только покажу Глафире Алексеевне ее комнату. (Глафире.) Пойдемте.

Купавина и Глафира уходят в дверь направо.

Явление четвертое

Мурзавецкая, Мурзавецкий, Анфуса, потом Купавина.

Мурзавецкая. Хороша усадьба-то?

Мурзавецкий. Маньифик.

Мурзавецкая. Покоряй вдове сердце, твоя будет. Только не ударь себя в грязь лицом!

Мурзавецкий. Что вы, ма тант? Я-то?

Мурзавецкая. Да, ты-то. Разговариваешь ты смело; а верится тебе что-то плохо.

Мурзавецкий. Десять слов.

Мурзавецкая. Что: «десять слов»?

Мурзавецкий. Я больше с женщинами никогда не говорю. Десять слов, и довольно,

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
готово, вот по сих пор. (Показывает на уши.)

Мурзавецкая. Ну, хоть и не десять, только бы...

Мурзавецкий. Нет, больше десяти, ма тант, нельзя: опасно, черт возьми!

Мурзавецкая. Уж и опасно?

Мурзавецкий. Пароль донёр! В реки бросаются, что за приятность!

Мурзавецкая. А вот посмотрим.

Входит Купавина.

Купавина. Тетя, разлейте чай!

Анфуса. Я вот... я... (Хочет идти.)

Мурзавецкая. Пойдем, и я с тобой. Терпеть не могу из лакейских рук; то ли дело усесться подле самоварчика. (Уходит с Анфусой в дверь налево.)

Явление пятое

Мурзавецкий, Купавина.

Купавина. А вы чаю не хотите?

Мурзавецкий. Муа? Чаю? Ни за какие пряники! Жаме де ма ви! [18] Бабье занятие.

Купавина. Ну, как угодно. Вы желали со мной о вашем деле поговорить.

Мурзавецкий. Желал-с, страстно желал.

Купавина. Так обратитесь к Вуколу Наумичу, я ему поручила это дело.

Мурзавецкий. Что такое Вукол Наумич? Компрене ву [19] подьячий; а вы, вы! Это... нет, как хотите, это разница.

Купавина. Но я с вами говорить не могу, я ничего не понимаю в этом деле.

Мурзавецкий. Да что дело! Что такое дело? Счеты – расчеты. Ключки – коклюшки! Что значит это дело в сравнении с вечностью и, чуть было не сказал, с соленым огурцом! Пардон! Я сказал глупость. Подлейшая привычка говорить остроты! Но это в сторону.

Купавина. Что же вам угодно, я вас не понимаю.

Мурзавецкий. Души низкие ищут денег, души возвышенные ищут блаженства, как сказал один полковой писарь.

Купавина. Но какого же блаженства вы ищете?

Мурзавецкий. Я? О! Слов нет! Чтоб описать это блаженство, таких слов нет.

Купавина. Так, значит, я и не узнаю? Жаль.

Мурзавецкий. Небесные очи, томные улыбки, там разные фигли-мигли, нежности-белоснежности и прочее, и прочее, – все это вздор! Позвольте с вами говорить откровенно!

Купавина. Сделайте одолжение!

Мурзавецкий. Вы не увидите меня на коленях пред собой. Нет, уж это атандé [20]. я горд.

Купавина. Ах, очень рада.

Мурзавецкий. Но полюбить меня вы должны.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Купавина. Скажите пожалуйста, я и не знала.

Мурзавецкий. Впрочем, это как вам угодно.

Купавина. Да, я думаю.

Мурзавецкий. Я горд, повторяю вам.

Купавина. Я слышала.

Мурзавецкий. Да... Но знаете, какое обстоятельство, черт возьми! По некоторым причинам... я бы вам сказал их, да вы не поймете, – я не служу-с, довольно! Старался, не оценили, ну и довольно. Родового не имею, благоприобретенного не приобрел...

Купавина. Если муж мой действительно был вам должен, вы получите...

Мурзавецкий. Ах, оставьте, лесé! Вы мне надоели. Миль пардон, мадам! Я совсем о другом. Извольте видеть, я чист... Ма тант – старая девка, она не понимает и не может понимать потребностей молодого, холостого офицера, и скупа, как...

Купавина. Я вам говорю, что вы получите.

Мурзавецкий. Вы опять за свое? Это скучно!.. Я иногда должен отказывать себе в самых необходимых удовольствиях. Ну, положим, табак... Мне даже стыдно признаться. Имажине-ву[21], дворянин – и без табаку!

Купавина. Что же вам угодно?

Мурзавецкий. Апрезан келькшоз.[22]

Купавина. Сколько же вам?

Мурзавецкий. Конечно, займы...

Купавина. Ну да, разумеется, но сколько?

Мурзавецкий. А это как вам угодно. Енпё, весьма немного... Однако, все ж таки, не двугривенный.

Купавина (вынимает из портмоне ассигнацию). Пять рублей довольно?

Мурзавецкий. Сетасе[23]. Мерси, гран мерси! Через два дня, пароль донёр!

Купавина. Уж извините! Я пойду к дамам! (Уходит.)

Мурзавецкий. Нет, ром... ну его! Вреден мне, с моим характером нельзя. Попробую-ка уж (щелкает пальцем себя по галстуку) крамбамбулевой заняться. Как бы только вырваться у ма тант?! (Прячет деньги в карман.)

Входит Мурзавецкая.

Явление шестое
Мурзавецкий и Мурзавецкая.

Мурзавецкая. Ты что это прячешь?

Мурзавецкий. Так, на память выпросил безделушку, сувенирчик маленький. Ма тант, знаете, что мне нужно? Мне нужна свобода.

Мурзавецкая. Неправда.

Мурзавецкий. Нужна, ма тант, нужна. Вот, например, сегодня вечером, если вы меня не отпустите...

Мурзавецкая. Куда это? На гулянье, с пьяными мужиками путаться?

Мурзавецкий. Кель иде[24]! Чего я там не видал?

Мурзавецкая. Так куда ж?

Мурзавецкий (потирая лоб). После, ма тант, после узнаете.

Мурзавецкая. Нет, говори сейчас!

Мурзавецкий (таинственно). Сюда.

Мурзавецкая. Зачем?

Мурзавецкий. За решительным ответом.

Мурзавецкая. Как за «решительным»? Разве ты сделал предложение?

Мурзавецкий. Десять слов. Я ведь, ма тант, без экивоков: так и так, говорю, вуле ву?[25] Она почти согласна, велела вечером приезжать за решительным ответом. Нельзя же не быть.

Мурзавецкая. А не лжешь ли ты?

Мурзавецкий. Же ву засюр. Только вы ей ни-ни! Она просила, чтоб это дело пока осталось антр ну дё.[26]

Мурзавецкая. А что, если правда? Да понимаешь ли ты, как это важно для нас?

Мурзавецкий (серьезно). Очень, ма тант, важно, очень.

Мурзавецкая. Право, мне что-то уж не верится; уж больно хорошо. А впрочем, лукавый-то чего не делает!

Мурзавецкий. Верно, ма тант, она моя.

Мурзавецкая. Поезжай, поезжай! Только ты скорей возвращайся от нее, я тебя буду ждать. Не усну ведь я ни за что, ты подумай!

Входят Купавина, Глафира, Анфуса.

Явление седьмое

Мурзавецкая, Мурзавецкий, Купавина, Глафира, Анфуса.

Мурзавецкая. Спасибо этому дому, поедem к другому! Прощайте, крали! Уж не знаю, скоро ли попаду к тебе.

Купавина. Я сама к вам заеду.

Мурзавецкий. Но я, ма тант, скоро буду у мадам Купавиной. Я обязан быть.

Мурзавецкая. Ну, и ладно. (Купавиной.) А ты его принимай хорошенько! Вот я и узнаю твое расположение ко мне: коли ласково его принимать будешь, значит, меня любишь; коли ты его обидишь, значит, меня хотела обидеть. Прощайте! Всего не переговоришь.

Уходят Мурзавецкая, Мурзавецкий, Купавина, Анфуса. Входит Глафира.

Явление восьмое

Глафира садится, вынимает из кармана маленькую книжку и погружается в чтение. Входит Купавина.

Купавина. Наконец-то я залучила вас к себе.

Глафира. Ах, это вы? (Опускает книгу.) Я давно собиралась к вам; сельская природа так располагает к благочестивым размышлениям.

Купавина. Надеюсь, что вы у меня погостите подольше.

Глафира. Очень благодарна; но боюсь, что вы со мной соскучитесь: я плохая собеседница, я люблю уединение.

Купавина. А я слышала, что вы в Петербурге жили весело.

Глафира. Ваша правда. Я тогда еще не понимала жизни; теперь я смотрю на вещи гораздо серьезнее, житейская суета не имеет для меня никакой цены.

Купавина. Когда же вы успели так изменить свой образ мыслей?

Глафира. Я молода еще, конечно; но под руководством такой женщины, которую почти можно назвать святой, я в короткое время успела сделать много для своей души.

Купавина. А вы кстати приехали.

Глафира. Почему же?

Купавина. Мне нужно посоветоваться, а не с кем было. Вы мне не откажете?

Глафира. Рада служить вам всем, чем могу. Откройте мне свою душу! Впрочем, не надо, я догадываюсь. Вы женщина светская, значит, легкомысленная, – вы влюблены?

Купавина. Вы почти угадали.

Глафира. Мне жаль вас.

Купавина. Отчего же?

Глафира. Оттого, что это грех.

Купавина. Небольшой, я думаю.

Глафира. Ну, это судя по человеку, которого вы любите. Богат он или беден?

Купавина. Богат.

Глафира. Так большой грех.

Купавина. Я его люблю не за богатство.

Глафира. Да он-то будет очень рад вашему богатству. А если б вы не навязывались с своей любовью к богатому человеку, может быть, он женился бы на бедной девушке и осчастливил ее. А то если и богатые женщины хватаются за богатых, так что ж нам-то, бедным девушкам, останется! Я ошиблась, сказавши: «нам», – мне ничего не нужно, я говорю вообще.

Купавина. Что же мне делать?

Глафира. Возьмите власть над собой, разлюбите его! И если уж вы без любви жить не можете, так полюбите бедного человека, греха будет меньше. Его разлюбить легко, стоит только взглянуть в него хорошенько.

Купавина. В кого? Разве вы его знаете?

Глафира. Конечно, знаю.

Купавина. Сомневаюсь.

Глафира. Вы плохо хитрите, ваш секрет известен всем: вы любите Лыньева.

Купавина. Вы ошибаетесь.

Глафира (живо). Ошибаюсь? Вы говорите, что я ошибаюсь?

Купавина. Да, уверяю вас.

Глафира. Так вы любите не его?

Купавина. Нет. С чего вам в голову пришло?

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Глафира. Говорите правду! Я вас умоляю, говорите правду!

Купавина. Да подумайте хорошенько! Ну, что мне в нем?

Глафира. Так извините меня, извините! Довольно играть комедию. Любите кого угодно и сколько вам угодно. Какую я гнусную роль играла перед вами! Ведь я приставлена к вам шпионом, и я взяла эту роль с удовольствием.

Купавина. Зачем же?

Глафира. Я думала, что вы моя соперница.

Купавина. Так вы сами любите Лыняева?

Глафира. Люблю? О нет, зачем же! Но я хочу выйти за него замуж, – это моя единственная надежда, единственная мечта.

Купавина. Но что же значит ваш костюм, ваше поведение, ваши проповеди?

Глафира. Мой костюм, поведение, проповеди – все это маска. Я буду с вами откровенна, только помогите мне.

Купавина. С удовольствием.

Глафира. Я действительно жила в Петербурге очень весело: моя сестра замужем за молодым человеком, очень ловким; он вдруг составил себе большое состояние. Нас окружали только люди богатые: адвокаты, банкиры, акционеры. Мы с сестрой жили в каком-то чаду: катанье по Невскому, в бархате, в соболях; роскошные обеды дома или в ресторанах, всегда в обществе; опера, французский театр, а чаще всего Буфф; пикники, маскарады... Конечно, такая жизнь не серьезна; но кто испытал ее, тому здешняя, копеечная, невыносима. Ах, как невыносима, если бы вы знали!

Купавина. Что заставило вас уехать из Петербурга?

Глафира. Я не знаю, что случилось. Что-то произошло вдруг для нас с сестрой неожиданное. Сестра о чем-то плакала, стали всё распродавать, меня отправили к Меропе Давыдовне, а сами скрылись куда-то, исчезли, кажется, за границу. Конечно, я сама виновата, очень виновата: мне надо было там ловить жениха, – это было очень легко; а я закружилась, завертелась, как глупая девчонка; я себе этого никогда не прощу.

Купавина. Зачем же вы ходите в черном?

Глафира. А в чем же мне ходить? В старых полинялых обносках, давно вышедших из моды? Грубая черная одежда по крайней мере оригинальна и обращает на тебя внимание; притом же и улыбнуться кому-нибудь и смело окинуть глазами гораздо эффективнее из-под черного платка, чем из-под старомодной шляпки. Но носить это платье можно недолго и только с известной целью; а если вообразить, что придется всю жизнь таскать эту ветость... О! это можно с ума сойти.

Купавина. Я удивляюсь, как Меропа Давыдовна не найдет вам приличной партии; она такая мастерица пристраивать своих родных.

Глафира. Нет; для меня она ничего не сделает. У ней во всем расчет! Она ловкая женщина, она сумеет выдать и за богатого человека, но только с тем, чтобы взять потом в свои руки и пользоваться всем, чем можно, и еще твердить постоянно, что она вот как благодетельствовала.

Купавина. Да, это правда.

Глафира. Мы с ней видим друг друга насквозь, и она хорошо знает, что если я вырвусь от нее замуж, так она только меня и видела. Впрочем, я ей очень благодарна.

Купавина. За что же?

Глафира. Я научилась от нее многому полезному, многому такому, что бедной женщине необходимо в жизни.

Купавина. Именно?

Глафира. Выучилась хитрить, не говорить даром ни одного слова, не иметь стыда, когда чего-нибудь добиваешься, выучилась бесцеремонному обращению, просто наглости, которая у ханжей идет за откровенность и простоту. Жертву я нашла: Лыняев – единственный человек, за которым я могу жить так, как мне хочется, как я привыкла; всякая другая жизнь для меня тягость, бремя, несчастье – хуже смерти. А я сама себе не враг, Евлампия Николаевна, и потому постараюсь во что бы то ни стало выйти за Лыняева; для этого я готова употребить все дозволенные и даже недозволенные средства. Мне кажется, я уж очень откровенна с вами. Извините меня!

Купавина. Нет, нет, я очень хорошо понимаю ваше положение. (Долго смотрит на Глафиру, потом обнимает ее.) Ах, если бы мне ваша энергия!

Глафира. А мне ваши деньги! (Смотрит прямо в глаза Купавиной.) Поможешь мне? Ты меня видишь девушкой, – посмотри женщиной, что из меня выдет!

Купавина. Все, что от меня зависит, я с радостью... Я хоть погляжу на замужнюю женщину, которая имеет свою волю. А я, бедная, и за тем мужем жила под строгой опекой, да и опять, должно быть, то же будет.

Глафира. Что за мрачные мысли!

Купавина. Так, видно, на роду написано. Я сужу по тому письму, которое мне написал мой возлюбленный. Вот об этом-то я и хотела посоветоваться с тобой.

Глафира. Так расскажи, что за дела у вас!

Купавина. Года три тому назад, когда еще мой муж был жив, приезжал сюда на лето наш сосед, Беркутов.

Глафира. Ну, и...

Купавина. Ну, и... не суди меня строго! Моему мужу было шестьдесят пять лет. Беркутов мне понравился. Впрочем, я вела себя очень осторожно, и он ни в чем не мог заметить моего особенного расположения.

Глафира. А может быть, и заметил.

Купавина. Не знаю... может быть. Он прожил здесь только одно лето и уехал в Петербург; с тех пор я его и не видала; но он в каждом письме к Лыняеву посылал мне поклоны и разные комплименты.

Глафира. Как все это невинно!

Купавина. Очень невинно; а все-таки я попала. Как-то, месяца три тому назад, пристал ко мне Лыняев: напишите да напишите Беркутову, чтоб он приехал летом в усадьбу, – он вам не откажет.

Глафира. Ты и послушалась, написала?

Купавина. Написала вздор какой-то, уж и не помню что: такая глупость непростительная.

Глафира. И ответ получила?

Купавина. В том-то и дело, что получила. Во-первых, все письмо написано деловым, канцелярским слогом; а во-вторых, смысл его такой: мне наслаждаться природой некогда, у меня важные денежные дела; но если вы хотите, я приеду. Прошу вас не делать никаких перемен в имени, не доверять никому управления, не продавать ничего, особенно лесу.

Глафира. Серьезный человек и, должно быть, очень умный.

Купавина. Согласна; но кто ему дал право учить меня! Что я, малолетняя, что ли? Это оскорбительно. Я не отвечала и, признаюсь, довольно-таки охладела к нему. Он

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e придет сегодня или завтра; вот я посмотрю на него, как он поведет себя, и если замечу, что он имеет виды на меня, я полюбезничаю с ним, потом посмеюсь и отпущу его в Петербург ни с чем.

Глафира. План хорош, надо только выполнить его.

Купавина. Постараюсь. Мне страшно за мою свободу. Вот письмо от него, я еще его не читала, видишь, как равнодушна. Мне привез его Лыняев.

Глафира. Лыняев уж был у тебя, значит, я его увижу не скоро, а может быть, и совсем не увижу. Пригласи его!

Купавина. Приглашать его не нужно: он в саду, спрятался от Меропы Давыдовны и сейчас явится к обеду.

Глафира. Вот и прекрасно! Вели подать шампанского, мне давно хочется; ужасно надоело сухоядение.

Купавина. Изволь!

Глафира. У меня еще просьба к тебе. Дай мне надеть что-нибудь поприличней! Все это на мне так гадко.

Купавина. Вот тебе ключ от гардероба, выбирай, что хочешь. Там много нового, ненадеванного; я нашла пропасть, да после траура все еще не решаюсь щеголять-то.

Глафира. Mercі! Я в одну минуту. (Убегает.)

Явление девятое
Купавина (одна).

Купавина (распечатывает письмо). Посмотрим, что за послание. (Читает.) «Исполняю ваше приказание, собираюсь в усадьбу. Но с той самой минуты, как я решился ехать, я уж испытываю мучительное чувство нетерпения. Мне обидно, что меня повезет паровоз, придуманный англичанами для перевозки тяжелых грузов; мне нужны крылья, резвые крылья амура». Какая пошлость! (Читает про себя.) Что дальше, то лучше. Что с ним сделалось? Неужели он думает, что я поверю этим глупостям? Ну, да прекрасно, надо оставить его в этом заблуждении; тем вернее он попадетсЯ.

Из двери показывается Глафира в одной юбке и в платке, накинутом на шею.

Явление десятое
Купавина, Глафира.

Глафира. Я все, и шелковые чулки нашла, и башмаки, и как все мне впору! Посмотри! (Подымает и вытягивает ногу, как танцовщица.) Ведь жалко такую ножку обувать в какие-то лапти.

Купавина. Чудо, как ты мила! Уж разве он каменный, а то как бы, кажется... (В двери.) Тетя, прикажите обедать подавать. Да вот и Михайло Борисыч идет.

Глафира. Подождите меня, я сейчас. Ну! либо пан, либо пропал! (Уходит в дверь направо. Купавина – в залу.)

Действие третье
ЛИЦА:

Купавина.

Глафира.

Анфуса.

Лыняев.

Мурзавецкий.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Чугунов.

Клавдий Горецкий, племянник Чугунова, красивый молодой человек, кудрявый, с румяным лицом; одет в легком летнем сюртуке, застегнутом на все пуговицы; рубашка русская, цветная, без галстука; панталоны в сапоги.

Через всю сцену садовая решетка с калиткой посередине. У калитки скамья. За решеткой виден густой парк усадьбы Купавиной. Вечереет.

Явление первое

Горецкий стоит у решетки и посвистывает. Из калитки выходит Чугунов.

Чугунов. Что ты, зачем ты? Пошел домой! Сейчас пошел домой!

Горецкий. Нет, домой я не пойду. Я вас дожидался. Нужно очень.

Чугунов. На что я тебе?

Горецкий. Денег пожалуйста, государственных кредитных билетов!

Чугунов. Денег? Нет, нет, и не думай! Зачем тебе деньги?

Горецкий. Я своему сердцу отвагу даю, на гулянье иду. (Свищет.)

Чугунов. На какое гулянье? Сиди дома! Да полно тебе свистать-то! Что я тебе приказывал? Ни шагу чтобы, ни-ни...

Горецкий. Нет, это вы напрасно беспокоитесь! Без судебного приговора не буду я сидеть в заключении; приговорят, тогда сяду.

Чугунов. Зачем ты такие слова говоришь? Зачем?

Горецкий. Ну, вот еще, слова! Нужно очень слова разбирать. Вы денег пожалуйста!

Чугунов. Где я тебе возьму?

Горецкий. Это ваше дело, это до меня не касается. Я вот про себя знаю, что запью сегодня, должно быть, дней на двенадцать.

Чугунов. Уж так и на двенадцать? Вперед знаешь, что на двенадцать.

Горецкий. Только бы, дяденька, не больше. Пожалуйста!

Чугунов. Ты это из городу пешком?

Горецкий. Пешком.

Чугунов. Нечего сказать, охота за каким-нибудь двугривенным десять верст пешком лупить!

Горецкий. Версты – это мне ничего; я с астролябией по две тысячи ходил. Я и за гривенником, когда он мне нужен, далеко пойду; только вот что: давайте по чести, двугривенного мало.

Чугунов. Ишь ты, мало! Будет, за глаза будет.

Горецкий. Говорю, что мало. Божиться, что ли?

Чугунов. Сколько ж тебе надо?

Горецкий. Пятьдесят рублей.

Чугунов. В своем ты разуме, клашка, в своем?

Горецкий. Ничего. Вот что после гулянья будет, не знаю, а куда в своем.

Чугунов. У кого ты просишь? У кого ты просишь, говори!

Горецкий. У вас. У кого ж мне просить? У кого деньги водятся, у того и прошу.

Чугунов Да что, банк, что ли, у меня?

Горецкий. Перед кем вы убогим-то притворяетесь? Вы уж это перед чужими; а я свой, родственник. У барыни имением управляете... вон усадьба-то какая! Да чтоб не грабить!

Чугунов. «Грабить, грабить!» Невежа! Чурбан необразованный! Ну, так вот и есть деньги, да не дам.

Горецкий (надев фуражку). Пожалеете.

Чугунов. Об чем?

Горецкий. О том, что не дали. Можете большую неприятность получить.

Чугунов. От кого?

Горецкий. От меня.

Чугунов. Что ты за птица такая важная?

Горецкий. Вот и не птица, а неприятность сделаю.

Чугунов. Какую?

Горецкий. Дом сожгу.

Чугунов. Что ты! Какой дом? Что ты!

Горецкий. Ваш.

Чугунов. Ах ты!.. Эх, братец!.. Да как ты...

Горецкий. Да вот так: пойду и зажгу.

Чугунов. В кого ты такой каторжный уродился?

Горецкий. Да кто ж у нас в родне святые-то? Вы, что ли? В кого путным-то уродиться?

Чугунов. Не груби, клашка, не груби!

Горецкий. Дайте денег, так и грубости не услышите.

Чугунов (вынимает бумажник). Отвяжись ты от меня! На! Провались ты куда-нибудь! (Дает пять рублей.)

Горецкий. Что это? Пять рублей? (Отдает назад.) Нет, я дороже стою.

Чугунов. Правда, правда, дороже стоишь; ты и пятьсот рублей стоишь, кабы тебя можно было в солдаты продать.

Горецкий. Не об солдатах речь! А за свое мастерство я дороже стою.

Чугунов. Хорошее мастерство! Хвались, хвались! Есть чем похвастаться!

Горецкий. Хорошее ли, дурное ли, а вам понадобилось, так платите. Уж вы покупайте меня, а то плохо.

Чугунов. Ну, на еще! (Дает еще пять рублей.)

Горецкий. Мало.

Чугунов. Ишь ты, как разбойник в лесу, на дороге ловишь. Больше не дам, конечно.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Горецкий. Ну, а если мне кто-нибудь больше даст, и, стало быть, продавать вас с
Мурзавецкой-то?

Чугунов. Тише ты! У Евлампии Николаевны гости в саду.

Горецкий. А мне что за дело!

Чугунов. Ну тебя! Уйти от греха. (Уходит.)

Горецкий (вслед Чугунову). Дядя! Слушай! Коли больше дадут, я вас продам; вы так и знайте. Говорю я тебе, что мне гулять охота пришла. А коли мне в это время денег не дать, так я хуже зверя. (Уходит за Чугуновым.)

Из сада выходят Купавина, Глафира, Анфуса, Лыняев.

Явление второе
Купавина, Глафира, Анфуса, Лыняев.

Лыняев (Купавиной). Не понимаю, не понимаю, что за фантазия гулять по росе, когда можно очень покойно сидеть в комнате, ну, пожалуй, на балконе, если хотите быть на воздухе.

Купавина. Я хочу народное гулянье посмотреть.

Лыняев. Не ходите! Что за удовольствие идти за две версты, да еще по горам, чтоб смотреть на пьяных.

Купавина. Скажите лучше, что вам лень! Оставайтесь!

Лыняев. Я бы пошел; но там, вероятно, ваши люди гуляют, мы их только стесним. Зачем расстраивать чужое веселье!

Купавина. Мы издали посмотрим, с горы. Да уж оставайтесь, оставайтесь, я тетю возьму.

Лыняев. Вот и прекрасно; а впрочем, я, пожалуй...

Купавина. Нет, нет! Будете вздыхать да охать всю дорогу, жертву из себя представлять, и без вас обойдемся. Пойдем, тетя!

Анфуса. Я что ж... я, пожалуй...

Купавина (Глафире). Ты останешься тоже? Оставайся, оставайся!

Глафира. Да, у меня от шума голова кружится.

Купавина. Подождите нас здесь!

Лыняев. Подождем, подождем.

Купавина и Анфуса уходят.

Явление третье
Лыняев, Глафира.

Лыняев. Вы только платье переменили, а скромность при себе оставили?

Глафира. Вам излишняя скромность не нравится?

Лыняев. Как не нравится! Что вы, помилуйте! Нет, это хорошо, это очень хорошо.

Глафира. Может быть, и хорошо, да зато скучно.

Лыняев. Да разве вы обязаны развлекать меня? Это скорей моя обязанность, но и я... извините, и я могу предложить вам только поскучать со мной вместе.

Глафира. И прекрасно, очень вам благодарна.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Лыняев. Не стоит благодарности.

Глафира. Нет, очень стоит.

Лыняев. Да за что же?

Глафира. За спокойствие, разве этого мало? Проведя вечер с вами, можно уснуть без всяких волнений, сном праведника. Я еще никого не любила, Михайло Борисыч, но ведь эта пора придет; я в таких летах, что каждую минуту должна ждать любовной горячки.

Лыняев. Значит, вы такая же, как и все. А я думал, что вы...

Глафира. Что? Что я не способна любить? Таких девушек не бывает, Михайло Борисыч.

Лыняев. Так вы боитесь полюбить?

Глафира. Как же не бояться? Любовь мне ничего не принесет, кроме страданий. Я девушка со вкусом и могу полюбить только порядочного человека; а порядочные люди ищут богатых. Вот отчего я прячусь и убегаю от общества, – я боюсь полюбить. Вы не смотрите, что я скромна, тихие воды глубоки, и я чувствую, что если полюблю...

Лыняев. Ой, страшно! Не говорите, пожалуйста, не продолжайте.

Глафира. Но с вами я ничего не боюсь.

Лыняев. Не боитесь?

Глафира. Нисколько. Вы меня увлекать не станете, да и увлечься вами нет никакой возможности.

Лыняев (обидевшись). Но почему же вы так думаете?

Глафира. Ну, полноте, какой вы любовник? Вы не обижайтесь, Михайло Борисыч! Вы очень хороший человек, вас все уважают; но любить вас невозможно. Вы уж и в летах, и ожирели, и, вероятно, дома в теплом халате ходите и в колпаке; ну, одним словом, вы стали похожи на милого, доброго папашу.

Лыняев. Вы уж очень безжалостны ко мне. Нет, я еще...

Глафира. Нет, нет, не обманывайте себя, – откажитесь от побед, Михайло Борисыч! Ха-ха-ха! (Хохочет.)

Лыняев. Да чему же вы смеетесь, помилуйте!

Глафира. Извините, пожалуйста! Мне сейчас смешная мысль в голову пришла. Ну если вы в меня влюбитесь и будете рассыпаться в нежностях передо мной, – ведь при всем уважении к вам не выдержишь, расхохочешься.

Лыняев. Однако какие вам мысли-то в голову приходят игривые.

Глафира. Так, дурачусь. Вам странно, что я развеселилась? Недолго мне.

Лыняев. Отчего ж недолго?

Глафира. В монастырь собираюсь на днях.

Лыняев. Нет, вы шутите?

Глафира. Не шучу. Прощайте! Не поминайте лихом! В самом деле, не сердитесь на меня за мои шутки! Мне хочется оставить добрую память по себе.

Лыняев. Оставить добрую память вы очень можете.

Глафира. Каким образом?

Лыняев. Окажите мне маленькую услугу!

Глафира. С особенным удовольствием.

Лыняев. Почему ж с особенным?

Глафира. Так, вы очень милый человек.

Лыняев. Мне нужно хорошего писца на некоторое время.

Глафира. Не могу. Хоть и хорошо пишу, а в писцы к вам не пойду.

Лыняев. Вы не поняли или не хотите понимать...

Глафира. Вот если б я была мужчина; а то, помилуйте, что подумают, милый Михайло Борисыч! А впрочем...

Лыняев. Да нет же! У Меропы Давыдовны занимается письмоводством Чугунов, я его руку знаю; но иногда попадаются от нее бумаги, написанные отличным почерком.

Глафира. Так вам нужно точно такого писца?

Лыняев. Мне нужно знать, кто это пишет.

Глафира. Спросите у Чугунова.

Лыняев. Не скажет.

Глафира. Тут у вас что-то не просто?

Лыняев. Да вы знаете?

Глафира. Может быть, знаю больше, чем вы думаете.

Лыняев. Так скажите!

Глафира. Нельзя.

Лыняев. Почему?

Глафира. Потому что он мой любовник.

Лыняев. Час от часу не легче.

Глафира. Я немного сильно выразилась. Он действительно влюблен в меня и пишет мне стихами письма чуть не каждый день. Такой милый, – ответа не требует, а только изливает свои чувства передо мной.

Лыняев. Но кто же он, скажите.

Глафира. Он вам очень нужен?

Лыняев. Очень.

Глафира. Я не только могу его назвать вам, но через десять минут привести его сюда и отрекомендовать.

Лыняев (потирает руки от радости). Что вы? Неужели?

Глафира. Только даром этого не сделаю.

Лыняев. Требуйте от меня, что вам угодно, чего только вам угодно.

Глафира. Я попрошу небольшого.

Лыняев. Все, все, что хотите.

Глафира. Притворитесь влюбленным в меня и целый вечер сегодня ухаживайте за мной.

Лыняев. А вы будете смеяться?

Глафира. Вероятно, если это будет смешно.

Лыняев. Ну, уж один вечер куда ни шло! Хотя и тяжеленько, да нечего делать, сам обещал. Так вы когда же мне его покажете?

Глафира. Хотя сейчас. Я видела, как он прошел на гулянье, я пойду и приведу его сюда. Подождите меня здесь! Вот и Евлампия Николаевна. (Уходит.)

Входят Купавина и Анфуса.

Явление четвертое

Лыняев, Купавина, Анфуса.

Лыняев. Что же вы так скоро?

Купавина. И хотелось еще погулять, да скрываюсь от преследований.

Лыняев. Вот я вам говорил, что там пьяные; кто же вас преследует?

Купавина. Наш общий знакомый, Мурзавецкий. Проводите меня до дому.

Лыняев. Анфуса Тихоновна, будьте так добры, подождите здесь Глафиру Алексеевну и, когда она воротится, скажите ей, что я сейчас приду.

Купавина. Да не пускайте Мурзавецкого в сад, скажите, что меня дома нет, что я уехала.

Анфуса. Хорошо уж... я уж...

Лыняев. Да что с ним церемониться, просто гнать этого милого мальчика прочь!

Купавина. Ах нет, нельзя! С ним надо как можно осторожнее. Он скажет Меропе Давыдовне, тогда мы большую беду наживем. Поделикатнее как-нибудь, а то она меня съест.

Уходят Купавина и Лыняев, Анфуса садится на скамейку. Входит Мурзавецкий.

Явление пятое

Анфуса, Мурзавецкий.

Мурзавецкий (свищет). Тамерлан, Тамерлан, иси! [27] Эко животное! Повешу, конечно... нет, брат, повешу, – конечно. Пардон, медам! Где ж они? (Осматриваясь.) А, вон! Кажется, обе тут. Так что-то как будто в глазах застилает, мелькает что-то; то одна, то две... нет, две, две... ну, конечно, две. (Раскланиваясь издали.) Честь имею.

Анфуса (отворачиваясь). Ну уж... не надо уж...

Мурзавецкий. Нет, позвольте, Евлампия Николаевна!

Анфуса. Да какая... где уж она?..

Мурзавецкий. Нет, Евлампия Николаевна, нет, она здесь, в груди моей; пароль донёр. (Вздыхает.) Таких страданий, таких страданий...

Анфуса. Ну уж... довольно уж...

Мурзавецкий. Я с вами согласен, но если нет сил, что же мне делать, я вас спрашиваю! Влюблен, ну и... ну и... конечно.

Анфуса. Ах, право уж... ну, что?

Мурзавецкий. Не хотите, не хотите отвечать? А я вот тут... у вас... у ног... могу умереть. Отвечайте, отвечайте, мон анж! Ну, ен мо! [28]

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Анфуса. Да что уж... ну тебя!

Мурзавецкий. Анфуса Тихоновна, оставьте, я вас прошу, я не с вами.

Анфуса. Не со мной уж... так, ну, с кем?

Мурзавецкий. С кем? Это странно. Ха-ха-ха! Это странно! Вы думали, с вами?

Анфуса. Да уж... никого тут больше-то... что еще?

Мурзавецкий. Анфуса Тихоновна, тезеву[29]! Евлампия Николаевна, бывают в жизни минуты... Что я! Одна минута, когда человек...

Анфуса. Ах уж... что мне с ним?..

Мурзавецкий. Вы молчите, за вас отвечают, – для благородной души моей это... это, я вам скажу... (вздыхает) тяжело.

Анфуса. Да откуда ж она... коли нет?

Мурзавецкий (подходя). Чего нет? как нет?

Анфуса. Да уж так вот...

Мурзавецкий (осматривая Анфусу и скамейку). Да где ж она?

Анфуса. Коли нет... где ж мне!..

Мурзавецкий (ударив себя по лбу). Боже мой! Боже мой!

Анфуса. Ну уж... чего еще?

Мурзавецкий. Однако какой обман!

Анфуса. Кому уж... нужно.

Мурзавецкий. Так что же это, что же? Обман чувств, игра воображения?

Входит Лыняев.

Явление шестое

Мурзавецкий, Анфуса, Лыняев.

Мурзавецкий. Но нет, я шутить над собой не позволю, дудки!

Анфуса (увидав Лыняева). Ах, вы уж... ну вот... уж сами... (Идет в сад.)

Мурзавецкий. Я еду, еду, не свищу, а наеду – не спущу.

Анфуса. Ну, мели уж... на просторе! (Уходит.)

Мурзавецкий. Но я, нет, я пойду.

Лыняев. Куда?

Мурзавецкий. К ней.

Лыняев. Увы!

Мурзавецкий. Что «увы»? Что такое, милостивый государь, увы?

Лыняев. Нельзя, не велено вас принимать.

Мурзавецкий. Меня не велено? О! я вот посмотрю. (Хочет идти в сад.)

Лыняев (загораживая калитку). Послушайте! Я вам вот что по-дружески посоветую: поезжайте домой, а то нехорошо.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Мурзавецкий. Что такое «нехорошо»? Позвольте вас... Позвольте вас спросить.

Лыняев (таинственно). В саду поставлены люди, и, как вы войдете, так (показывает знаком), понимаете?

Мурзавецкий. Что, что?

Лыняев. Я не виноват, Евлампии Николаевне было угодно так распорядиться.

Мурзавецкий. Меня ведь не испугаешь; ну, да я, пожалуй, и не пойду, не надо. Я, знаете ли, хотел мое дело с ней миром; а теперь нет, шалишь, морген фри!

Лыняев. Что вам за охота миром?

Мурзавецкий. Да ведь жаль, черт возьми! Пятьдесят тысяч должна.

Лыняев. Хорошие деньги.

Мурзавецкий. Да я не хотел брать, зачем! Я просто, моншер[30], хотел, сан-фасон, предложить руку, чтобы, компрене ву, соединить капиталы. У меня ничего... то есть нет, что я! У меня состояние, у нее состояние, какие тут иски да взыски!

Лыняев. Хорошо бы, только она за вас не пойдет.

Мурзавецкий. Ну, так уж не взыщи, не помилую. Ах, моншер, что я с ней сделаю! Ограблю, начисто ограблю!

Лыняев. Пятьдесят тысяч потребуете?

Мурзавецкий. Нет, уж тут не пятьюдесятью пахнет. Полтора ста! Усадьба эта моя будет, через неделю моя.

Лыняев. Вот и хорошо, соседи будем. (Жмет руку Мурзавецкого.) Прошу любить да жаловать. А теперь вам пора домой! Вон это не ваш ли экипаж? Вероятно, Меропа Давыдовна за вами прислала.

Мурзавецкий. Да, она ждет; я обещал решительный ответ привезти.

Лыняев. Уж чего же решительнее!

Мурзавецкий. А ведь жаль мадам Купавину, плакать будет. Оревуар! (Уходит.)

Слышен свист и голос: «Тамерлан, иси!» С противоположной стороны входят Глафира и Горецкий.

Явление седьмое

Лыняев, Глафира, Горецкий.

Глафира. Вот, рекомендую: Горецкий, Клавдий. (Горецкому.) А это Михайло Борисыч Лыняев, наш сосед, помещик.

Горецкий (снимая фуражку). Я их знаю-с.

Лыняев. Наденьте, пожалуйста!

Горецкий. Ничего-с. Глафира Алексеевна, позволь для вас какую-нибудь подлость сделать.

Лыняев. Вот странная просьба.

Горецкий. Ничего не странная-с. Чем же я могу доказать? Нет, уж вы не мешайте. Глафира Алексеевна, хотите, весь этот забор изломаю?..

Глафира. Нет, зачем?

Горецкий. Как бы я для вас прибил кого-нибудь, вот бы трепку задал веселую!

Лыняев. Да ведь за это судить будут.

Горецкий. А пускай их судят.

Лыняев. Да ведь посадят.

Горецкий. А посадят, так сидеть будем. Глафира Алексеевна, прикажите какую-нибудь подлость сделать!

Глафира. Я уж, право, не знаю, что вам приказать!

Лыняев. Да зачем непременно подлость? Попросите его правду сказать.

Глафира. Ну, вот я попрошу вас мне правду сказать, вы скажете?

Горецкий. Какую правду-с?

Глафира. А вот какую мы спросим.

Горецкий. Извольте-с, все, что угодно-с.

Лыняев. А если секрет?

Горецкий. Да хотя бы рассекрет. У меня своих секретов нет, а если какой чужой, так что мне за надобность беречь его. Я для Глафиры Алексеевны все на свете...

Лыняев (подавая Глафире письмо). Спросите, кто это писал?

Глафира (показывая письмо Горецкому). Скажите, кто это писал?

Горецкий. Эх! Спросите что-нибудь другое!

Лыняев. А говорили, что все на свете.

Горецкий. Да мне что ж, пожалуй; только за это деньги заплочены.

Лыняев. Сколько?

Горецкий. Десять рублей.

Лыняев. А если я дам пятнадцать?

Горецкий. А если дадите, скажу.

Лыняев. Так вот, возьмите! (Дает деньги.)

Горецкий (берет деньги). Покорно благодарю-с. (Кладет деньги в разные карманы.) Десять назад отдам, – скажу, мало дали. Это я писал-с.

Лыняев. Вы? Ну, так вы мне очень нужны будете. У вас есть свободное время?

Горецкий. Да у меня всегда свободное время-с.

Лыняев. Хотите ехать ко мне сегодня же? Я вам и заплачу хорошо, и стол у меня хороший, и вино, какое вам угодно.

Горецкий. С удовольствием-с. Что ж, Глафира Алексеевна, прикажите какую-нибудь подлость сделать!

Глафира. Да ведь уж вы сделали.

Горецкий. Велика ли это подлость! Да и за деньги.

Лыняев. Извините за нескромный вопрос. Вы знали когда-нибудь разницу между хорошим делом и дурным?

Горецкий. Как вам сказать-с? Нет, хорошенько-то не знаю.

Лыняев. Так и не знаете?

Горецкий. Ведь это философия; так нам где же знать!

Лыняев. Отчего же?

Горецкий. Семейство очень велико было.

Лыняев. Так что же?

Горецкий. С шести лет надо было в дом что-нибудь тащить, голодных ребят кормить.

Лыняев. Вас не учили?

Горецкий. Как не учить! Ведь учить у нас – значит бить; так учили и дома, и посторонние, кому не лень было. Особенно пьяные приказные по улицам, бывало, так и ловят мальчишек за вихры, это для них первое удовольствие.

Лыняев. Вы говорили, что вас большая семья была, куда ж все делись?

Горецкий. Все в люди вышли: один брат – ученый, в фершела вышел, да далеко угнали, на Аландские острова; один был в аптеке в мальчишках, да выучился по-немецки, так теперь в кондукторах до немецкой границы ездит; один в Москве у живописца краски трет; которые в писарях у станowych да у квартальных; двое в суфлерах ходят по городам; один на телеграфе где-то за Саратовом; а то один в Ростове-на-Дону под греческой фамилией табаком торгует; я вот в землемеры вышел. Да много нас, всякого звания есть.

Лыняев. Вас любопытно послушать. Вы уж прямо ко мне отсюда. Я вас с собой возьму.

Горецкий. Хорошо-с. Я вас в конторе подожду. До свидания, Глафира Алексеевна! (Уходит.)

явление восьмое
Лыняев, Глафира.

Глафира. Ну, довольны вы?

Лыняев. Не могу выразить, как я вам благодарен. Я так рад, что готов прыгать и плясать, как ребенок.

Глафира. Ребенком быть нехорошо, будьте лучше юношей.

Лыняев. Как же это?

Глафира. Сдержите свое слово!

Лыняев. Какое?

Глафира. А любезничать со мной.

Лыняев. Неловок я, Глафира Алексеевна, что вам за радость, чтоб я, в мои лета, шута разыгрывал!

Глафира. Ну, хоть немного, слегка.

Лыняев. Ну, как же любезничать? Прикажете хвалить ваши глазки?

Глафира. Нет, это глупо.

Лыняев. Или по-русски, как парни с девками любезничают, – те очень просто, без церемонии.

Глафира. А это уж слишком. Впрочем, все-таки лучше, чем говорить пошлости. Эко горе ваше! Любезничать не умеете, а любезничать надо. Ну, да не беспокойтесь, я вам помогу. Закутайтесь пледом, заткните уши ватой, а то сыро стало! Вот так. (Одевает Лыняева пледом.)

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Лыняев. Благодарю вас.

Глафира. Теперь скажите: неужели вы в жизни не любили никого?

Лыняев. Как не любить!

Глафира. Вы говорили что-нибудь с предметом вашей страсти?

Лыняев. Много говорил, но я тогда был молод.

Глафира. Ну, так вспомните теперь, что вы говорили.

Лыняев. Это нетрудно. Я говорил одной блондинке, что наши души, еще до появления на земле, были родные, что они носились вместе по необъятной вселенной, порхали, как бабочки, в лучах месяца.

Глафира. Ну, а другой что вы говорили?

Лыняев. А другой, брюнетке, я говорил, что найму ей великолепную дачу, куплю пару вороных рысаков.

Глафира. Это вот хорошо, мне этот разговор больше нравится. Вот и продолжайте в этом духе.

Лыняев. Я обещал ей горы золотые, говорил, что не могу жить без нее, хотел застрелиться, утопиться.

Глафира. А она что ж?

Лыняев. А она говорила: «Зачем вам стреляться или топиться? Женитесь, вот и не об чем вам больше беспокоиться». Нет, говорю, мой ангел, это для меня хуже, чем утопиться. «Ну, так, говорит, утопитесь, потому что я огорчать мамашу и родных своих не хочу».

Глафира. Да она была бедная девушка?

Лыняев. Бедная.

Глафира. Так глупа.

Лыняев. А вы что ж бы сделали на ее месте?

Глафира. Я бы вам противоречить ни в чем не стала, я бы взяла и дачу, и рысаков, и деньги – и все-таки вы бы женились на мне.

Лыняев. Но это невозможно: я так тверд в своем решении.

Глафира. Нет, очень просто.

Лыняев. Но каким же образом, скажите, объясните мне!

Глафира. Сядемте!

Садятся на скамью.

Ну, представьте себе, что вы меня любите немножко, хоть так же, как ту брюнетку! Иначе, конечно, невозможно ничего. (Садится с ногами на лавку и прилегает к Лыняеву.)

Лыняев. Позвольте, что же это вы?

Глафира (отодвигаясь). Ах, извините!

Лыняев. Нет, ничего. Я только хотел спросить вас: что это, вы в роль входите или потому, что меня за мужчину не считаете?

Глафира. Я озябла немного.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Лыняев. Так сделайте одолжение, не беспокойтесь, если это вам приятно.

Глафира (опять прилегая к Лыняеву). Итак, вы меня любите, мы живем душа в душу. Я – олицетворенная кротость и покорность, я не только исполняю, но предупреждаю ваши желания, а между тем понемногу забираю в руки вас и все ваше хозяйство, узнаю малейшие ваши привычки и капризы и, наконец, в короткое время делаюсь для вас совершенной необходимостью, так что вы без меня шагу ступить не можете.

Лыняев. Да, я допускаю, это возможно.

Глафира. Вот в одно прекрасное утро я говорю вам: «Папаша, я чувствую потребность помолиться; отпусти меня денька на три на богомолье!» Вы, разумеется, сначала заупрямитесь; я покоряюсь вам безропотно. Потом изредка робко повторяю свою просьбу и смотрю на вас несколько дней сряду умоляющим взором; вы все, день за день, откладываете и наконец отпускаете. Без меня начинается в доме ералаш: то не так, – другое не по вас; то кофей горек, то обед опоздал; то у вас в кабинете не убрано, а если убрано, так на столе бумаги и книги не на том месте, где им нужно. Вы начинаете выходить из себя, часто вздыхать, то бегать по комнате, то останавливаться, разводить руками, говорить с собой; начинаете прислушиваться, не едут ли, часто выбегать на крыльцо; а я нарочно промедлю дня два, три. Наконец уж вам не сидится, вы теряете терпение и начинаете ходить по дороге версты за две от дому. Вот я еду. Сколько радости! Опять тихая, спокойная жизнь для вас; в ваших глазах только счастье и бесконечная нежность.

Лыняев (со вздохом). Ну и чего ж еще, и чего ж еще!

Глафира. Но вот однажды, когда ваша нежность уж не знает пределов, я говорю вам со слезами: «Милый папаша, мне стыдно своих родных, своих знакомых, мне стыдно людям в глаза глядеть. Я должна прятаться от всех, заживо похоронить себя, а я еще молода, мне жить хочется...»

Лыняев. Да... ах, в самом деле!

Глафира. Прощай, милый папаша! Не нужно мне никаких твоих сокровищ.

Лыняев. Ах, черт возьми, как это скверно!

Глафира. Я выхожу замуж.

Лыняев. За кого?

Глафира. Ну, хоть за Горецкого.

Лыняев. Отличная партия!

Глафира. Да, он беден, но я все-таки буду иметь хоть какое-нибудь положение в обществе. Да уж кончено, я решилась.

Лыняев. Но нельзя же так вдруг, ни с того ни с сего бросить человека! Надо было прежде думать и заранее предупредить.

Глафира. Я боялась, милый папаша. Разве ты не видишь, я хую, сохну день ото дня, я могу захворать серьезно, умереть.

Лыняев. Это бессовестно! Все это притворство!

Глафира. Если ты не веришь, как тебе угодно; я готова пожертвовать для тебя даже жизнью.

Лыняев. Ну вот то-то же!

Глафира. Что делать, у мужчин такие твердые характеры.

Лыняев. Все-таки я поставил на своем.

Глафира. Да, на своем. Где ж нам спорить с вами! Только в тот же день к вечеру я незаметно исчезаю, и никто не знает, то есть никто не скажет вам, куда. Проходит

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
день, другой; вы рассылаете по всем дорогам гонцов, сыщиков, сами мечетесь туда и сюда, теряете сон, аппетит, сходите с ума. И вот за несколько минут до того, когда вам уж действительно нужно помешаться, вам объявляют по секрету, где я скрываюсь. Вы бросаетесь ко мне с подарками, с брильянтами, со слезами умоляете меня возвратиться, – я непреклонна! Вы плачете, я сама рыдаю! Я люблю вас, мне жаль с вами расстаться, но я неумолима. Наконец я говорю вам: «Милый папаша, ты любишь холостую жизнь, ты не можешь жить иначе, – сделаем вот что! Обвенчаемся потихоньку, так что никто не будет знать; ты опять будешь вести холостую жизнь, все пойдет по-прежнему, ничто не изменится, – только я буду покойна, не буду страдать». Вы, после недолгого колебания, соглашаетесь.

Лыняев. Да, очень может быть, очень может быть, действительно, это возможно. Но я все-таки поставил по-своему.

Глафира. Да, по-своему. Но на другой же день откуда у меня эта светскость возьмется, эта лень, эта медленность в движениях! Откуда возьмутся эти роскошные туалеты!

Лыняев. Да, вот...

Глафира. Оттопырится нижняя губка, явится повелительный тон, величественный жест. Как мила и нежна я буду с посторонними и как строга с вами. Как счастливы вы будете, когда дождетесь от меня милостивого слова. Уж не буду я суетиться и бегать для вас, и не будете вы папашей, а просто Мишель... (Говорит лениво.) «Мишель, сбегай, я забыла в саду на скамейке мой платок!» И вы побежите. Это вот один способ заставить жениться; он хотя старый, но верный; а то есть еще и другие.

Лыняев. Да, но ведь так можно поймать человека только тогда, когда он любит.

Глафира. Разумеется. Вы в совершенной безопасности, потому что никого не любите.

Лыняев. Я в безопасности и очень этому рад. Но уж если бы мне пришлось полюбить кого-нибудь, то я полюбил бы вас. (Целует руку Глафиры.)

Глафира. Это что такое? Это зачем?

Лыняев. Так.

Глафира. Если просто «так», то обидно. На вас нежность нашла, ну, а благо я тут близко, так вы и беретесь прямо за меня руками.

Лыняев. Да нет. Ведь вы сами хотели, чтоб я любезничал с вами.

Глафира. Ах, я и забыла! Ну, так целуйте, пожалуйста.

Лыняев. Да и поцелую. (Целует другую руку.)

Глафира. Вы, видно, тоже начинаете входить во вкус вашей роли.

Лыняев. Я давеча боялся чего-то; а теперь так нахожу, что это очень приятная шутка.

Глафира (со вздохом). Да, да, к сожалению, только шутка.

Входит Анфуса.

Явление девятое
Лыняев, Глафира, Анфуса.

Анфуса. Ужинать уж... ждут... Что ночью-то. Сыро... Прислали уж... меня...

Глафира (Лыняеву). Пойдемте!

Лыняев. Я сейчас за вами.

Глафира и Анфуса уходят.

А какая она хорошенькая, какая милая, умная! Ведь вот долго ли! Посидишь этак вечера два с ней – и начнешь подумывать; а там только пооплошай, и запрягут! Хорошо еще, что она в монастырь-то идет; а то бы и от нее надо было бегать. Нет, поскорей поужинать у них да домой, от греха подальше, только она меня и видела. А после хоть и увижусь с ней, так только «здравствуйте!» да «прощайте!». Хороша ты, Глафира Алексеевна, а свобода и покой, и холостая жизнь моя лучше тебя.

Действие четвертое

ЛИЦА:

Купавина.

Глафира.

Анфуса.

Лыняев.

Василий Иванович Беркутов, помещик, сосед Купавиной; представительный мужчина, средних лет, с лысинкой, но очень живой и ловкий.

Горецкий.

Лакей Купавиной.

Комната в азиатском вкусе в доме Купавиной, с одним выходом на террасу; стеклянная растворенная дверь с портьерами; по сторонам двери два больших окна, закрытые драпировками; по стенам и под окнами мягкие диваны. За балюстрадой террасы виден сад и за ним живописная сельская местность.

Явление первое

Купавина, Глафира, потом лакей.

Купавина. Кажется, у тебя с Лыняевым дело подвигается?

Глафира. Ах, это только кажется.

Купавина. Он вчера был так любезен с тобой.

Глафира. По заказу, – это была шутка.

Купавина. Ты теряешь надежду, бедная?

Глафира. Ну, не совсем. Надо еще раз увидеть его, тогда я буду знать наверное, можно на него рассчитывать или нет.

Купавина. А вот сегодня увидишь. Мне Горецкий принес письмо от него; он приедет, и угадай, с кем?

Глафира. Что угадывать-то! По глазам видно, что жениха дожидаясь.

Купавина. Да, осчастливил нас Василий Иваныч Беркутов, прибыл из Петербурга.

Глафира. Когда они приедут?

Купавина. Конечно, вечером. Надо приодеться для такого дорогого гостя.

Глафира. Но до вечера Меропа Давыдовна может прислать за мной лошадей.

Купавина. Лошади и подождут.

Глафира. Рассердится.

Купавина. Посердится, да и помилует.

Глафира. Нескоро, на это она нетороплива.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Входит лакей.

Лакей (подавая письмо Купавиной). Меропа Давыдовна тарантас прислали и письмо приказали вам отдать.

Купавина распечатывает и читает письмо про себя.

Глафира. Ну, так я и знала! Эко несчастье! Опять черное платье, опять притворство и постничанье!

Купавина (лакею). Вукол Наумыч в усадьбе?

Лакей. Никак нет-с, они в городе.

Купавина (с беспокойством). Что ж мне делать? Это так неожиданно... Я совершенно теряюсь.

Глафира. Что с тобой?

Купавина. А вот послушай, что Меропа Давыдовна пишет! (Лакею.) Ступай, скажи, чтоб кучер подождал!

Лакей уходит.

Глафира. Читай, читай.

Купавина (читает). «Милостивая государыня, Евлампия Николаевна!»

Глафира. Что-то строго начинается.

Купавина. Нет, ты послушай, что дальше-то! (Читает.) «Вам вчера не угодно было принять моего племянника. Если б вы были дома одни или вели очень скромную жизнь, я б ничего не сказала, а то у вас были люди, которые ничем его не лучше. Он такой же дворянин, как и Лыняев, и уж, верно, не глупее его. Или вы сделали это не подумавши, или вас научил какой-нибудь умный человек. Если уж вы забыли все мои одолжения и милости к вам, так должны были помнить, что за обиду я никогда в долгу не остаюсь. Вы так развлеклись или увлеклись, что забыли, что у вас с Аполлоном есть тяжба. Мы, по простоте и по доброте своей, думали пожалеть вас, подобно как малого беззащитного ребенка, и хотели кончить все дело миром, истинно по-христиански, в любви и согласии. Но коль скоро вы сами отворачиваетесь от нас и презираете благодетелей, то уж не гневайтесь на нас. Взыскание с вас очень большой суммы, чего и все ваше имение не стоит, я произведу со всею строгостию и жалеть вас и плакать о вас не буду. Бывшая ваша благодетельница Меропа Мурзавецкая». Как тебе это покажется?

Глафира. Не пугает ли она тебя?

Купавина. Вот сюрприз! Я не знаю, что и отвечать. Надо подождать этих господ, посоветуюсь с ними. Вот тебе поневоле приходится остаться.

Входит Анфуса.

Явление второе
Купавина, Глафира, Анфуса.

Анфуса. Уж приехали ведь... что ж вы!

Купавина. Неужели они?

Анфуса. Да кому ж?..

Купавина. Так я пойду оденусь.

Анфуса. Само собой уж... нешто хорошо!.. Почитай, чужой...

Купавина. Попросите их подождать!

Анфуса. Да вон уж... Сюда... из саду.

Купавина (Глафире). Пойдем!

Уходят Глафира и Купавина.

Анфуса. Что б раньше-то!.. Говорила уж..

Входят Лыняев и Беркутов.

Явление третье

Анфуса, Лыняев, Беркутов.

Лыняев. Вот, Анфуса Тихоновна, рекомендую вам друга. Василий Иванович Беркутов.

Анфуса. Уж знаю... давно ведь...

Беркутов. Как ваше здоровье, почтенная Анфуса Тихоновна?

Анфуса. Ничего... так... голова иногда. Обождать уж... хоть здесь... просила... сейчас, мол...

Лыняев. Не беспокойтесь, Анфуса Тихоновна, мы подождем.

Анфуса. Ну, то-то!.. Не долго, чай... что ей там. Не взыщите! (Уходит.)

Лыняев. Вот она сама тебе расскажет, как выманили у нее тысячу рублей.

Беркутов. Не горячись, пожалуйста, не горячись!

Лыняев. Как не горячись? Не могу не горячиться; ведь это подлог, понимаешь ты, подлог!

Беркутов. Успокойся! Никакого подлога нет.

Лыняев. Да Горецкий признался. Чего ж тебе! Жаль, я проспал и не успел еще расспросить его хорошенько сегодня утром; потом ты приехал и утащил его у меня.

Беркутов. Я долго говорил с Горецким и в город с ним ездил. Он тебя обманул. Ему понадобились деньги, он и сказал напраслину на себя. Хорош и ты, поверил Горецкому.

Лыняев. Что ни говори, а это дело не чисто.

Беркутов. По-моему, в вашем обществе Мерепа Давыдовна должна стоять выше подозрений. Хорошо общество, где все смотрят друг на друга, как на разбойников.

Лыняев. От Мерепы всего ждать можно.

Беркутов. Провинциалы любят уголовщину, уж это известно. Вам скучно без скандалов, подкапывается друг под друга; больше вам делать-то нечего.

Лыняев. Да ведь грабят Евлампию Николаевну.

Беркутов. Ну, как хочешь, а пока я здесь, ты в ее дела не путайся, пожалуйста; я тебя прошу. Поищи себе другое занятие!

Лыняев. По-твоему, и Чугунов хороший человек?

Беркутов. А что ж Чугунов? Подьячий как подьячий, – разумеется, пальца в рот не кладет. Ведь вы, горячие юристы, все больше насчет высших взглядов, а, глядишь, простого прошения написать не умеете. А Чугуновы – старого закала, свод законов на память знает; вот они и нужны.

Лыняев. Хорошо тебе – ты приедешь не надолго; а каково жить с этим народом! Попробовал бы ты.

Беркутов. Кто умеет жить, тот везде уживется; а кто ребячится, как ты, тому везде трудно. Я уживусь.

Лыняев. Посмотрим. Значит, ты к нам надолго?

Беркутов. Нет. После, может быть, и совсем здесь поселюсь; а теперь мне некогда: у меня большое дело в Петербурге. Я приехал только жениться.

Лыняев. На ком?

Беркутов. На Евлампии Николаевне.

Лыняев. У вас разве уж кончено?

Беркутов. Еще не начиналось.

Лыняев. Еще не начиналось, а ты уж так уверенно говоришь?

Беркутов. Да никаких причин не вижу сомневаться... Ох, брат, уж я давно поглядываю.

Лыняев. На Евлампию Николаевну?

Беркутов. Нет, на это имение, ну и на Евлампию Николаевну, разумеется. Сколько удобств, сколько доходных статей, какая красивая местность. (Указывая в дверь.) Погляди, ведь это роскошь! А вон, налево-то, у речки, что за уголок прелестный! Как будто сама природа создала.

Лыняев. Для швейцарской хижинки?

Беркутов. Нет, для винокуренного завода. Признаюсь тебе – грешный человек, я уж давно подумывал: Купавин – старик старый, не нынче, завтра умрет, останется отличное имение, хорошенькая вдова... Я уж поработал-таки на своем веку, думаю об отдыхе; а чего ж лучше для отдыха, как такая усадьба, красивая жена, какая-нибудь почетная должность...

Лыняев. Мы тебя в предводители.

Беркутов. Мы! А много ль вас-то? Вы тут ссоритесь, на десять партий разбились. Ну, вот я пристану к вам, так ваша партия будет посильнее. Знаешь, что я замечаю? Твое вольнодумство начинает выдыхаться; вы, провинциалы, мало читаете. Вышло много новых книг и брошюр по твоей части; я с собой привез довольно. Коли хочешь, подарю тебе. Прогляди книжки две, так тебе разговору-то лет на пять хватит.

Лыняев. Вот спасибо. Значит, у тебя за малым дело стало, только жениться?

Беркутов. Да, жениться, мой друг, жениться поскорей. Имение я знаю, как свои пять пальцев; порядки в нем заведены отличные; надо торопиться, чтоб не успели запустить хозяйство. Умен был старик Купавин!

Лыняев. Под старость, кажется, немножко рехнулся.

Беркутов. Почему ты думаешь?

Лыняев. Лесу накопил тысяч на сто.

Беркутов. Эка умница! Вот спасибо ему!

Лыняев. Зато чистых денег Евлампии Николаевне оставил мало, она теперь нуждается.

Беркутов. И прекрасно сделал. Оставь он деньги, так их давно бы не было, а лес-то стоит да растет еще.

Лыняев. Да куда его девать? На лес у нас никакой цены нет.

Беркутов. Лес Купавиной стоит полмиллиона. Через десять дней вы услышите, что здесь пройдет железная дорога. Это из верных источников, только ты молчи пока.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Лыняев. Ай, ай! Ловко! А вот что! Я ведь тебе говорил, бланк-то она выдала
Чугунову, бланк-то.

Беркутов. Могла скверная штука выйти.

Лыняев. Как «могла»?

Беркутов. Если б бланк попался в другие руки.

Лыняев. А Чугунов помилует, что ли?

Беркутов. У Чугунова, как у всех старых плутов, душа коротка, да и потребности ограничены. Я справлялся: он тут пустошь торгует, – три тысячи просят. Вероятно, он этим и удовольствуется.

Лыняев. Значит, препятствий нет, и ты женишься. Но любопытно, как ты это устроишь.

Беркутов. Ну, как – я еще не знаю, глядя по обстоятельствам; только, во всяком случае, это будет! Женщины любят думать, что они свободны и могут располагать собой, как им хочется. А на деле-то они никак и никогда не располагают собой, а располагают ими ловкие люди.

Входит Купавина.

Явление четвертое
Лыняев, Беркутов, Купавина.

Купавина. Извините, господа!

Лыняев. Нас извините, что мы не вовремя.

Беркутов (целуя руку Купавиной). Моя торопливость простительна, я так давно не видал вас... Нетерпение мое было так велико...

Купавина (с улыбкой). Что, если б крылья...

Беркутов. Я бы прилетел еще раньше.

Лыняев. Ну, для амура ты уж немножко тяжел стал.

Купавина. Да уж и стрелы, я думаю, потрастили.

Лыняев. Нет, он еще приберег для случая.

Купавина. Уж разве немного, и то не очень острые.

Беркутов. Зато я стал бережливее и не раскидываю их понапрасну.

Купавина. А стреляете только навверное?

Беркутов. По крайней мере не трачу даром, и то хорошо.

Лыняев. Не позволите ли вы мне погулять по саду? А то, если я после обеда долго в комнате...

Купавина. Так сон клонит?

Лыняев. Угадали.

Купавина. Сделайте одолжение, поступайте, как вам угодно.

Лыняев (уходя). Чей это экипаж у вас на дворе?

Купавина. Мурзавецкая прислала за Глафирой Алексеевной.

Лыняев. Так она уезжает?

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Купавина. А вам жаль?

Лыняев. Не скажу, чтоб очень. А скоро уезжает?

Купавина. Сейчас.

Лыняев. Счастливейший путь, скатертью ей дорожка! (Уходит.)

Явление пятое

Купавина, Беркутов, потом лакей.

Купавина. Надолго вы к нам?

Беркутов. Нет, к несчастью, на короткое время, я приехал по делу.

Купавина. По делу?

Беркутов. Я бы мог обмануть вас, сказать, что приехал собственно затем, чтоб увидеть вас, чтоб полюбоваться на вас; но, во-первых, вы этому не поверите...

Купавина. А может быть, и поверю.

Беркутов. Ну, так я не хочу вас обманывать. После двух лет разлуки, как я смею рассчитывать, что мои нежности будут вам приятны. Вы могли перемениться, да, вероятно, и переменились. Вы теперь женщина богатая и свободная, ухаживать за вами не совсем честно; да и вы на каждого вздыхателя должны смотреть, как на врага, который хочет отнять у вас и то, и другое, то есть и богатство, и свободу. Прежде – другое дело: вы были в зависимом положении, да и оба мы были помоложе. (Со вздохом.) Ах, какое хорошее время было!

Купавина. Так вы совершенно отказываетесь ухаживать за мной?

Беркутов. Совершенно. А вам хотелось помучить меня, позабавиться? Не запирайтесь! Уж я вижу по глазам вашим. Ну, Бог с вами. Поберегите кокетство для других обожателей: у вас будет много. Побеседуем как деловые люди! Я приехал продать усадьбу.

Купавина. Что вам вздумалось? Родовое имение!

Беркутов. Так что ж, что родовое? Доходов очень мало, нет выгоды иметь его; чистые деньги мне больше дадут.

Купавина. И вас ничто не привязывает к месту вашего рождения, вам ничего не жаль здесь?

Беркутов. Может быть, и жаль, да расчета нет.

Купавина. Все расчеты, расчеты, и нисколько сердца.

Беркутов. Остывает оно с годами-то, Евлампия Николаевна. Купите у меня имение!

Купавина. У меня денег нет, да я и плохая хозяйка.

Беркутов. Вы скромничаете. У вас все так хорошо, все в таком цветущем виде, везде порядок, чистота.

Купавина. Чистота дело женское и очень немудреное; а как идет хозяйство у меня, я не имею и понятия. Бывают дела, которые выше моего соображения; я должна доверяться посторонним людям и, конечно, могу быть обманута.

Беркутов. Что же, например?

Купавина. Да вот и теперь есть у меня дело, которое меня очень беспокоит.

Беркутов. Если не секрет, скажите!

Купавина. Нимало не секрет, я даже хотела посоветоваться с вами и просить вашей помощи.

Беркутов. Все́й душой рад помочь вам, если только время позволит. В чем дело?

Купавина. Рассказывать долго, а вот лучше прочтите письмо. (Подает письмо Мурзавецкой.)

Беркутов (прочитав письмо, отдает его назад). Прочел-с.

Купавина. Что же вы скажете?

Беркутов. Надо узнать, как велика претензия, осмотреть документы.

Купавина. Я слышала, двадцать пять тысяч. А потом?

Беркутов. Потом поскорей заплатить деньги, чтоб не доводить до процесса. На всякий случай надо иметь тысяч тридцать. Есть у вас?

Купавина. Нет, у меня денег очень мало.

Беркутов. Это вот дурно.

Купавина. Вы меня пугаете.

Беркутов. Нисколько не пугаю; зачем мне вас пугать? Я только объясняю вам ваше положение.

Купавина. Какое же мое положение?

Беркутов. Незавидное. Вы очень богатая женщина, но эти тридцать тысяч так могут расстроить ваше состояние, что вам его никогда не поправить.

Купавина. Почему же?

Беркутов. Вы должны или заложить имение в банк...

Купавина. Вот и деньги!

Беркутов. Но тогда почти все доходы уйдут на проценты, и вам самим мало останется на прожитие.

Купавина. Так закладывать не надо.

Беркутов. В таком случае надо продать часть имения, лес например. У вас есть тысячи полторы десятин лесу.

Купавина. Как полторы? Четыре тысячи.

Беркутов. В другом месте это огромное богатство, а здесь на лес цены низки: лесопромышленники дадут вам рублей по десяти за десятину, – значит, надо продать его почти весь. А без лесу имение стоит грош. Дадут и дороже десяти рублей, но с рассрочкой платежа, по вырубке, а вам нужны деньги сейчас. Вот какое ваше положение!

Купавина. Да, я теперь вижу.

Входит лакей.

Лакей. Василий Иваныч, вас межевой спрашивает. Говорит, что непременно нужно вас видеть.

Беркутов (Купавиной). Позвольте мне в вашем присутствии сказать Горецкому десять слов, не более. Я посылаю его в Вологду межевать леса в моем имении.

Купавина. Сделайте одолжение. (Лакею.) Позови!

Лакей уходит.

Мы поговорить еще успеем.

Входит Горецкий.

Явление шестое
Беркутов, Купавина, Горецкий.

Беркутов (Горецкому). Что вам угодно?

Горецкий. За мной дядя прислал, велит сейчас приезжать. Как прикажете?

Беркутов. Вы не знаете, зачем?

Горецкий. Говорят, дело есть.

Беркутов (подумав). Поезжайте и делайте все, что вам прикажут. А между тем собирайтесь; вы поедете завтра на пароходе в полдень. Утром вы мне будете нужны; постарайтесь меня увидеть прежде, чем я буду у Меропы Давыдовны: выходите ко мне навстречу, на дорогу.

Горецкий. Хоть за пять верст, если прикажете.

Беркутов. Так далеко не нужно. Только постарайтесь, чтоб вас не заметили, вообще не будьте очень откровенны и не болтайте пустяков. Вы отдали пятнадцать рублей Михаилу Борисычу?

Горецкий. Сейчас в саду отдал-с. Денег мне не дадите?

Беркутов. Завтра утром пятьдесят рублей, а теперь ни гроша. Прощайте!

Горецкий кланяется и уходит.

Явление седьмое
Беркутов, Купавина.

Беркутов. Виноват. С Горецким я кончил и весь к вашим услугам.

Купавина. Угодно вам продолжать наш разговор? Утешьте меня!

Беркутов. Очень рад, очень рад. Я удивляюсь, как вы до сих пор не сочлись с Мурзавецкой, – вы видите с ней часто. Надо было хорошенько разобрать дело, – на слово никому верить не должно, – и сойтись на какую-нибудь сделку, склонить ее на уступку, на рассрочку, чтоб расплатиться без затруднений и без хлопот. Вы, как видно, не успели привести в ясность ни имени вашего, ни доходов, ни обязательств, которые лежат на вашем имении. Вы скажете: «Я все пела». Прекрасно. С вас и требовать многого нельзя: вы неопытны, ваше положение новое для вас. Но неужели у вас, кроме продажного подьячего, не было ни близких, ни знакомых, кто бы мог привести в порядок дела по вашему имению? Неужели вы ни в ком не видали участия к вам, не имели ни от кого доброго совета?

Купавина. Нет, имела.

Беркутов. Да что же?

Купавина. Да не послушала.

Беркутов. И даже не отвечали на письмо...

Купавина. Довольно странное, в котором...

Беркутов. Было все, что нужно для вас: дружеское участие и практические советы.

Купавина. Вы сердитесь на меня?

Беркутов (с улыбкой). Нет.

Купавина. Так докажите, что не сердитесь, и помогите мне добрым советом!

Беркутов. Это моя обязанность. Но примете ли вы мой совет? Дайте мне слово, что

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
вы меня слушаете.

Купавина. Связать себя словом, не зная...

Беркутов. Не бойтесь, мой совет бескорыстен: я имею в виду вашу одну пользу.

Купавина. В таком случае я приму. Что ж вы мне посоветуете?

Беркутов. Выходите поскорей замуж!

Купавина (с изумлением). Замуж? За кого?

Беркутов. За Мурзавецкого.

Купавина. Вы меня оскорбляете.

Беркутов. И в помышлении не имел ничего, кроме доброго расположения к вам.

Купавина. Я не знаю, как они осмелились! Намеки Меропы Давыдовны очень понятны были.

Беркутов. Да отчего ж им не сметь? Он – дрянь мальчик; но ведь своих недостатков он не замечает. Он дворянин, еще молод, может получить кой-что от тетки, и нельзя сказать, чтобы вы, с вашим приданым, стояли для него очень высоко.

Купавина. Вы или шутите, или хотите обидеть меня.

Беркутов. Ни то, ни другое; всякий умный человек скажет вам то же, что я.

Купавина. Так, по-вашему, для меня единственное средство – выйти за Мурзавецкого?

Беркутов. Не единственное, но лучшее, чтоб сохранить в целости имение и не разориться.

Купавина (твердо). Так выходить? Я вас решительно спрашиваю...

Беркутов. Да, выходите! Хорошо сделаете, очень хорошо.

Купавина. Какой тон у вас равнодушный! Вы, как медик, приговариваете к смерти без сострадания.

Беркутов. Но когда обращаются к медику, так от него не сострадания требуют, а знания своего дела и полезного совета.

Купавина. Я могла надеяться, судя по нашим прежним отношениям...

Беркутов. Беспощадное время уносит все.

Купавина. И по последнему письму...

Беркутов. За последнее письмо извините! Сбираясь сюда не надолго и, вероятно, в последний раз, я хотел встретиться со всеми любезно и оставить по себе хорошее впечатление. Может быть, я пересолил, впал в пошлость...

Купавина. Только?

Беркутов (холодно). Только. Вы еще не отвечали Мурзавецкой на письмо?

Купавина. Нет.

Беркутов. Надо отвечать.

Купавина. Я не знаю – что.

Беркутов. Это не мудрено. Если хотите, я вам помогу. Я завтра утром буду у Мурзавецкой и поговорю о вашем деле; может быть, оно и не так страшно, как кажется издали. Вы мне доверяете?

Купавина. Я прошу вас.

Входит Лыняев.

Явление восьмое
Купавина, Беркутов, Лыняев.

Лыняев. Ходил, ходил по саду, еще хуже, так и клонит.

Купавина. Этому горю помочь очень легко. Мы с Васильем Ивановичем пойдем писать письмо Мурзавецкой, а вы можете расположиться здесь как вам угодно. Эту комнату мой муж нарочно и устроил для послеобеденных отдыхов: окна на север, кругом зелень, тишина, мягкие диваны..

Лыняев. Именно все это мне и нужно для того, чтоб быть совершенно счастливым.

Купавина. Так и будьте!

Лыняев. Постараюсь.

Купавина и Беркутов уходят.

Кто что ни говори, а холостая жизнь очень приятна. Вот теперь, например, если б я был женат, ведь жена помешала бы спать. «Не спи, душенька, нехорошо, тебе нездорово, ты от этого толстеешь». А того и знать не хочет, как ее «душеньке» приятно уснуть, когда сон клонит и глаза смыкаются... (Садится на диван под окном.)

Глафира из-за портьеры смотрит на него страстным, хищническим взглядом, как кошка на мышь.

А как хорошо просыпаться холостому! Как только откроешь глаза, первая мысль: что ты сам себе господин, что ты свободен. Нет, я неисправимый холостяк, я свою дорогую свободу не променяю ни на какие ласки бархатных ручек! (Медленно склоняется к изголовью.)

Глафира, выйдя из-за портьеры, обнимает его одной рукой за шею и смотрит ему прямо в глаза.

Лыняев, приподнимаясь, смотрит на Глафиру с испугом.

Явление девятое
Лыняев, Глафира.

Глафира (поднося платок к глазам). Что вы со мной сделали?

Лыняев (вставая с дивана и протирая глаза). Я? Нет, что это вы-то со мной делаете?

Глафира. Я не знаю... я помешалась... я не помню ничего. А во всем вы виноваты, вы...

Лыняев. Ни душой, ни телом.

Глафира. Нет, вы... Я вам говорила...

Лыняев. Чем я виноват, чем?

Глафира. Я вам говорила, я вас предупреждала, что сильная страсть может вспыхнуть во мне каждую минуту... Я такая нервная... Ну, вот, ну, вот!.. А вы, зная мою страстность...

Лыняев. Да ведь я по вашему приказанию...

Глафира. Я вам говорила... а вы сводили меня с ума своими похвалами, целовали мои руки...

Лыняев. Да ведь шутка, Глафира Алексеевна... шутка...

Глафира. Я вам говорила, что любовь, кроме страданий, ничего мне не доставит... Я ведь вам говорила, а вы... Ну вот я не спала всю ночь; я полюбила вас до безумия.

Лыняев. Ах, вот беда–то! Ну, простите меня!

Глафира. Я вам говорила, что если уж я полюблю...

Лыняев. Да, говорили, кажется... но успокойтесь!

Глафира (с отчаяньем). Вы меня погубили.

Лыняев. Ну, я виноват, я каюсь. Ради Бога, извините! Я неумышленно... (Хочет поцеловать у Глафиры руку.)

Глафира. Не дотрагивайтесь до меня!.. Я такая нервная...

Лыняев. Но позвольте же поцеловать вашу ручку на прощанье! И поезжайте, поезжайте!..

Глафира. Ах, нет, оставьте... не трогайте!

Лыняев. На прощанье! Я по крайней мере буду знать...

Глафира. Я такая нервная...

Лыняев. Что вы меня не презираете. (Берет руку Глафиры.)

Глафира. Я говорила вам...

Лыняев. Ведь вы уедете?.. Уедете? Ну, и поезжайте! (Целует руку Глафиры.)

Глафира. Ах, я такая нервная... Ах, ах! (Бросается на шею Лыняеву и закрывает глаза.)

Лыняев. Что же это вы? Глафира Алексеевна! Глафира Алексеевна!

Глафира (открыв глаза). Ах, сюда идут, кажется.

Лыняев. Они ходят по террасе.

Глафира. Ах, ах! (Закрывает глаза.)

Лыняев. Глафира Алексеевна, Глафира Алексеевна, не беспокойтесь... они сюда не пойдут.

Глафира. Вы меня погубили!.. Что подумают! Куда мне деться? Другого выхода нет...

Лыняев. Да вы потише, не очень громко, а то...

Глафира. Разве они слышат? Спрячьте меня, спрячьте!

Лыняев. Да куда же мне вас?.. Разве за драпировку?..

Глафира. Да вот они идут... Вы меня погубили!

Лыняев. Да тише, ради Бога, тише!

Глафира. Ах, что вы со мной сделали! (Бросается ему на шею и закрывает глаза.)

Показываются в дверях Беркутов и Купавина.

Явление десятое

Лыняев, Глафира, Беркутов, Купавина, потом лакей.

Беркутов. Что я вижу? Друг мой!

Купавина. Михайло Борисыч, Михайло Борисыч! Вот вы какой! Ах, притворщик!

Лыняев (сквозь слезы). Ну, что ж! Ну, я женюсь.

Входит лакей.

Лакей. Глафира Алексеевна, лошади готовы.

Глафира. Ах, и люди тут! Что вы со мной сделали? Что теперь Меропа Давыдовна?..

Купавина. Ах, бедная! Ты останься у меня!

Беркутов. Не беспокойтесь! Я завтра утром буду у Меропы Давыдовны, я ей объясню все.

Лыняев (чуть не плача). Ну, что ж, я женюсь. Ты так и скажи, пожалуйста! Скажи, что я женюсь.

Действие пятое

ЛИЦА:

Мурзавецкая.

Мурзавецкий.

Чугунов.

Беркутов.

Купавина.

Анфуса.

Глафира.

Лыняев.

Павлин.

Декорация первого действия.

Явление первое

Павлин, входит Чугунов.

Чугунов. Здравствуй, Павлинушка!

Павлин. Здравствуйте, сударь! Немножко раненько пожаловали.

Чугунов. Так приказано. Дай-ка табачку-то!

Павлин (подавая табакерку). Извольте, сударь.

Чугунов. Встали?

Павлин. Сели чай кушать. Да вот они сами изволят.

Входит Мурзавецкая. Павлин уходит.

Явление второе

Мурзавецкая, Чугунов.

Мурзавецкая. А, ты здесь уж? Здравствуй!

Чугунов. Здравствуйте, матушка Меропа Давыдовна! Как почивать изволили?

Мурзавецкая (садясь). Ничего. Садись!

Чугунов садится.

Гнать бы мне тебя надо было.

Чугунов. За что же, матушка?

Мурзавецкая. Просим Бога избавить нас от лукавого; а лукавый-то ведь – это ты.

Чугунов. Где уж мне, благодетельница! Умишка на такую должность не хватит. Мне бы только вам уметь угодить, с меня и довольно.

Мурзавецкая. Письмо получила.

Чугунов. Слушаю-с.

Мурзавецкая. Приедет сегодня Несмеяна-то царевна, испугалась.

Чугунов. Чай, простите?

Мурзавецкая. Нет, отомщу, отомщу. Грех на душу возьму, а отомщу! (Стучит костылем.)

Чугунов. Чем отомстить-то? Все только грозите. А кто нынче угрозы-то боится?

Мурзавецкая. Твое дело дьявольства-то придумывать! Что у тебя на уме, сказывай!

Чугунов. Что сказывать-то, коли сердитесь.

Мурзавецкая. Нет, говори! Ты знаешь, я упряма: уж коли приказываю, так говори!

Чугунов. Как вам угодно, а, по-моему, простить нельзя-с. Против благодетельницы своей да такая насмешка!

Мурзавецкая. Да, да, вот!

Чугунов. Вы кто у нас в губернии-то? Каков бы ни был Аполлон Викторыч, да он ваш племянник. Легко сказать, племянник Меропы Давыдовны! Много ль таких-то особ.

Мурзавецкая. Ну вот, поди ж ты, какая герцогиня нашлась.

Чугунов. Сама приглашала; вы тут дожидаетесь ответу, беспокоитесь, а там его лакеи чуть не в шею.

Мурзавецкая. Да, да. (Громко.) Аполлон, поди сюда.

Чугунов. На что похоже, помилуйте!

Входит Мурзавецкий, одет по-охотничьи, в руках ружье.

Явление третье

Мурзавецкая, Чугунов, Мурзавецкий.

Мурзавецкая. Ты куда это?

Мурзавецкий. Вальдшнепы показались по садам, перебить надо.

Мурзавецкая. Купавина тебя сама приглашала?

Мурзавецкий. Сама, ма тант; я вам тогда говорил.

Мурзавецкая. Да, может быть, так, мимоходом?

Мурзавецкий. Мимоходом? Так на шею и бросается; уж я ее останавливал, говорил: лесé, нехорошо!

Чугунов. Вот, вот она какая!

Мурзавецкая. Может быть, Аполлон и лжет, а все же хоть что-нибудь есть и правды.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Мурзавецкий. Все правда, ма тант.

Мурзавецкая. Ну, а дальше что?

Мурзавецкий. А дальше – малёр [31]. Мало того, что не пустила, а еще поставила засаду из лакеев. И если бы не мой Тамерлан – ну, адъё, мон плезир! Только бы вы меня и видели, ма тант. Лев, а не собака: того за горло, другого за горло, ну и разбежались, и я жив. Собака – друг. (Свищет.) Тамерлан, иси! Друг единственный!

Мурзавецкая. Не надо, не надо, оглушил. Ступай!

Мурзавецкий уходит в переднюю.

Явление четвертое
Мурзавецкая, Чугунов, потом Павлин.

Мурзавецкая. Что ж это такое, Вукол, а?

Чугунов (нюхая табак). Насмешка.

Мурзавецкая. Над кем?

Чугунов. Над вами, видимое дело.

Мурзавецкая. Отмстить–то ей я отомщу, уж найду случай, не умру без того; да мне бы теперь–то зло сорвать дороже всего.

Чугунов. Надо теперь, что откладывать! Еще забудете, пожалуй.

Мурзавецкая. Не забуду я, милый, не забуду никогда!

Чугунов. Они теперь, чай, смеются с Лыняевым.

Мурзавецкая. Да что ты меня дразнишь–то, сутяга! За тем, что ли, я тебя позвала–то?

Чугунов. Чем я вас дразню? Сами знаете, что смеются.

Мурзавецкая. Молодая бабенка, и ума–то не важного, смеется над нами, как над дураками; а мы с тобой, старые умники, сидим да ничего сделать ей не можем.

Чугунов. Все можно сделать, все.

Мурзавецкая. Да что? Пусть приедет, да прощенья просит, вот что мне нужно!

Чугунов. И это можно.

Мурзавецкая (стука костылем). Хвастаешь, хвастаешь, приказная крыса!

Чугунов. На коленях будет стоять.

Мурзавецкая. Говорю, не дразни! Костылем ведь тебя!

Чугунов. Спасибо скажете, а не то, что костылем.

Мурзавецкая. Ну, бес воплощенный, что у тебя за каверзы, говори!

Чугунов (вынимая бумагу). А вот покажите–ка ей, пусть посмотрит!

Мурзавецкая (взяв бумагу). Что это? Письмо к Аполлону.

Чугунов. Извольте прочитать.

Мурзавецкая (читает). «Милостивый государь, Аполлон Викторыч! По делам моим с покойным родителем вашим, остался я должен ему в разное время тысяч до тридцати, что вы можете усмотреть из конторских книг и счетов, если таковые сохранились. Но весьма может быть, что, по известной небрежности вашего родителя, в его бумагах не осталось никаких следов моего долга. Я нисколько не желаю скрывать

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
оний и лишать вас удовлетворения, на каковой конец и прилагаю при сем
узаконенной формы документ...». Так ты вот что придумал! А про Сибирь-то забыл?

Чугунов. Да что за пропасть! Только и слышу от всех, что Сибирь да Сибирь.

Мурзавецкая. Дела твои, милый, такие; оттого и слышать тебе часто приходится.

Чугунов (вынув из кармана векселя). Вот и векселя!

Мурзавецкая. Готово уж? Нет, вукол, в тебе дьявол сидит. Как вас, скариотов, земля терпит? А что за книга это у тебя?

Чугунов. Конторская старая; тут и счета есть. Из кладовой мы ее достали, отсырела она, пятнышками пошла. Векселя у меня в ней всю ночь лежали, да и теперь пусть лежат, да выцветают, а то свежи чернила-то. Да тут им и быть следует! (Берет векселя у Мурзавецкой.) Поглядите, какая чистота-то!

Мурзавецкая. Что глядеть-то, дьявол тебе помогает.

Чугунов. Только это и слышу от вас. (Кладет векселя в книгу и отдает Мурзавецкой.)

Мурзавецкая. Да как же не дьявол! Разве человек сам на такую гадость решится? Да хоть бы и решился, так одному, без дьявола, не суметь.

Чугунов. Думаешь угодить, а вы браните. Вот житье-то мое!

Мурзавецкая. Полно хныкать-то!

Чугунов. Да право! Лучше отдайте, я их уничтожу.

Мурзавецкая. Ну, как не отдать! Говори, крыса, что мне с ними делать-то?

Чугунов. Евлампия Николаевна приедет, вы покажите векселя, да построже обойдитесь. Уплатите, мол, немедленно, а то ко взысканию подам. Ну, уж тут она вся в ваших руках: что хотите, то с ней и делайте.

Мурзавецкая. Ну, да, ну, да! Пугнуть только; а то неужто ж в суд представлять! Ведь они фальшивые. (Кладет книгу на стол.)

Чугунов. А как сделаны-то, загляденье! Эх! Представить бы их завтра к мировому – к вечеру исполнительный лист готов; а то письма пишете, грозите, предупреждаете только. Пожалуй, и доверенность мою уничтожат.

Мурзавецкая. Против своей барыни-то! Хорош управляющий!

Чугунов. Я уж себя обеспечил, на пустошь денег добыл. Что мне ее жалеть-то! Все тридцать тысяч взыскали бы – мне двадцать процентиков.

Мурзавецкая. Да как ты посмел рот-то разинуть! Кому ты говоришь? Благородной даме ты такие подлости предлагаешь! Так бы вот тебя по лысине-то и огрела. Да и стоит. (Прислушиваясь.) Никак кто-то подъехал! Поди закуси что-нибудь! Я тебя после позову.

Чугунов уходит. Входит Павлин.

Павлин. Василий Иванович Беркутов.

Мурзавецкая. Какой такой Беркутов? Да, да, да, помню. Проси!

Павлин уходит. Входит Беркутов.

Явление пятое
Мурзавецкая, Беркутов.

Беркутов. Честь имею представиться! Изволите помнить?

Мурзавецкая. Ну как, батюшка Василий Иванович, не помнить! Милости прошу садиться!

Беркутов садится.

Давно приехали?

Беркутов. Третьего дня вечером. Извините! Вчера же хотел быть у вас, да очень устал с дороги. Еще в Петербурге поставил для себя долгом по приезде сюда, нимало не откладывая, явиться к вам засвидетельствовать свое почтение и сообщить, что молва о вашей подвижнической жизни, о ваших благодеяниях достигла уже и до столиц.

Мурзавецкая. Благодарю, батюшка!

Беркутов. Кроме того, мне, как приедем, любопытно знать жите-бытье в нашей губернии; а от кого же я могу получить более верные сведения и более справедливые отзывы, как не от вас.

Мурзавецкая. Уж кому ж и знать наши дела, как не мне?

Беркутов. Как у нас земство, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая. Ну, что! Через пень колоду валят.

Беркутов. А что же бы к вам за советом?

Мурзавецкая. Все сами умники, поедут они к старухе, как же!

Беркутов. Положим, что между ними есть люди и неглупые, но ведь у вас только могут они занять опытность, знание жизни народной и нужд здешнего края. Нет, если б я стал служить здесь...

Мурзавецкая. А кто ж мешает?

Беркутов. Дела есть неоконченные. Я бы, разумеется, стал баллотироваться на более видные должности.

Мурзавецкая. Да сделайте милость! Вот у нас скоро выборы будут в предводители, в председатели земской управы...

Беркутов. Я ведь только к тому говорю, Меропа Давыдовна, что если бы я служил, я бы без вашего совета ничего не делал.

Мурзавецкая. Послушай-ка, Василий Иваныч, уж извини меня, старуху, баллотируйся!

Беркутов. И своим-то умом Бог не обидел, да с вашими бы советами... да тогда вся губерния была бы у нас с вами в руках.

Мурзавецкая. Говорю тебе, баллотируйся! Чего тебе бояться?

Беркутов. Да мне бояться нечего: я здесь со всеми в ладу. Хоть ребячеств Лыньева и всей их компании я и не одобряю, а все-таки не ссорюсь и с ними.

Мурзавецкая. Именно, ребячества, вот уж верное-то слово ты сказал.

Беркутов. Разумеется, я душой всегда буду с вами, в вашей партии.

Мурзавецкая. Ну, так мы тебя и запишем; значит, нашего полку прибыло.

Беркутов. Я подумаю, Меропа Давыдовна, подумаю. Позвольте вам услужить! Я с собой привез несколько книг духовного содержания...

Мурзавецкая. Сделай милость, одолжи!

Беркутов. Да я вам их подарю. (Встав.) Честь имею кланяться. Мне нужно сделать в городе несколько визитов. Я еще заеду к вам, и не один раз, если позволите. Беседа с вами так назидательна. (Раскланивается.)

Мурзавецкая. Милости прошу во всякое время.

Беркутов. Ах, извините! У меня есть к вам небольшая просьба.

Мурзавецкая. Что такое, батюшка? Очень рада служить, чем могу.

Беркутов. Я имею поручение от соседки моей, Евлампии Николаевны. Дело-то не важное.

Мурзавецкая. Как не важное? Нет, уж это она напрасно так думает.

Беркутов. Во-первых, она просит у вас извинения и сама сегодня будет у вас.

Мурзавецкая. Вот так-то лучше, давно бы ей догадаться.

Беркутов. А что касается до долга ее мужа вашему покойному брату, или теперь вашему племяннику, так неизвестно, признавал ли господин Купавин этот долг.

Мурзавецкая. Признавал, сам признавал, как же.

Беркутов. Да почему вы знаете?

Мурзавецкая. Письмо есть.

Беркутов. Послушайте, Меропа Давыдовна, и вы этому верите?

Мурзавецкая. Да как не верить, коли и документы, и все у меня налицо.

Беркутов. Какие же они негодяи! Что они с вами делают!

Мурзавецкая. Кто это, кто?

Беркутов. Племянничек ваш, Аполлон, и компания.

Мурзавецкая. Да вы не забывайте, милостивый государь! Вы у меня в доме.

Беркутов. Нет, гоните его, гоните всех их скорее!

Мурзавецкая. Он дворянин... Да если б он слышал. Да и я... ведь я его тетка! Или извольте замолчать...

Беркутов. Позвольте! Я вас понимаю: у вас такое любящее сердце, вы и не подозреваете всей гнусности...

Мурзавецкая. Нет, увольте меня от ваших разговоров! Сделайте одолжение, увольте! Прошу вас, увольте!

Беркутов. Что они? Им терять нечего. А этакую даму, почтенную, видеть на скамье подсудимых! Вся губерния будет смотреть...

Мурзавецкая (в испуге). Как на скамье подсудимых?

Беркутов. Я вам сейчас объясню: скрывать незачем, уж все это теперь многим известно; завтра дойдет до прокурора, начнется следствие. Главный виновник, Горецкий, ничего не скрывает, его, должно быть, скоро арестуют.

Мурзавецкая. Да что такое, что?

Беркутов. Написаны фальшивые векселя на покойного Купавина; сделано это вчера; я подозреваю вашего племянника, не вас же подозревать, в самом деле.

Мурзавецкая. Нет, нет, не меня, не меня!

Беркутов. Написали письмо от имени Купавина вашему племяннику и два векселя, достали из кладовой старую конторскую книгу и положили их туда. (Увидав на столе книгу.) Вот в такую книгу. (Берет книгу и разворачивает.) Да вот они здесь! И в книге счет выведен... помарки, почистки. Прекрасно! Вещественные доказательства...

Мурзавецкая. Батюшка, не погуби!

Беркутов. Теперь моя главная забота: спасти вас.

Мурзавецкая. Спасай меня, батюшка, спасай! В ножки поклонюсь.

Беркутов. Не беспокойтесь! Я постараюсь всеми силами потушить это дело. Вас очень жаль! Чем вы виноваты!

Мурзавецкая. Ничем, батюшка, ничем!

Беркутов. Еще есть письмо, по которому вы получили тысячу рублей.

Мурзавецкая. Уж не упомяну, батюшка, не упомяну; память плоха стала.

Беркутов. Я вам напомню. (Вынув из кармана письмо.) Вот оно! Оно того же мастера. Вам надо будет деньги возвратить.

Мурзавецкая. Где ж я возьму, уж я их все раздала бедным; они теперь Бога молят... не отнимать же у них.

Беркутов. Разумеется, вы были в заблуждении; но что ж делать, возвратить придется, если дело дойдет до суда. Впрочем, вы пока не беспокойтесь, выкиньте все это из головы!

Мурзавецкая. И рада б выкинула, да нейдет. Ошеломил да и говорит: из головы выкиньте!

Беркутов. Развлеките себя! Поговорим о чем-нибудь другом.

Мурзавецкая. Боюсь я, голубчик, окружного-то суда; страсть как боюсь.

Беркутов. Ну, может быть, дело как-нибудь и уладится. Вот вам новость! Лыняев сделал предложение Глафире Алексеевне.

Мурзавецкая. Да ну их! Что это сердце-то как дрожит... Изловила-таки она его!

Беркутов. И, кажется, очень ловко.

Мурзавецкая. Поделом ему! Ничего мне его не жаль! Не унимается сердце-то... А вы-то холостой?

Беркутов. Холостой.

Мурзавецкая. Что ж не женитесь?

Беркутов. Сначала дела мешали, а теперь невесты не найду. Посватайте!

Мурзавецкая. Кого б тебе посватать? Вот в виски вступило. Да чего ж лучше, соседка твоя, Евлампия Николаевна.

Беркутов. Она, кажется, не очень расположена ко мне; а я бы не прочь.

Мурзавецкая. Так сватать, что ли?

Беркутов. Сватать не сватать, а я бы попросил вас поговорить с ней поласковее, узнать ее мнение, посоветовать ей.

Мурзавецкая. Да уж не учи, я не глупей тебя на эти дела. Только ты меня выручи! Да вот тысяча-то рублей...

Беркутов. Вы для меня, а я для вас. Евлампия Николаевна должна сейчас приехать, а вместе с ней и Глафира Алексеевна, и Лыняев.

Мурзавецкая. Так уж ты меня извини, я пойду распоряжусь. Надо завтрак приготовить и кофей, жениха-то принять; ведь племянник будет.

Беркутов. Обо мне не беспокойтесь! Мне бы нужно сейчас же видеть Чугунова.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Мурзавецкая. Да он, каторжный, тут. Я его сейчас пошлю. Вукол, Вукол! Да вот он!

Мурзавецкая уходит. Входит Чугунов.

Явление шестое
Беркутов, Чугунов.

Беркутов. Здравствуйте, Вукол Наумч! (Подает руку.)

Чугунов. Мое почтение, Василий Иванович! Давно ли пожаловать изволили-с?

Беркутов. Только что приехал. Очень приятно вас видеть. Как поживаете, Вукол Наумч?

Чугунов. Благодарение Создателю, Василий Иванович, не жалуюсь.

Беркутов. Душевно рад. Я вас от дела не отвлекаю ли? Мне желательно поговорить с вами несколько минут.

Чугунов. Сколько вам угодно. Готов служить.

Беркутов. Нужно мне, почтеннейший Вукол Наумч, некоторые сведения собрать насчет здешней местности.

Чугунов. Да-с? (Вынув табакерку.) Не прикажете ли?

Беркутов. Не нюхаю; а впрочем, позвольте! (Нюхает.) Чем это он пахнет?

Чугунов. Жасмином-с. Нарочно произрашаю: и цветок приятно иметь в доме на окне, и запах-с. Хорошие табаки стали из моды выходить. Прежде был табак под названием «Собрание любви», – вот, я вам доложу, Василий Иванович, табак был... Так что же вам угодно насчет местности?

Беркутов. Видите ли, поговаривают о Сибирской железной дороге; мы, как здешние помещики, заинтересованы в этом деле; и если нет никаких физических препятствий, гор, например...

Чугунов. Препятствий и гор нет-с, плоская губерния. Только что же мы будем доставлять в Сибирь, какие продукты?

Беркутов. Продукты есть, Вукол Наумч.

Чугунов. Интересно послушать-с.

Беркутов. Я думаю, вам случалось читать в газетах, что в последнее время много стало открываться растрат, фальшивых векселей и других бумаг, подлогов и вообще всякого рода хищничества. Ну, а по всем этим операциям находятся и виновные; так вот эти-то продукты мы и будем посылать в Сибирь, Вукол Наумч.

Чугунов. Шутить изволите.

Беркутов. Какие шутки! Да вот, недалеко ходить, сейчас один молодой человек сам сознался, что наделал фальшивых векселей.

Чугунов (качая головой). Скажите пожалуйста, какие дела творятся на белом свете!

Беркутов. Как его фамилия-то? Горецкий, кажется.

Чугунов. Горецкий... позвольте! Есть такой, есть-с... слышал.

Беркутов. Он говорит, что его принудили, и черновые представил, с которых его списывать заставляли.

Чугунов. Очень нужно путать людей! Не понимаю. Ведь уж ему не легче от того будет. Молод еще.

Беркутов. Он еще сознался, что вексель на госпожу Купавину писал, а Евлампия Николаевна сегодня заявляет, что у нее похищен бланк.

Чугунов. Какие дела-то!

Беркутов. Вот что, Вукол Наумыч, не с вами ли вексель-то? А коль не с вами, так принесите его поскорей!

Чугунов. Нет, зачем же-с! Я вам очень благодарен, Василий Иванович.

Беркутов. За что же?

Чугунов. Предупредили. Я теперь вексель уничтожению предаю. Пусть Горецкий путает, а я и знать не знаю, у меня и не было никакого.

Беркутов. Жаль! Вам, хоть не всю сумму, а все-таки что-нибудь получить надо бы по этому векселю.

Чугунов. Да, конечно, Василий Иванович, надо бы. Ведь какой благородный поступок-то с моей стороны! Выдают бланки зря... Да другой бы, помилуйте... Кому ж нужно от своего счастья отказываться!

Беркутов. Справедливо, Вукол Наумыч, справедливо. Да и Евлампью Николаевну надо наказать, чтобы она была вперед осторожнее.

Чугунов. Надо наказать, Василий Иванович, надо. Как это можно бланки выдавать! Отберут имение-то как раз. Вот я только три тысячи написал, а ведь у всякого ли совесть-то такая, как у меня.

Беркутов. Укоротите вексель-то немного, Вукол Наумыч; напишите, что получили часть в уплату; а остальные Евлампия Николаевна заплатит. Доставайте вексель! Вот чернила и перо!

Чугунов. Слушаю-с! (Вынимает вексель, надевает очки, берет перо.) Как писать прикажете, Василий Иванович?

Беркутов. По сему векселю получено в уплату две тысячи...

Чугунов. Тысячу рублей только оставляете? Маленько, Василий Иванович.

Беркутов. Нет, и тысячи рублей много, Вукол Наумыч.

Чугунов. А какое благородство с моей стороны!

Беркутов. Вот мы его и оценим как следует. (Диктует.) Получено в уплату две тысячи пятьсот...

Чугунов. Только пятьсот? Уж это даже несколько и обидно.

Беркутов. Нет, и не пятьсот, а меньше. Пишите, пишите! Две тысячи пятьсот пятьдесят рублей. Почему я прибавил эти пятьдесят рублей, я вам скажу после. Остальные получите.

Чугунов (положив вексель в карман). Покорнейше вас благодарю, чувствительнейшую вам приношу благодарность.

Беркутов. Когда ваш племянник рассказал мне все дела и ваши черновые представил, я сначала хотел ехать к прокурору.

Чугунов. Нет, зачем к прокурору! Вам, Василий Иванович, в такие грязные дела путаться какой расчет? Только срам.

Беркутов. А потом рассудил переговорить прежде с Меропой Давыдовной и с вами.

Чугунов. Очень хорошо и основательно поступили. Мало, что ль, у прокурора дел-то и без наших!

Беркутов. А чтоб ваш племянник не болтал тут, чего не нужно... Он какой-то сорвиголова!

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Чугунов. Шальной мальчишка!

Беркутов. Я его отправил в Вологду обойти мои леса; он уж теперь катит на пароходе. На дорогу я ему дал пятьдесят рублей; а ведь это ваша была обязанность, Вукол Наумыч; вот эти-то пятьдесят рублей я у вас и вычел.

Чугунов. Очень хорошо-с. Долго ли погостите у нас, Василий Иванович?

Беркутов. Еще не знаю. Как дела позволят.

Чугунов. Коли будет какое делишко, так не обойдите, по старому знакомству!

Беркутов. Непременно, Вукол Наумыч, непременно.

Чугунов. Вот гости, должно быть. До приятного свидания-с! (Уходит.)

Входят Купавина и Анфуса, из гостиной выходит Мурзавецкая.

Явление седьмое

Беркутов, Мурзавецкая, Купавина, Анфуса.

Мурзавецкая (Купавиной). Ну, вот и хорошо сделала, что приехала, родная моя. Старших уважай.

Купавина. Я очень жалею, Меропа Давыдовна, что подала вам повод к неудовольствию.

Мурзавецкая. Кто старое помянет, тому глаз вон.

Беркутов. Евлампия Николаевна, я ваше поручение исполнил.

Купавина. Благодарю вас.

Беркутов. Меропа Давыдовна и племянник ее считают себя совершенно удовлетворенными и никаких претензий на вас более не имеют. Так ли, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая. Он правду говорит, правду. Посылай таких адвокатов, так всегда из воды суха выдешь.

Купавина. Значит, я всем обязана вам. Сколько же я вам должна?

Беркутов. Сочтемся после, Евлампия Николаевна.

Мурзавецкая (Беркутову). Пошел бы ты закусил что-нибудь! Времени-то много; чай, с утра из усадьбы-то? Поди-ка, мать Анфуса, похозяйничай за меня! Мы сейчас придем.

Анфуса. Да, уж... с дороги-то... и я уж...

Уходят Беркутов и Анфуса.

Явление восьмое

Мурзавецкая, Купавина.

Мурзавецкая. Извини меня, друг мой, что я строго так обошлась с тобой! Я ведь любя.

Купавина. Я не понимаю, чем я виновата. Вы делаете такие угрозы...

Мурзавецкая. И всегда буду делать угрозы, и всегда... Нет, ты виновата, виновата, у меня сердце болит глядеть на тебя. Еще не так тебя надо пугнуть.

Купавина. Да чем же я виновата?

Мурзавецкая. Зачем живешь одна? Отчего замуж не выходишь? Что хорошего! Только дела запутываешь да имение расстроиваешь. На Чугунова-то плоха надежда.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Купавина. Да ведь вы сами его рекомендовали.

Мурзавецкая. А разве в них влезешь? Он вот плут оказывается порядочный!

Купавина (подумав). Нет, как хотите, я за него не пойду; я не чувствую к нему никакого расположения.

Мурзавецкая. К кому?

Купавина. К Аполлону Викторычу.

Мурзавецкая. Да кто тебя неволит! Я думала, что ты его любишь; а нет, так и не надо. Твоя воля, выбирай любого!

Купавина. Из кого выбирать-то?

Мурзавецкая. Подумай! Да ты бы не прочь, кабы нашелся хороший человек?

Купавина. Отчего же нейти! Я и сама вижу, что мое хозяйство плохо.

Мурзавецкая (тихо). Беркутов-то долго здесь проживет?

Купавина. Нет, он на несколько дней. Да в нем никакого расположения ко мне незаметно.

Мурзавецкая. Жаль. А я было уж...

Купавина. Нет, как можно навязываться!

Мурзавецкая. Ну, а если он сам...

Купавина. Нет, ему нужно побогаче.

Мурзавецкая. Ну да, ах Боже мой! Мало ль что? Может, вдруг фантазия придет.

Купавина. Не знаю.

Мурзавецкая. Разумеется, коли он на несколько дней, да и не ухаживает...

Купавина. Нисколько. И не думает ухаживать.

Мурзавецкая. Так нечего делать. Знаешь что? Нет ли у него в Питере какой?

Купавина. Должно быть, есть.

Мурзавецкая. Какая-нибудь из немков. Ну, мы хоть так поговорим с тобой... А если б он?..

Купавина. Право, я не знаю, что вам сказать.

Мурзавецкая. Да чего стыдиться-то? Мне-то ты скажи!

Купавина. Да зачем вам?

Мурзавецкая. Разве ты меня не знаешь? Страсть моя знать все на свете и соваться во все дела, где меня не спрашивают.

Купавина. Да отчего ж?.. Я бы с удовольствием.

Мурзавецкая. Вот и ладно. (Громко.) Василий Иваныч, поди сюда!

Купавина. Ах, позвольте! Что вы?

Мурзавецкая. Молчи уж! Мне только твое желание надо было знать, – ты мне дорога-то, а на них нечего смотреть! Я умею с ними обращаться, вот посмотри! Только уж помни русскую пословицу: давши слово, держись, а не давши, крепись! Василий Иваныч!

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Входит Беркутов.

Явление девятое
Мурзавецкая, Купавина, Беркутов.

Мурзавецкая. Василий Иванович, целуй ручку у Евлампии Николаевны!

Беркутов. Готов всегда с величайшим удовольствием!

Мурзавецкая. Бог вас благословит!

Беркутов. Что значат эти слова ваши, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая. А то, что я тебя женить хочу. Что живешь, только небо коптишь!

Беркутов. Уж очень вы много власти берете надо мной, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Извини, голубчик! Вижу я сиротство твое, родных у тебя нет, – надо и об тебе кому-нибудь позаботиться.

Беркутов. Хорошо, Меропа Давыдовна, что я люблю Евлампью Николаевну, и люблю давно; а если б не так, вы бы поставили нас в затруднительное положение.

Мурзавецкая. В затруднительное? Ошибаешься (стучит костылем), ошибаешься, говорю тебе. Я лучше вас знаю, что вам нужно: что тебе нужно, что ей. Ее душа мне известна; я в нее, как в зеркало, смотрю: вот я сейчас вижу, что она тебя любит. И тебе пора остепениться. Денег, что ль, больших ищешь? Так стыдно тебе! А ты душу ищи.

Беркутов. Слушаю, Меропа Давыдовна, слушаю-с!

Мурзавецкая. Вы, питерские, думаете, что вас и рукой не достанешь, что вам у нас и пары нет, а вот есть!

Беркутов (склонив голову). Евлампия Николаевна?..

Мурзавецкая (Купавиной). Что молчишь? Ну, так я за тебя скажу. Она рада-радехонька!

Купавина. Я женщина простая, хитрить не могу; я не умела скрыть своих чувств перед Меропой Давыдовной, не буду скрывать и перед вами.

Беркутов. Благодарю вас за счастье, которое вы мне доставляете! (Целует руку Купавиной.) Прошу вас зачислить меня вашим управляющим: это дело не терпит отлагательства.

Купавина. Сделайте одолжение!

Входит Чугунов.

Явление десятое
Мурзавецкая, Купавина, Беркутов, Чугунов, потом Павлин.

Беркутов (Купавиной). Вот ваш кредитор: вы ему должны по векселю.

Купавина. Я ничего не должна Вуколу Наумычу.

Чугунов (целуя руку Купавиной). За службу мою, за усердие векселек выдали.

Купавина. Я вам всегда деньгами платила.

Чугунов. Запомнили, сударыня, запомнили.

Беркутов. В самом деле, Евлампия Николаевна, долго ли забыть! Вукол Наумыч действительно заслуживает награды: он человек старательный. Приходите завтра, вы получите все, что следует. Благодарите Евлампью Николаевну.

Чугунов. Завтра со всеми детьми приду, в ноги кланяться заставлю.

Входит Павлин.

Павлин. Михайло Борисыч и Глафира Алексеевна! (Уходит.)

Входят Лыняев и Глафира.

Явление одиннадцатое

Мурзавецкая, Купавина, Беркутов, Чугунов, Глафира, Лыняев, потом Анфуса, Павлин.

Мурзавецкая. Вот как! Уж и вместе.

Глафира. Да чего ж мне церемониться, Меропа Давыдовна? Мишель очень дорог для меня, я не хочу с ним расставаться ни на минуту.

Мурзавецкая. Ну, будущая мадам Лыняева, просим любить да жаловать! Садитесь!

Лыняев. Меропа Давыдовна, извините меня, что я поторопился предложить руку Глафире Алексеевне, не спросив вашего дозволения!

Мурзавецкая. Не виновата я, батюшка, ни в чем не виновата.

Лыняев. Я вас и не виню; я прошу меня извинить.

Глафира. Он хочет поблагодарить вас. (Лыняеву.) Что ж ты молчишь, Мишель?

Лыняев (со вздохом). Да-с, поблагодарить...

Глафира. Ему особенно понравилась во мне моя кротость. (Бросая Лыняеву шаль.) На, Мишель, поддержи шаль! (Мурзавецкой.) Мое смирение. (Лыняеву.) Возьми хорошенько, не мни! (Мурзавецкой.) Моя скромность. А всем этим я обязана вам. (Лыняеву.) Ты все молчишь, Мишель, так уж я за тебя говорю.

Лыняев. Благодарен, Меропа Давыдовна, очень благодарен.

Мурзавецкая. Об одном, батюшка, я тебя прошу: не пеняй ты на меня, своя воля была. Вот эту пару так уж точно я сосватала, вот за них должна буду Богу отвечать; а вы, как знаете.

Лыняев (Беркутову). И ты женишься? Как ты скоро... Поздравляю тебя!

Глафира (Купавиной). Ты решилась наконец! Ну, поздравляю!

Купавина. Да, я все мечтала о свободе... а потом убедилась, что наше женское счастье неразлучно с неволей.

Мурзавецкая. Не клевети, матушка, на женщин! Всякие бывают; есть и такие, что не только своим хозяйством, а хоть губернией править сумеют, хоть в Хиву воевать посылай. А мужчины есть тоже всякие: есть вот и такие молодцы (показывает на Беркутова), а то видали мы и таких, что своей охотой к бабам в лакеи идут.

Лыняев. Да, на свете волки да овцы, волки да овцы.

Павлин вносит кофе.

Глафира (принимая чашку). Мишель, сделай милость, поддержи мой зонтик! (Смеется.) Ах, у тебя все из рук валится.

Мурзавецкая (Беркутову). Зиму-то здесь будете жить?

Беркутов. Я думаю, что Евлампии Николаевне приятнее будет эту зиму провести в Петербурге.

Купавина. Да, конечно.

Мурзавецкая (Лыняеву). А вы?

Глафира. Мы эту зиму будем жить в Париже.

Лыняев. Мы в Париже.

Беркутов. А уж на лето к вам, под ваше крылышко.

Лыняев. И я тоже.

Глафира. Ах, нет, Мишель, ведь мы еще не решили. Я думаю провести лето в Швейцарии.

Лыняев. Да, мы еще не решили.

Беркутов. Меропа Давыдовна, благодарю вас за радушный прием и за участие, которое вы во мне приняли! Позвольте предложить вам этот маленький подарок. (Подает Мурзавецкой коробочку.) Это аквамариновые четки! Господа, я пробыл здесь недолго, но уж имел возможность вполне оценить эту во всех отношениях редкую женщину. Желательно, чтоб наши передовые люди всегда относились с глубоким уважением к Меропе Давыдовне. Мы должны подавать пример другим, как нужно уважать такую почтенную старость!

Чугунов (утирая слезы). Все правда, все правда!

Мурзавецкая. Благодарю, Василий Иванович, благодарю! (Целует Беркутова в голову.) Ну, батюшка, видала я на своем веку всяких людей, а таких, как ты, не приводилось. (Тихо.) Ну, я твое дело сделала, а ты мое как?

Беркутов. Уладится благополучно. Вам Чугунов скажет.

Купавина. Поедьте, господа! До свиданья, Меропа Давыдовна! Нам еще с Глафирой Алексеевной нужно все магазины объездить. Вы уж позвольте мне ее взять к себе.

Мурзавецкая. Ах, матушка, с руками отдаю.

Глафира. Мишель, ты с нами?

Лыняев. У Евлампии Николаевны коляска ведь двухместная.

Глафира. Так что ж, Мишель? Сядь на козлы! Свой экипаж отдай Анфусе Тихоновне! Анфуса Тихоновна!..

Анфуса входит.

Поезжайте на лошадях Мишеля!

Анфуса. Хорошо уж... прощайте.

Лыняев. Да как же возможно мне, с моим сложением, на козлы? Да еще двенадцать верст трястись до усадьбы!

Глафира. Послушай меня, Мишель! Тебе это очень полезно: ты толстеешь так, что ни на что не похоже. Мы в Париж поедем, ведь самому будет совестно таким медведем приехать.

Уходят Беркутов, Купавина, Лыняев, Глафира и Анфуса.

Явление двенадцатое
Мурзавецкая, Чугунов, потом Мурзавецкий.

Чугунов (у окна). В Париж да в Петербург! Что денег-то увезут из губернии!

Мурзавецкая. Что? Смаклерил дело-то хорошо? Благодарю! Осрамил было благородную, уважаемую даму.

Чугунов. Да вы уж хоть повесьте меня, а не воротишь!

Мурзавецкая. Что тебе, крысе, Беркутов-то говорил?

Чугунов. Все шито да крыто; и Клашку, чтоб он не болтал тут, в Вологду услал

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Василий Иванович.

Мурзавецкая. Вот золотой-то человек! Я его в поминанье запишу. Запиши его ко мне в поминанье, да и к себе запиши!

Чугунов. Золотой-то он – точно золотой; а я вам вот что скажу! За что нас Лыняев волками-то называл? Какие мы с вами волки? Мы куры, голуби... по зернышку клюем, да никогда сыты не бываем. Вот они волки-то! Вот эти сразу помногу глотают.

За сценой слышен крик: «Тамерлан, Тамерлан!» Вбегает Мурзавецкий в отчаянии.

Мурзавецкий. Нет, ма тант, нет! Я не переживу.

Мурзавецкая. Успокойся, Алоллоша, успокойся!

Мурзавецкий (опускаясь на стул). Нет, ма тант, лучшего друга моего...

Мурзавецкая. Ну, что ж делать-то?

Мурзавецкий. Лучшего друга, ма тант... Где pistols?

Мурзавецкая. Что ты... грех какой!

Мурзавецкий. Нет, застрелюсь, застрелюсь!.. Уж заряжен, ма тант, заряжен.

Мурзавецкая. Ах, бедный! Как тебе это...

Мурзавецкий. Да, ма тант, лучшего друга... Близ города, среди белого дня, лучшего друга... Тамерлана... волки съели!

Мурзавецкая. Тьфу ты! А я думала...

Чугунов. Близ города, среди белого дня! Есть чему удивляться!.. Нет... Тут не то что Тамерлана, а вот сейчас, перед нашими глазами, и невесту вашу с приданым, и Михаила Борисыча с его имением волки съели, да и мы с вашей тетенькой чуть живы остались! Вот это подиковинней будет.

Богатые невесты
Комедия в четырех действиях
Действие первое
ЛИЦА:

Анна Афанасьевна Цыплунова, пожилая дама.

Юрий Михайлович Цыплунов, ее сын, лет 30-ти.

Всеволод Вячеславич Гневышов, важный барин, действительный статский советник в отставке, лет под 60.

Валентина Васильевна Белесова, девица лет 23-х.

Антонина Власьевна Бедонегова, богатая вдова, купчиха, лет под 40.

Виталий Петрович Пирамидалов, мелкий чиновник.

Действие происходит в подмосковной местности, занятой дачами. С правой стороны (от зрителей) садовая решетка и калитка, за решеткой сад; с левой стороны дача Бедонеговой, на сцену выходит деревянная терраса, покрытая парусиной; в глубине роща.

Явление первое
Бедонегова сидит на террасе; Пирамидалов выходит из садовой калитки.

Бедонегова. Виталий Петрович! Виталий Петрович!

Пирамидалов. Честь имею кланяться, Антонина Власьевна. Что вам угодно?

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Бедонегова. Да подойдите поближе, не укушу я вас.

Пирамидалов. Ах, Антонина Власьевна, я с ног сбился. Их превосходительство... на даче их нет... Вы не видели Всеволода Вячеславича?

Бедонегова. Да я и не знаю совсем, какой он такой ваш Всеволод Вячеславич.

Пирамидалов. Как? Вы не знаете генерала Гневышова, Всеволода Вячеславича?

Бедонегова. Да он холостой?

Пирамидалов. Нет, женатый.

Бедонегова. Так зачем мне и знать-то его! Идите ко мне чай пить.

Пирамидалов. Да помилуйте, какой чай! Мне Всеволода Вячеславича нужно видеть; приказали встретить их здесь в шесть часов. Боюсь, не опоздал ли. (Смотрит по сторонам.)

Бедонегова. Виталий Петрович, Виталий Петрович!

Пирамидалов. Что вам угодно?

Бедонегова. Нынешним летом я себе никакого удовольствия не вижу.

Пирамидалов. Ах, очень жалею, очень жалею...

Бедонегова. Переехала на дачу, думала себе удовольствие иметь; а никакого не вижу.

Пирамидалов. Да уж я-то не виноват, Антонина Власьевна.

Бедонегова. Прошное лето здесь жила, много удовольствия себе видела... (Нежно.) И вы здесь жили. (Печально.) Где вы теперь живете?

Пирамидалов. В Москве, Антонина Власьевна.

Бедонегова. А вот нынче живу, так никакого... (С сердцем.) Куда вы это все смотрите?

Пирамидалов. Я уж сказал вам, что Всеволода Вячеславича дожидаясь.

Бедонегова. Вы фальшивите, – вы какую-нибудь девушку посматриваете!

Пирамидалов. Ну, вот еще, нужно очень. До того ли мне?

Бедонегова. Да, право, так. Какие эти мужчины! Увидят молоденькую девушку – так уж как глаза-то таращат. А разве не все равно вообще весь женский пол?

Пирамидалов (посмотрев на часы). Как мне приказано, так я и явился, теперь ровно шесть часов.

Бедонегова. Вы не соседку ли высматриваете?

Пирамидалов. Я вам сказал, что генерала жду. Какую еще соседку?

Бедонегова. А вот что дачу-то напротив наняла, она вчера переехала.

Пирамидалов. Так это моя знакомая, что мне ее посмотреть-то! Я и так каждый день ее вижу, да и всегда, когда мне угодно.

Бедонегова. Какого она роду?

Пирамидалов. Роду-то? Роду хорошего.

Бедонегова. Девица?

Пирамидалов. Девица.

Бедонегова. А знакомство какое у ней?

Пирамидалов. И знакомство хорошее.

Бедонегова. Что ж она замуж нейдет?

Пирамидалов. Да почем же я знаю, помилуйте!

Бедонегова. Нет, вы знаете, да только сказать не хотите. Да ведь я все вызнаю, все доподлинно; я ее прислугу выпрошу, вы от меня своих подлостей не скроете. Я вот позову к себе ее горничную девушку чай пить – вот все и узнаю. Виталий Петрович, Виталий Петрович!

Пирамидалов оглядывается.

Приданое есть за ней?

Пирамидалов. Будет приданое богатое.

Бедонегова. А будет приданое, будут и женихи, – где мед, там и мухи. Виталий Петрович, я говорю, что женихи у ней будут.

Пирамидалов. А будут так будут – до меня это не касается.

Бедонегова. Ну, как, чай, не касаться? Деньги всегда до людей касаются.

Пирамидалов (про себя). Не бежать ли в рощу? (делает несколько шагов и потом останавливается.) Пожалуй, еще разойдемся; уж лучше здесь подожду.

Бедонегова. Виталий Петрович!

Пирамидалов. Что прикажете?

Бедонегова. Я сама замуж хочу идти.

Пирамидалов. Сделайте одолжение! На здоровье!

Бедонегова. Нет, что же вы так? Вы не подумайте...

Пирамидалов. Я ничего и не думаю.

Бедонегова (печально). Я от скуки.

Пирамидалов. Да от скуки ли, от веселья ли, мне решительно все равно.

Бедонегова. Виталий Петрович!

Пирамидалов. Извольте говорить, я слушаю.

Бедонегова. У меня ведь деньги есть, и даже очень много.

Пирамидалов. Ну, и слава богу.

Бедонегова. И вотчина есть.

Пирамидалов. Какая вотчина?

Бедонегова. Дом каменный с лавками.

Пирамидалов. Все это прекрасно, Антонина Власьевна. А вот, кажется, Всеволод Вячеславич идут.

Бедонегова. Виталий Петрович, как отпустит вас генерал, заходите ко мне закусить, мадерцы выпьем.

Пирамидалов. Пожалуй, поздно будет.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Бедонегова. Да ничего, хоть и запоздаете.

Пирамидалов. Извозчика не найдешь, мне в Москву надо.

Бедонегова. Я вам лошадь дам; так же у меня стоят. (Уходит.)

Гневышов и Белесова входят, разговаривая. Пирамидалов почтительно кланяется.

Явление второе
Пирамидалов, Гневышов и Белесова.

Гневышов (Пирамидалову). А! Вы?

Пирамидалов. Я-с, ваше превосходительство.

Гневышов. Подождите, мой милый! (Белесовой.) Н... да-с, что же далее?

Белесова. Это меня начинает беспокоить.

Гневышов. Ах, мой друг, ну, стоит ли беспокоиться!.. Пусть его смотрит. Не обращать внимания, только и всего.

Белесова. Я стараюсь не обращать на него внимания, но не могу. Он не преследует меня; он смотрит всегда издали, из-за угла, из-за куста; где б я ни была, я вперед знаю, что эти неподвижные глаза откуда-нибудь смотрят на меня, – и я сама невольно оглядываюсь и ищу их.

Гневышов. Странно, очень странно. Кто он такой, вы не знаете?

Белесова. Не знаю. В лице есть что-то знакомое, но никак не могу припомнить.

Гневышов. И порядочный человек?

Белесова. Что за вопрос! Разве другие люди существуют для меня? Очень порядочный, иначе я не стала бы и говорить.

Гневышов. А давно это?

Белесова. Не более шести или семи дней.

Гневышов. Где же вы его видели?

Белесова. Везде. Я его встречала и в Москве... а вчера и сегодня здесь. Этот инквизиторский взгляд мне становится страшен; мне кажется, что он устремлен не на лицо мое, а прямо ко мне в душу и требует от меня какого-то ответа, какого-то отчета.

Гневышов. Вы даете значение самой пустой, обыкновенной вещи. Вы преувеличиваете, мой друг.

Белесова. Я ничего не преувеличиваю. Конечно, я не знаю, с какими мыслями он смотрит на меня; я вам говорю только о том, какое действие производит на меня его взгляд. Есть положения, в которых долгий и серьезный взгляд непереносим: в нем укор, в нем обида, он будит совесть. (С упреком.) А вы сами знаете, что мне, для моего спокойствия, надо усыплять совесть, а не будить ее.

Гневышов. Вы стали очень нервны. Успокойтесь; все это объясняется очень просто: этот молодой человек влюблен в вас.

Белесова. Странная любовь! Зачем же он в таком случае бежит от меня? Сегодня утром мы встретились в роще довольно близко, он бросился в кусты и убежал. Мне иногда приходит в голову, не сумасшедший ли он.

Гневышов. Очень может быть. Вот вам новое доказательство того, какое могущество, какую силу имеет ваша красота: от вас уж буквально люди сходят с ума.

Белесова. Ну, довольно. Пора чай пить, пойдете!

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Гневышов. Идите, идите, я себя ждать не заставлю. Мне нужно сказать несколько слов Пирамидалову.

Белесова уходит в калитку.

Явление третье
Гневышов, Пирамидалов.

Гневышов. Я надеюсь, мой милый, что вы аккуратно исполнили то, что я вам говорил?

Пирамидалов. Все исполнил, ваше превосходительство.

Гневышов. Вы должны помнить, что для знакомства с Валентиной Васильевной я желаю людей солидных, семейных – то что называется людьми вполне почтенными. Нужды нет, если они будут немного старого покроя, это даже лучше: такие люди учтивее в обращении и почтительнее. Где же и взять других? В этой местности люди светские не живут, а хорошие семейства средней руки иногда попадаются.

Пирамидалов. Совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Гневышов. Валентина Васильевна желала иметь дачу в местности здоровой и подальше от города, нисколько не заботясь о том, каковы будут ее соседи; но это совсем не значит, чтоб она обрекла себя на одиночество и скуку. Хорошо бы познакомить с ней какую-нибудь пожилую даму, с которой она могла бы и гулять, и быть постоянно вместе. Ну, говорите, что вы узнали о здешних дачниках.

Пирамидалов. Вот напротив, ваше превосходительство, живет одна дама, богатая вдова, купчиха Бедонегова.

Гневышов. Вы с ней знакомы?

Пирамидалов. Прошное лето познакомился.

Гневышов. Ну что ж, как она?

Пирамидалов. Я полагаю, ваше превосходительство, что для Валентины Васильевны..

Гневышов. Прошу не полагать и заключений не выводить. Вы только докладывайте по порядку, – а это уж мое дело знать, что нужно и чего не нужно для Валентины Васильевны. Ну, что же эта вдова, эта дама, как вы ее называете.. она белится, румянится, пьет мадеру?

Пирамидалов. Так точно, ваше превосходительство.

Гневышов. Далее?

Пирамидалов. Госпожа Цыплунова.

Гневышов. Я, кажется, что-то слышал о Цып... Цып... Как?

Пирамидалов. Цыплунова-с.

Гневышов. Нет, то молодой человек. Он был мне представлен, его мне очень хвалили, как отлично образованного и примерно способного чиновника. Он ваших лет и уж, кажется, надворный советник.

Пирамидалов. Коллежский, ваше превосходительство.

Гневышов (строго). Ну, вот видите.

Пирамидалов. Это вы про ее сына изволили слышать. Госпожа Цыплунова дама очень почтенная-с.

Гневышов. Да... дама... ну, что ж эта дама... какое у нее знакомство?

Пирамидалов. Никакого-с. Она ведет уединенную жизнь, не знает ни удовольствий, ни развлечений, живет только для сына; а он человек дикий.

Гневышов. Как дикий? Обдумывайте выражения! Вы всегда прежде подумайте, а потом и говорите. Почему он дикий?

Пирамидалов. Сидит все дома за бумагами да за книгами, не бывает нигде в обществе, даже и у товарищей; бегают от женщин. А если с ним женщина заговорит, он краснеет и конфузится. Он все молчит-с.

Гневышов. Неправда, он говорит прекрасно и даже красноречиво.

Пирамидалов. Да, если о делах-с; а с женщинами уж не может.

Гневышов. Так это скромный, а не дикий. Ко всем его прекрасным качествам это еще новое и очень-очень дорогое, и еще более располагает в его пользу. Вы не знаете названия вещей. Я вам говорю, дикий – это... это sauvage... это разрисованный, tatoué... это совсем другое.

Пирамидалов. Виноват, ваше превосходительство!

Гневышов. Ваша развязность может нравиться только таким дамам, как ваша вдова Бедонегова; а его скромность приобретает ему расположение начальства и вообще лиц высокопоставленных. Ну, довольно, других соседей я знать не желаю. Вот вам, мой милый, еще поручение, постарайтесь исполнить его хорошенько!

Пирамидалов. Слушаю, ваше превосходительство!

Гневышов. Познакомьте меня с мадам Цып... Цып... Как?

Пирамидалов. Цыплунова.

Гневышов. Да, Цыплунова. Вы ее сначала предупредите, скажите, что я, генерал Гневышов, желаю с ней познакомиться и познакомить с ней тоже мою родственницу, которая переехала сюда на дачу и будет жить все лето. Слышите, родственницу...

Пирамидалов. Слушаю, ваше превосходительство.

Гневышов. Вы сделайте это сегодня же, сейчас же! Постарайтесь, чтоб я встретил вас с ней во время прогулки!

Пирамидалов. Вы, ваше превосходительство, вероятно, пойдете в рощу...

Гневышов. Совсем не вероятно. Вы слушайте и делайте, что вам приказывают. Чтобы соображать вероятности, надо иметь гораздо больше ума, чем вы имеете. Гуляйте здесь, мимо дач! В рощу я вечером не пойду, потому что там будет сыро.

Пирамидалов. Я сейчас же и отправлюсь прямо к ним на дачу.

Гневышов. Ступайте! (Уходит в калитку.)

Пирамидалов уходит в лес. На террасе показывается Бедонегова.

Явление четвертое
Бедонегова, потом Цыпунов и Цыплунова.

Бедонегова (громко). Виталий Петрович, Виталий Петрович! Куда же вы? Подождите немножко! Ушел. Зачем он бегают по дачам, чего он там еще ищет? У меня ему уж чего бы лучше, кажется. Как трудно понимать мужчин! А, вот Анна Афанасьевна с сыном! Ах, как он мил! Ах, какой интересный молодой человек!

Входят Цыплунова и Цыпунов.

Здравствуйте, Анна Афанасьевна, здравствуйте, Юрий Михайлович!

Цыпуновы молча раскланиваются.

Сделайте одолжение, зайдите хоть на минуточку чайку выпить!

Цыплунова. Благодарю вас, мы уже пили.

Бедонегова. Юрий Михайлович, когда же, когда же? Долго ли мне ждать-то? Ах, обманщик! Сколько раз вы обещали! Ну, хоть на одну минуту... ну, рюмочку мадеры.

Цыплунов. Извините, – я занят делом весь день и только вечером имею немного свободного времени, чтобы отдохнуть, чтобы воспользоваться прогулкой и подышать чистым воздухом. Я зайду к вам завтра.

Бедонегова. Это я каждый день слышу от вас. И вам не жалко обманывать женщину, которая... с таким чувствительным сердцем?..

Цыплунов. Что делать! К сожалению, я должен признаться, что не могу своей особой доставить много практики для вашего чувствительного сердца.

Бедонегова. Ах, какая скука! Нынешнее лето я так мало вижу удовольствия для себя. Так не забудьте же, завтра я буду ждать вас.

Цыплунов кланяется. Бедонегова уходит с террасы.

Цыплунова. Это грубо, мой друг. Так не говорят с женщинами.

Цыплунов. Как же можно с ней говорить иначе, коли она чуть не бросается на шею каждому мужчине?

Цыплунова. Она богатая вдова, уж в годах; нельзя же требовать от нее, чтобы она вела себя как институтка. Ей скучно жить одной, она хочет выйти замуж и употребляет для этого средства, какие знает. Впрочем, я никогда не слыхала, чтобы про нее говорили что-нибудь дурное; напротив, все ее считают доброй и хорошей женщиной. Да и просто как женщина она имеет право требовать если не уважения, так по крайней мере учтивости с твоей стороны.

Цыплунов. Ах, боже мой, я готов уважать женщин, готов благоговеть перед ними; но зачем же они мелочны, зачем смешны! Вот чего им простить нельзя, не говоря уж о проступках.

Цыплунова. А за проступки ты бы казнил их смертной казнью? Ах, предоставь ты женщинам жить, как они хотят. Ты слишком тяжелую опеку берешь на себя: ведь их так много, мой друг.

Цыплунов. Чего я не вижу, до того мне и дела нет. Но когда в моих глазах унижается тот высокий идеал, который я себе создал, когда женщины с какой-то навязчивой откровенностью обнаруживают свои самые непривлекательные стороны, – не могу же я не замечать этого. Вот отчего я и избегаю общества и предпочитаю уединение.

Цыплунова. Но разве ты не замечаешь, что уединение губительно действует на твое здоровье? Ты человек деловой, постоянно занят умственной работой, – тебе непременно нужно хоть какое-нибудь развлечение. Юша, твое здоровье начинает меня беспокоить.

Цыплунов. Разве я переменялся?

Цыплунова. Да, очень, особенно в последние два-три дня. Нет ли у тебя чего-нибудь такого, о чем бы нужно было поговорить со мной?

Цыплунов. Нет, решительно ничего.

Цыплунова. Ну, не хочешь ли ты послушать, что я тебе скажу?

Цыплунов. Я готов, извольте.

Цыплунова. Ты скучаешь, Юша?

Цыплунов. Да, я не скрою от вас, я скучаю.

Цыплунова. В твои года любят.

Цыплунов (со вздохом). Да, любят, это правда, любят.

Цыплунова. В твои года женятся.

Цыплунов. Да, и женятся.

Цыплунова. И женатые не скучают, им некогда скучать: у них заботы, хлопоты, семейные радости, дети. Кто любит свою жену и детей, тот уж не может скучать.

Цыплунов. Все это правда, совершенная правда.

Цыплунова. Так женись!

Цыплунов. Что вы, что вы? На ком? Разве это возможно?

Цыплунова. Отчего ж невозможно? Значит, пары тебе нет на белом свете, достойных тебя нет? Бедные женщины!

Цыплунов. Может быть, и есть, но где искать их? Я любил не один раз в моей жизни; но вы сами знаете, почему я не женился. Всякий раз моя любовь оканчивалась или горьким разочарованием, или еще хуже, меня просто обманывали.

Цыплунова. И всегда виноват ты сам, потому что ты никогда не даешь себе труда разглядеть хорошенько женщин, которых ты удостоиваешь своей любви, – предполагаешь в них какие-то небывалые добродетели и требуешь от них того, чего в них нет.

Цыплунов. Может быть... но есть еще и другие причины.

Цыплунова. Какие?

Цыплунов. Из уважения к вам, к вашему полу, я бы не желал говорить о них.

Цыплунова. Ах, говори, сделай милость!

Цыплунов. То, что я скажу, очень нехорошо.

Цыплунова. Да говори, говори!

Цыплунов. Быть может, я ошибаюсь, но мне всегда казалось, что женщины отдают явное и очень обидное предпочтение людям нестрогой нравственности и даже иногда порочным перед людьми чистыми. Мало того, к людям совершенно чистым они показывают какую-то ненависть. Извините, мне так кажется.

Цыплунова. И ты думаешь, что сказал что-нибудь очень ужасное про женщин, что-нибудь очень обидное для нас? Так знай же, что женщины совершенно правы в этом случае, – потому что нет более несносных деспотов, как вы, люди чистые. Вы создаете в своем воображении каких-то небывалых богинь, да потом и сердитесь, что не находите их в действительности. Вы, чистые натуры, не только не прощаете, но даже готовы оскорбить любимую женщину, если она не похожа на те бледные, безжизненные шаблоны, которые созданы вашим досужим воображением.

Цыплунов. Как трудно жить на свете!

Цыплунова. Да, для тех, кому досадно, что свет идет так, как надо, а не так, как им хочется, должно быть, действительно трудно. Но что ж делать, этого поправить нельзя. Ну, а теперь ты в кого влюблен?

Цыплунов. Вы думаете, что я влюблен?

Цыплунова. Очень похоже на то.

Цыплунов. Да, похоже.

Цыплунова. Ну, в кого же?

Цыплунов. Помните вы, лет десять тому назад у нас часто бывала одна девочка?

Цыплунова. Мало ли девочек я видала на своем веку?

Цыплунов. Эту забыть нельзя. Ей было лет тринадцать или четырнадцать, но она была совершенный ребенок, вся прозрачная, тоненькие пальчики... Сколько в ней было детского кокетства, как она грациозно встряхивала и закидывала за уши свои пепельные волосы!

Цыплунова. А, помню, – это Белесова, Валентиночка, сирота.

Цыплунов (задумчиво). Да, Валентиночка.

Цыплунова. Как это ты об ней вспомнил и зачем? Неужели в мечтах-то у тебя она все еще девочка?

Цыплунов. Да, ангел-девочка!

Цыплунова. И ты не подумал, что она уж теперь большая, переменилась, вероятно подурнела, как это часто бывает, пожалуй и замужем. Да кто знает, жива ли она.

Цыплунов. Я ее встретил недавно, я ее вчера и сегодня видел.

Цыплунова. Узнала она тебя? говорил ты с нею?

Цыплунов. Ах, нет, я испуган, ошеломлен.

Цыплунова. Чем?

Цыплунов. Красотой ее.

Цыплунова. Вот как!

Цыплунов. Она, вероятно, замужем за богатым человеком; какой экипаж, какой костюм, какой гордый взгляд!

Цыплунова. Если ты ее видел здесь – значит, она живет неподалеку на даче. Надо справиться о ней.

Цыплунов. Нет, зачем! Мне хотелось только взглядеться хорошенько в нее; а то теперь в моем воображении ее детский образ и женский сливаются в каком-то странном сочетании: детская чистота как-то сквозится из-под роскошной женской красоты. (Опускает голову в задумчивости.)

Цыплунова. Нет, Юша, ты или возобнови знакомство с ней и узнай ее хорошенько, или выкинь вздор из головы и уж не мечтай о ее детской чистоте, а то эта мечта мешает тебе видеть других женщин, которые, может быть, гораздо лучше ее и более достойны твоей любви.

Цыплунов. Да, да, может быть... это все может быть. Но, я пойду... мне нужно рассеяться... я пойду поброжу... я один... (Уходит.)

Цыплунова. Как это некстати! Зимой Юша был болен и много работал; я думала, что он отдохнет и поправится на даче; а теперь эта встреча, эта страсть! Что она может доставить ему, кроме страдания! У кого бы узнать про Белесову? А вот, кажется, бежит Пирамидалов; он кругом Москвы все дачи и всех дачников знает, да и в Москве-то от него ничто не скроется.

Входит Пирамидалов. Бедонегова показывается на террасе.

Явление пятое

Цыплунова, Пирамидалов, Бедонегова.

Бедонегова. Виталий Петрович! Виталий Петрович!

Пирамидалов (отирая пот). Вот устал, так уж устал.

Бедонегова. Зашли бы закусить чего-нибудь, мадерцы...

Пирамидалов. Некогда, Антонина Власьевна, некогда. Здравствуйте, Анна Афанасьевна! А я вас искал, к вам на дачу бегал.

Бедонегова. Ну что, право, не зайдете! Зовешь, зовешь, не дозовешься.

Пирамидалов. Как все дела кончу, так непременно зайду.

Бедонегова. Ну, хорошо. Смотрите же, я ждать буду. Я ведь со всем расположением.. (Уходит.)

Пирамидалов (Цыплуновой). Анна Афанасьевна, я к вам по поручению от генерала Гневышова, от Всеволода Вячеславича.

Цыплунова. Я, Виталий Петрович, не имею счастья знать никакого генерала Гневышова.

Пирамидалов. Это все равно. Он слышал об вас и знает вашего сына.

Цыплунова. Ну, так что же?

Пирамидалов. Он просил меня предупредить вас, что желает с вами познакомиться.

Цыплунова. Да что за церемонии! И зачем я ему? Мы с сыном люди скромные и знакомств не только не ищем, а даже бегаем от них. Так вы и скажите вашему генералу.

Пирамидалов. Да позвольте! Вы, Анна Афанасьевна, послушайте сначала! Родственница Всеволода Вячеславича, девушка хорошей фамилии, переехала сюда на дачу, так их превосходительство желают...

Цыплунова. Что мне за дело до того, чего они желают.

Пирамидалов. Желают иметь общество для своей родственницы, компанию.

Цыплунова. Что вы, что вы, Виталий Петрович! Вы, кажется, меня в компаньонки приглашаете?

Пирамидалов. Вы не так меня поняли. Помилуйте! Ведь нельзя же девушке одной на даче... и погулять не с кем...

Цыплунова. Я и в провозатые тоже не пойду. Нет, вы заговорились. Вы лучше оставьте.

Пирамидалов. Так неужели вы отказываетесь?

Цыплунова. Конечно. Что ж тут удивительного?

Пирамидалов. В какое же вы меня положение ставите? Я хотел услужить их превосходительству; я уж обещал за вас.

Цыплунова. Напрасно. Вы услуживайте чем-нибудь другим, а меня уж оставьте в покое. Мне не до чужих, я, на сына глядя, измучилась.

Пирамидалов. Анна Афанасьевна, ведь вы меня губите, голову с меня снимаете. Ведь мне провалиться сквозь землю только и осталось.

Цыплунова. Уж как вам угодно.

Пирамидалов. Вы хоть поговорите с генералом.

Цыплунова. Да не стану я. Об чем мне с ним говорить!

Пирамидалов. Так я убегу, право убегу. И нужно было мне услуги предлагать! Так вот... слабость. Прощайте! Убегу и уж сюда ни ногой, встречаться с ним не стану.

Цыплунова. Погодите бежать-то! Не знали ли вы Белесову, Валентину?

Пирамидалов. Белесову? Да это она самая и есть.

Цыплунова. Как? Что вы? Так она...

Пирамидалов. Родственница Всеволода Вячеславича, о которой я вам говорил.

Цыплунова. Ах, так погодите. Я очень рада. Вы бы давно сказали.

Пирамидалов. Ну, ожил. Как гора с плеч. А вот и их превосходительство.

Гневыхов выходит из калитки. Пирамидалов бежит к нему навстречу.

Явление шестое

Цыплунова, Пирамидалов, Гневыхов.

Пирамидалов. Ваше превосходительство, Анна Афанасьевна Цыплунова очень-с...

Гневыхов (тихо). Это она?

Пирамидалов. Она-с. Она очень счастлива, что может сделать угодное вашему превосходительству.

Гневыхов, не слушая, снимает шляпу и кланяется Цыплуновой; делает знак рукою, чтобы Пирамидалов отошел назад. Пирамидалов, взглянув на Цыплунову, пожимает плечами и отходит.

Гневыхов (подходя к Цыплуновой). Рекомендуюсь, Всеволод Вячеславич Гневыхов!

Цыплунова. Очень приятно.

Гневыхов. Мы уже несколько знакомы; я знаю вашего сына. Для вас, вероятно, не редкость слышать похвалы ему; но я с своей стороны должен сказать вам, что его начальство имеет о нем самое лестное мнение.

Цыплунова. Благодарю вас.

Гневыхов. Вы живете на даче?

Цыплунова. Да, здесь на даче. Я для сына больше, он не совсем здоров.

Гневыхов. Да, здешняя местность в санитарном отношении лучшая из подмосковных. Вот тоже родственница моя, она дальняя, Валентина Васильевна Белесова...

Цыплунова. Я знала ее, когда она была еще ребенком.

Гневыхов. Да? Ну, вот и прекрасно. Ей будет очень приятно, да и вы, вероятно, несколько не прочь от того, чтобы возобновить знакомство.

Цыплунова. С удовольствием.

Гневыхов. И чем скорее, тем лучше, разумеется?

Цыплунова. Конечно.

Гневыхов. Валентина Васильевна взяла вот эту дачу. Дача так себе, не из важных.

Цыплунова. Здесь особенно роскошных дач нет.

Гневыхов. Роскоши и не нужно, это лишнее. Для людей порядочных если что необходимо, так это комфорт, удобства, без этого уж обойтись нельзя.

Белесова показывается у ворот своей дачи.

А вот и хозяйка этой дачи!

Явление седьмое

Цыплунова, Гневыхов, Белесова и Пирамидалов.

Цыплунова. Как она похорошела!

Гневыхов. Да, она красавица положительно. Красота – дело хорошее; но

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e нравственные качества в человеке должны стоять выше; и вы увидите...

Цыплунова. Я пойду к ней прямо. (Подходя к Белесовой.) Здравствуйте, Валентина Васильевна!

Белесова. Извините, пожалуйста...

Гневышов. Не узнаете старых знакомых, – это нехорошо.

Белесова. Право, я не помню.

Цыплунова. Не мудрено и забыть; и я бы вас не узнала; вы тогда были ребенком. Помните, на Арбате мы жили с вами в одном доме; Цыплунова.

Белесова. Теперь припоминаю. У вас был сын, молодой человек, Юрий... Юрий.

Цыплунова. Юрий Михайлович. Ну, уж теперь он не очень молодой...

Входит Цыпунов и издали смотрит на мать и Белесову.

Явление восьмое

Гневышов, Цыплунова, Белесова, Пирамидалов и Цыпунов; потом Бедонегова.

Цыплунова (увидав сына). Да вот, посмотрите сами, он очень переменялся с тех пор.

Белесова (взглянув на Цыплунова, Гневышову). Это он, это те самые глаза!

Гневышов. Очень рад; тем лучше, мой друг.

Цыплунова знаком подзывает сына.

Белесова (Гневышову). Почему же?

Гневышов. Я вам после объясню. Занимайтесь с ними!

Цыплунова (сыну). Юша, я встретила старую знакомую.

Цыпунов молча кланяется Гневышову и Белесовой.

Гневышов (подавая руку Цыпунову). Здравствуйте, молодой человек. Очень рад вас видеть.

Белесова (Цыпунову). Вы меня узнаете?

Цыпунов. Узнал с первого взгляда.

Белесова. Вот мы будем соседями, можем, если вам угодно, возобновить старую дружбу.

Цыпунов. О! Что касается меня... (Взглянув на мать, со вздохом.) Ах, маменька!

Гневышов (Белесовой). Пригласите их к себе.

Белесова (Цыпунову). Вы помните, как вы меня звали?

Цыпунов. Вы мне казались ангелом.

Белесова. Вы звали меня «ангельской душкой»; а теперь как я кажусь вам?

Цыпунов. Вы и теперь мне кажетесь тем же.

Белесова. Пойдемте ко мне на новоселье! Нам есть о чем поговорить, вспомним старое... (Цыпуновой.) Милости прошу! (Подает руку Цыпунову.)

Цыплунова, Цыпунов и Белесова входят в калитку.

Гневышов (Пирамидалову). Идите за мной! Вы мне будете нужны. (Идет в калитку.)

Пирамидалов за ним. На террасе показывается Бедонегова.

Бедонегова. Виталий Петрович! Виталий Петрович!

Пирамидалов, махнув рукой, уходит.

Вот опять его увели от меня! (Громко.) Виталий Петрович! Виталий Петрович!

Действие второе
ЛИЦА:

Гневышов.

Белесова.

Цыплунова.

Пирамидалов.

Цыплунов.

Комната на даче Белесовой, изящно убранная и меблированная. Две двери: одна с правой стороны (от актеров), другая в глубине, на террасу, растворена; с правой стороны трюмо.

Явление первое
Гневышов и Цыплунова входят.

Гневышов. Хорошо молодым людям; они могут без вреда для своего здоровья быть на воздухе, наслаждаться красотой майского вечера, а для нас с вами в комнате безопаснее. Почти все пожилые люди в нашем климате не свободны от ревматизма; вот и я тоже иногда чувствую припадки этой болезни, хотя весьма легкие, но тем не менее очень неприятные...

Цыплунова. Всякая болезнь неприятна...

Гневышов. Я лечусь гомеопатией; советую и вам, помогает удивительно...

Цыплунова. Да, говорят... У Валентины Васильевны, кроме вас, никого родственников нет?

Гневышов. Ее мать умерла давно, и она осталась круглой сиротой. Моя жена приняла в ней участие; полюбила ее, как родную дочь; но потом стала хворать и уехала за границу...

Цыплунова. Она и теперь там?..

Гневышов. Она на днях приедет. Без нее Валентина Васильевна оставалась на моем попечении, и, признаюсь вам, эта опека для меня несколько тяжела...

Цыплунова. В каком отношении?..

Гневышов.хлопотно, лишние заботы; не мужское дело...

Цыплунова. А вот приедет ваша супруга...

Гневышов. Ну, где уж ей! Она совсем больная женщина... и притом вырастить девушку до известных лет, – ведь это еще не все, главное – то дело, главная забота впереди...

Цыплунова. Конечно...

Гневышов. В конце концов надо ей найти приличную партию; а разве легко?..

Цыплунова. Я с вами согласна...

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Гневышов. Надо изыскать, выбрать человека, проникнуть, так сказать, в его душу и совершенно убедиться в его хороших качествах; чтобы потом не принять на себя тяжелой ответственности. Потому, почтеннейшая Анна Афанасьевна, как я ни люблю Валентину Васильевну, а если б мне удалось поскорее сдать ее с рук на руки человеку, вполне ее достойному, я бы перекрестился обеими руками...

Цыплунова. Я вас понимаю...

Гневышов. Разумеется, все, что от нас зависит и что нам повелевает долг, мы исполним, то есть дадим богатое приданое. У нас детей нет.

Цыплунова. Так об чем же вам беспокоиться? Для невесты с богатым приданым всегда женихи найдутся...

Гневышов. Как не найтись!.. Да какие?.. Вот в чем вопрос... Вон и Пирамидалов, пожалуй, жених...

Цыплунова. Подождите, найдутся и лучше Пирамидалова...

Гневышов. В том-то и дело, что ждать неудобно. Как только приедет жена, мы уедем в деревню; надо будет или оставить Валентину Васильевну здесь без надзора и попечений, на произвол судьбы, или взять с собой и засадить в глуши.

Цыплунова. Да, я вижу, что вам действительно много заботы с Валентиной Васильевной...

Гневышов. Много, почтеннейшая Анна Афанасьевна, много. Хотя уже приданое ее определено, но если б нашелся человек очень хороший, то есть добрый, не глупый и с карьерой, – я бы увеличил и даже удвоил... Вот что, почтенная Анна Афанасьевна!.. Вы не удивляйтесь, пожалуйста, тому, что я вам скажу.

Цыплунова. Сделайте одолжение, говорите!

Гневышов. Оно, конечно, странно... что, видя вас в первый раз, я начинаю с вами очень важный решительный разговор... Положим, что я вас-то не знаю; но я давно знаю вашего сына, давно собираю о нем справки, и уж наметил его. Я знаю даже, что ваш сын любит Валентину Васильевну...

Цыплунова. Да, кажется.

Гневышов. Ну вот видите...

Цыплунова. Но ведь этого мало, Всеволод Вячеславич...

Гневышов. Как мало? Чего ж еще ему нужно?

Цыплунова. Может быть, с него этого и довольно, но мне мало. Он сам стоит любви, и я бы хотела, чтобы и его любили так же...

Гневышов. Да, вы правы.

Цыплунова. Он любит Валентину Васильевну, безумно любит; но, если он женится и не найдет взаимности, он умрет от горя, от отчаяния. Я его знаю и берегу... он нежен, как ребенок; равнодушие жены убьет его.

Гневышов. У нас ведь не Италия... страстной любви негде взять, да и искать ее даже неразумно...

Цыплунова. Страстной любви и не нужно; я бы хотела только, чтобы жена ценила его, уважала и так же, как мать, считала его лучшим человеком на свете. Только мне и нужно, и он стоит этого...

Гневышов. Нельзя сказать, чтоб ваши требования были очень умеренны, и я поручиться не могу... Но скажу вам по секрету, что Валентина Васильевна равнодушна к вашему сыну...

Цыплунова. Неужели?..

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Гневыхов. Сколько я мог заметить, разумеется. Девушка порядочного воспитания своих чувств не выкажет; но я знаю, что она встретила с ним сегодня не в первый раз, что она видела его и вчера, и раньше, и не без удовольствия, и что она его отличает. Дайте руку, почтенная Анна Афанасьевна! Вы поговорите с сыном, а я поговорю с Валентиной Васильевной. Я вас уполномочиваю даже объявить ему, что он нам нравится, – мне и Валентине Васильевне. А там уж как ему угодно.

Цыплунова. Как я ни рада за сына, но, извините меня, я вам пока решительного ничего сказать не могу.

Гневыхов. Если вам угодно знать подробности о приданом, пойдемте в эту комнату, мы там можем говорить без помехи. Вас, как женщину, должен интересовать этот предмет; а я, как мужчина деловой, люблю делать дело аккуратно. Я слышу движение на террасе, вероятно, наши молодые люди хотят войти в дом... Пойдемте!.. (Уходят.)

Входят Цыплунов и Белесова.

Явление второе
Белесова, Цыплунов, потом Пирамидалов.

Белесова (с улыбкой мало скрытого неудовольствия). Очень вам благодарна. Я выслушала целую лекцию о нравственности и обязанностях человека. Я узнала, что такое серьезные люди, что значит серьезный взгляд на жизнь. Все, что вы говорили, вероятно, очень умно, все это очень полезно знать; и если я, к сожалению, мало поняла и мало воспользуюсь, – это уж моя вина.

Цыплунов. Ах нет, в таком случае виноват я; кто хочет, чтоб его понимали, тот должен прежде выучиться ясно говорить.

Белесова. Да, я согласна, но и себя не оправдываю. Надо уметь говорить обо всем и со всеми. Это не очень мудрено. Из бесчисленного множества красивых моральных фраз надо выучить несколько, чтобы уметь кстати вставить в разговор и свое слово. Хоть и очень редко, но может представиться такой случай, как теперь, например.

Цыплунов. Ах, извините меня, сделайте одолжение! Будем говорить, о чем вам угодно, о чем вы привыкли. Говорить с вами для меня большое удовольствие; но я редко бываю в обществе, я не знаю, какие вопросы в ходу и об чем говорят теперь.

Белесова (с раздражением). И теперь, как и всегда, говорят о том, что интересно и занимательно, и избегают того, что скучно, например, всяких проповедей и поучений. И притом предполагается, что каждый это сам знает, что каждый учился всему этому... если он совершеннолетний. У всех были наемные учителя и строгие наставники, которые так успели надоесть, что потом слушать даровых учителей не представляет уж особенного удовольствия. В разговоре вообще стараются не показывать слишком явно своего умственного или нравственного превосходства над прочими. Надо щадить людей. Когда кто-нибудь с уверенностью полного мастера говорит об обязанностях человека, – простые смертные, люди легкомысленные, такие, как я, должны думать, что этот урок относится к ним, что эта филиппика есть косвенное порицание их легкомысленного поведения. Ну, и конфузиться... торжествовать над нами легко. Но, мне кажется, и мы имеем право сказать учителю: да, мы легкомысленны; но мы не мешаем вам быть святым, не мешайте и нам быть грешными! Научить вы нас не научите, а оскорбить можете.

Цыплунов. О, сохрани меня бог оскорбить кого-нибудь!

Белесова. Ну, теперь позвольте вас послушать, я много говорила.

Цыплунов. И говорили очень хорошо. Прекрасные правила у вас.

Белесова. Я живу не по правилам, без программы, для меня, кроме моей воли, нет правил.

Цыплунов. О, конечно, для такой богатоодаренной природы к чему правила.

Белесова. Вы, мне кажется, немножко экзальтированы, вы любите преувеличивать. Я самая обыкновенная девушка, ничем не лучше других. Что особенно хорошего и так скоро вы могли заметить во мне?

Цыплунов. Я вас давно знаю, вы ничего не изменились, – вы так же искренни, как и прежде, когда были ребенком. А искренность такое редкое и дорогое качество.

Белесова. Быть искренней, если я не ошибаюсь, значит – не лгать; а это еще не очень высокая добродетель.

Цыплунов. А между тем женщины лгут постоянно. Что они подкрашивают себя, чтобы казаться лучше и моложе, это бы еще не беда; они притворяются наивными, доверчивыми и простосердечными, тогда как в сущности очень ловки, расчетливы и сухи сердцем.

Белесова. Ах, не вините бедных женщин! Все их притворство по большей части не злой умысел; это простое, врожденное желание нравиться, это скорей малодушие, чем порок. Да и кого же они могут обмануть теперь, когда мужчины стали так умны? Только людей глупых или аскетов. А вы искренни?

Цыплунов. Может быть, больше, чем следует.

Белесова. Если так, то скажите мне, зачем вы так странно глядели на меня, когда встречались со мной?

Цыплунов. Вы приказываете мне отвечать?

Белесова. Да. Вы любите искренность, следовательно даете право требовать ее и от вас. Говорите, что было в вашем взгляде!

Цыплунов. Робкое обожание.

Белесова. Только?

Цыплунов. Я не смел мечтать о счастье возобновить знакомство с вами, я думал, что опять потеряю вас из виду, и хотел наглядеться на вас, чтобы ясней и дольше удерживать ваш очаровательный образ в своей памяти.

Белесова. Я не мечтала о счастье получить такой ответ от вас. Лучше бы мне не спрашивать.

Цыплунов. Почему же?

Белесова. Я не умею слушать ни похвалы в глаза, ни лести. При этом обыкновенно как-то глупо и самодовольно улыбаются; а я предпочитаю спокойное выражение лица и не люблю гримас.

Цыплунов. Я не хвалю вас, не льщу вам; меньше того, что я сказал, сказать было нельзя: вы требовали искренности. Если я виноват, то разве в том только, что сказал вам мало, не все.

Белесова. Это уж похоже на признание... Надо вам заметить, что это тоже не совсем обыкновенный разговор; нам не каждый день приходится отвечать на признания; а потому слушать их во всяком случае неловко, а в иных – неприятно.

Цыплунов. Это признание вырвалось невольно. Прошу вас, не обращайтесь на него внимания, оно вас ни к чему не обязывает. Я только об одном прошу вас...

Белесова. Об чем же?..

Цыплунов. Позвольте мне иногда, хоть изредка, глядеть на вас так близко, как я теперь гляжу...

Белесова. То есть, попросту сказать, бывать у меня. Сделайте одолжение, я ни от кого не прячусь.

Цыплунов. Благодарю вас!..

Молчание.

Белесова. Позвольте сделать вам еще вопрос! Где эти серьезные,

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
высоконравственные люди находят по себе женщин... ну, жен, что ли?

Цыплунов. Там же, где и все. Почти всякая женщина имеет что-нибудь хорошее, за что можно ее полюбить.

Белесова. Но ведь им нужно добродетельных, серьезных, то есть бесстрастных... таких по крайней мере, которые бы не скучали с ними.

Цыплунов. Может быть, им нужно таких; но мы видим, что они увлекаются всякими.

Белесова. То есть могут увлечься красотой, например?

Цыплунов. Как же не увлечься, как не полюбить красавицу?

Белесова. Да всякую ли красавицу?..

Цыплунов. Я вас не понимаю..

Белесова. Например, красавицу порочную, падшую?..

Цыплунов. Если она высоко держит голову, не стыдится своего порока, а гордится им, – такая женщина в глазах каждого порядочного человека заслуживает презрения; но если она сокрушается, раскаивается...

Белесова садится в кресло.

то она более всякой имеет право на любовь и сострадание, потому что только любовь может уврачевать ее сердце, растерзанное угрызениями; одна любовь может спасти ее от отчаяния, одна только всепрощающая любовь может помирить ее с жизнью... Что с вами?.. Вы плачете? О ангел! И мне не благоговеть перед вами! Вы с высоты своей непорочности, своей детской чистоты роняете свои алмазные слезы на этих несчастных. Вам мало того, что вас обожают, вы хотите знать, имеют ли и эти бедные надежду быть любимыми, не отнято ли у них это благо, без которого жизнь безотраднa, как мертвая пустыня...

Белесова (утирая глаза). Да, да, правда... но довольно, довольно... прошу вас. (Погружается в глубокую задумчивость.)

Цыплунов. О, если б я смел, я б упал в прах перед вами, чтоб целовать ваши ноги...

Белесова (рассеянно). Что вы?.. Целовать... что целовать? (Подает руку.)

Цыплунов с немym восторгом целует руку Белесовой. Входит Пирамидалов и останавливается у двери.

Пирамидалов (про себя). А, вот что!..

Белесова (задумчиво и под влиянием невольной искренности). Вы удостоиваете? (Быстро оправившись.) Ах, я не знаю, что я говорю. (Встает.) Вы не обращайте внимания на мои слезы! У меня очень слабые нервы, я затем и переехала на дачу, чтобы полечиться...

Пирамидалов (про себя). Переменяют разговор!..

Входят Гневьшов и Цыплунова.

Явление третье

Белесова, Цыплунов, Цыплунова, Гневьшов, Пирамидалов.

Цыплунова. Я собираюсь домой, Юша!

Белесова (Цыплуновой). Я провожу вас до вашей дачи; мне пришла охота погулять... (Цыплунову.) А вы меня обратно проводите...

Цыплунов (Гневьшову). Честь имею кланяться...

Гневьшов. Прощайте! Навещайте почаще Валентину Васильевну!.. Постарайтесь, молодой человек, чтоб она не скучала на даче!..

Белесова, Цыплунова и Цыплунов уходят.

Явление четвертое
Гневышов и Пирамидалов.

Пирамидалов. Ваше превосходительство, Цыплунов...

Гневышов. Что Цыплунов?..

Пирамидалов. Очень уж явно ухаживает за Валентиной Васильевной...

Гневышов. Ну так что же? Вам что за дело?..

Пирамидалов. Я считал своею обязанностью доложить об этом вашему превосходительству...

Гневышов. Благодарю вас за известие! Я очень доволен, что Валентина Васильевна нравится Цыплунову...

Пирамидалов. Валентина Васильевна нравится не одному Цыплунову...

Гневышов. Ну да, конечно; но что ж из этого?..

Пирамидалов. Валентина Васильевна нравится и мне, вероятно, не менее, чем Цыплунову; но я уверяю ваше превосходительство, я даже самому себе не смел признаться в этом...

Гневышов. И прекрасно сделали...

Пирамидалов. Как же бы я смел, зная ваши отношения к Валентине Васильевне...

Гневышов. А вот Цыплунов смелее вас...

Пирамидалов. Но чего же он может надеяться?

Гневышов. Он может надеяться быть мужем Валентины, что не только не противно моим намерениям, но даже очень желательно...

Пирамидалов. Я всегда знал, что, рано ли, поздно ли, вы захотите, чтоб Валентина Васильевна имела прочное и солидное положение...

Гневышов. Да, именно прочное и солидное.

Пирамидалов. Я знал, что это должно случиться; но я думал и надеялся...

Гневышов. Что вы думали, мой любезный, и на что надеялись?..

Пирамидалов. Что Валентина Васильевна будет мне наградою за мою преданность к вашему превосходительству...

Гневышов. Вы ошибались...

Пирамидалов. Такое усердие, такое неусыпное, можно сказать, старание... я мог надеяться, что ваше превосходительство оцените.

Гневышов. Я вас ценю. Вы имеете мою протекцию, ваши услуги не пропадут даром. Я готов вам заплатить, но не такой ценой. Счастье милого существа для меня дорого. (Строго.) Ее судьбу, милостивый государь, я не могу вручить всякому...

Пирамидалов. Я умоляю, ваше превосходительство! Ваше превосходительство, не заставьте плакать и просить на коленях!..

Гневышов. Не трудитесь, мой милый, не трудитесь напрасно...

Пирамидалов. Цель моей жизни, ваше превосходительство, цель моей жизни!..

Гневышов. Цель вашей жизни: взять большое приданое и получить протекцию через

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
жену?.. Да, нынче многие молодые люди имеют эту цель...

Пирамидалов. Но ведь я служил, не жалея себя...

Гневышов. Я вам повторяю, что вы не годитесь в мужа Валентине Васильевне. Нам нужен человек, так сказать, избранный...

Пирамидалов. Но чем же Цыпунов лучше меня?..

Гневышов. Тут и сравнения быть не может: у Цыпунова блестящая будущность, он скоро займет очень выгодное место в московском обществе, а с ним и жена, разумеется; а вы хоть и хороший, исполнительный чиновник, но вы далеко не пойдете...

Пирамидалов. С вашей протекцией...

Гневышов. Даже и с моей протекцией! Уж самая наружность ваша...

Пирамидалов. Помилуйте, ваше превосходительство, Цыпунов и одеться порядочно не умеет; а я на портных да на куаферов трачу даже более, чем мои средства позволяют...

Гневышов. Я про лицо говорю, про выражение!..

Пирамидалов. Очень почтительное, ваше превосходительство, всегда очень почтительное!..

Гневышов. Да, уж слишком даже. Вы не обижайтесь, в вас есть что-то такое, немножко лакейское. Ну, а уж тут никакие куаферы не помогут...

Пирамидалов. Очень жалею, ваше превосходительство, что не мог или не умел...

Гневышов. Нет, вы оставьте этот разговор. Я сделаю для вас все, что могу... я в долгу не останусь...

Пирамидалов. Я сегодня более не нужен вашему превосходительству?..

Гневышов. Нет, прощайте! Да, постойте! Не будете ли вы здесь завтра?

Пирамидалов. Если прикажете.

Гневышов. Побывайте! Мне самому едва ли удастся, так вы понаведайтесь о здоровье Валентины Васильевны и вообще... как идут дела с Цыпуновыми, и сообщите мне.

Пирамидалов. Слушаю, ваше превосходительство! Честь имею кланяться!

Гневышов. Прощайте!..

Пирамидалов уходит.

Золотой человек; а нельзя... лакей! Говорят, что я важен очень, повелителен... но поневоле будешь важен, когда окружают такие люди, с которыми нельзя и говорить иначе, как начальническим тоном. Заговори с ними по-человечески, так они удивятся, растеряются...

Входит Белесова.

Явление пятое
Гневышов, Белесова.

Белесова (садясь в кресло). Ну, вы довольны мной? Я, кажется, в точности исполняю все, что вам угодно.

Гневышов. Очень доволен, Валентина, очень доволен.

Белесова. Теперь позвольте вас спросить, зачем вы завезли меня в эту глушь, зачем вы навязываете мне каких-то чудаков, которых мне видеть странно. Я не хочу их обижать, а то бы я сказала другое слово...

Гневыхов. Все это делается для вашей пользы, мой друг.

Белесова. Для моей пользы? Это любопытно.

Гневыхов. Наши прежние отношения продолжаться не могут.

Белесова (встает). Как?.. Что такое?.. Почему?

Гневыхов. Сядьте и выслушайте меня спокойно и внимательно...

Белесова (сажаясь). Ну-с, я слушаю. Только, пожалуйста, не мучьте меня, говорите короче! Я устала...

Гневыхов. Для того, чтоб я решился оставить вас, причины должны быть очень важные, иначе, конечно...

Белесова. Знаю! говорите, что за причины!

Гневыхов. Моя жена едет в Москву!..

Белесова. Ну!

Гневыхов. Она приедет завтра... она знает все!..

Белесова. Ну и пусть ее знает.

Гневыхов. Она ставит неперемное условие, чтоб наша связь была разорвана; в противном случае она не сойдется со мной.

Белесова. Да зачем вам сходитьсь?

Гневыхов. Теперь это необходимо: она получила большое, громадное наследство...

Белесова. А!.. Вот что!..

Гневыхов. Мои финансовые дела в большом расстройстве.

Белесова. Да, я понимаю: если вас заставили выбирать что-нибудь одно – меня или деньги, – так дело кончено, вы мной пожертвуете, вы и не задумаетесь даже.

Гневыхов. Но ведь она жена...

Белесова. Ах, молчи, пожалуйста! Очень много ты беспокоился о жене, когда у нее денег не было. Ну, да что же делать! Рано или поздно, это должно было случиться... Чем скорей, тем лучше!.. (Утирает слезы.) Страстной любви нет, и слез будет не много... (С расстановкой.) Любить тебя было бы глупо, но я все-таки тебя считаю человеком порядочным и не могу предположить, чтоб ты меня бросил совершенно, обрек меня на погибель... Ты, вероятно, позаботился о моей будущности...

Гневыхов. Да, конечно, можешь ли ты сомневаться!

Белесова (задумчиво). Чего я могу ждать от тебя?.. Чего?.. Ты, вероятно, предложил меня какому-нибудь своему старому другу, богатому человеку... и, конечно, развежился при этом случае и сквозь слезы просил его любить меня и лелеять... (Утирает слезы.)

Гневыхов. Ошибаешься, Валентина, ошибаешься...

Белесова. Разве хуже что-нибудь?

Гневыхов. Нет, лучше! Я хочу, чтоб ты вышла замуж.

Белесова (с испугом). Замуж?!

Гневыхов. Да, замуж. Я хочу, чтоб ты занимала положение в обществе, какое следует тебе по твоему рождению, по твоей красоте, по твоим способностям. Я считаю своей обязанностью возвратить тебя на ту дорогу, с которой ты по моей

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
вине уклонилась.

Белесова. Замуж! Но что же у меня есть для того, чтоб идти замуж?

Гневыхов. Все есть! Хотя я в настоящее время стеснен в деньгах, но я не забыл своей обязанности, и у меня пятнадцать тысяч готовы для вас. Моя жена... она так великодушна, что предлагает столько же, чтоб...

Белесова. Чтоб избавиться от меня?

Гневыхов (строго). Чтоб устроить вашу судьбу, друг мой.

Белесова. Денег вы дадите, я знаю, – я в этом не сомневаюсь; но где ж у меня те качества, которые нужны, чтоб быть хорошей женой? Как я буду исполнять обязанности, о которых я понятия не имею? Вы как меня воспитали? Вы взяли в свой дом, и баловали, и окружали роскошью бедного ребенка, сироту. Все, что нужно для внешности, для уменья держать себя, я узнала в подробности, а что честно и бесчестно для женщины, вы от меня скрыли. Замуж!.. Замуж!.. А что такое муж, дом, семья, разве я знаю, разве вы мне сказали? Ваша глупая жена всеми силами старалась развивать во мне гордость, мотовство, суетность; и как она радовалась своим успехам, нисколько не подозревая, что она старается для вас, что она действует в пользу ваших сластолюбивых замыслов. После такого воспитания вам нетрудно было обольстить меня; вам стоило только сказать: «Хочешь ты жить в бедности или в богатстве», – и кончено... и я ваша!

Гневыхов. К чему эти слова, эти упреки, мой друг!..

Белесова. Ах, как я только подумаю, что у меня будет муж!..

Гневыхов. Не бойся! Для такой красавицы, как ты, муж не что иное, как покорный слуга.

Белесова. Ну, кого ж вы нашли, кто этот покорный слуга? Уж не тот ли жалкий, полусумасшедший господин, которого я видела сегодня?

Гневыхов. Да, Цыпунов. Это лучший человек, какого только можно желать для вас. Вы ошибаетесь, мой друг!

Белесова. Нет, не ошибаюсь! Именно лучший – то мне и не годится. Вы не дали мне никакого понятия о нравственности, когда я была ребенком, а что было во мне хорошего от природы, вы погубили, лишь только я успела выйти из детства, и теперь торжественно вручаете меня мужу, серьезному человеку, пропитанному какими-то строгими правилами, какими-то мещанскими добродетелями.

Гневыхов. Зачем придавать такое большое значение...

Белесова. Хорошо вам говорить, вы уедете с спокойной совестью, вы исполнили свою обязанность, а я останусь лицом к лицу с ним, с этим мужем. Ведь это ужас, ужас!

Гневыхов. Но если вам неприятен Цыпунов, есть другой: Пирамидалов готов предложить вам свою руку.

Белесова. Фи!.. Что вы! Не оскорбляйте меня по крайней мере! (Задумывается.)

Гневыхов. Нечего думать! Нечего колебаться! Года через три-четыре Цыпунов займет видное место, и, вспомните мои слова, очень многие дамы будут завидовать вашему положению.

Белесова. Но ведь надо будет с ним объясниться, надо открыть ему все. Ах, мучение!

Гневыхов. Зачем, зачем? Ни-ни!

Белесова. Как же можно обманывать! Это нечестно!

Гневыхов. Нет, после, после. Ваше признание может затянуть дело... Что еще скажет его мать.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Белесова. Тебе хочется только сбыть меня; а как я буду разведываться с мужем, тебе и дела нет.

Гневышов. Нет–с! Я даю вам такой совет, потому что глубоко знаю натуру человеческую. Такие люди, как Цыплунов, только на то и созданы, чтобы прощать. Разве вы не видите, его привязанность к вам собачья, вы его можете гнать от себя, обижать, как вам угодно, он все больше и больше будет любить вас.

Белесова. Ну... я подумаю. Прощайте!

Гневышов. Думать некогда. Завтра приезжает моя жена, и мы скоро отправляемся в деревню; а я хочу, чтобы все это кончилось при мне, иначе я не буду покоен. Прощайте! Завтра я не буду у вас... через день или два я привезу вам деньги. Не думайте, мой друг, не думайте!

Белесова. Не думать! да разве это в моей власти! Какую ночь я проведу! Мне кажется, я поседу к утру. Уезжайте! (Подходит к трюмо.)

Гневышов. До свидания, мой друг!

Белесова (глядя в зеркало и поправляя волосы). Вы разбили меня всю, я в эти полчаса постарела на пять лет! Прощайте! (Подает руку назад, не оборачиваясь.)

Гневышов сначала жмет ей руку, потом целует и уходит.

Явление шестое
Белесова (одна).

Белесова. Не покончить ли с жизнью? (Подумав.) Нет, что за малодушие! Это средство всегда в моих руках, и я всегда им могу воспользоваться... да, еще успею... успею, когда нужно будет. Я ведь женщина, я любопытна; и страшно мне, и женское любопытство тянет меня заглянуть в этот неведомый для меня мир супружества. Как ничтожен казался мне этот человек, как мал передо мною; и вот теперь, когда я думаю о нем, мне кажется, что умаляюсь я; а этот пигмей растет, принимает грозный вид... и вот в моем воображении рисуется холодное и строгое лицо мужа перед недостойной женой. Ах, страшно, страшно!.. (Садится.) Но что это со мной? (Хватается за грудь.) Мне теснит грудь, я умираю... А! Нет... это... я знаю, это из глубины души идут благодатные слезы. Что это за слезы? Слезы обиды, стыда, отчаяния? Но какие бы слезы ни были, только бы слезы... слезы. Рыдай, рыдай, несчастная! И если эти слезы не облегчат тебя, лучше не живи! (Рыдает.)

Действие третье
ЛИЦА:

Цыплунов.

Цыплунова.

Белесова.

Бедонегова.

Пирамидалов.

Садик при даче Цыплуновых, налево крыльцо дома; направо несколько деревьев и кустов, круглый стол и садовая мебель; в глубине дощатый забор и в нем калитка.

Явление первое
Цыплунов и Цыплунова сходят с крыльца, потом Пирамидалов.

Цыплунов. Повторите мне, маменька, все, что она вам сказала, только, прошу вас, слово в слово, не изменяйте и не прибавляйте ничего.

Цыплунова. Она сказала мне: «Любовь вашего сына меня трогает; если б я была уверена, что достойна его и могу составить его счастье, я б ни минуты не задумалась».

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Цыплунов. Вы не клялись ей, что она была мечтой всей моей жизни, что даже видеть ее для меня блаженство невыразимое?

Цыплунова. Уж это твое дело.

Цыплунов. Что же вы ей сказали?

Цыплунова. Я поблагодарила ее за расположение к нам и сказала, что очень рада назвать ее своей дочерью и что пришлю тебя к ней.

Цыплунов. Ну, я иду, иду.

Цыплунова. Только ты будь посмелее. Она говорит: «Скажите ему, чтоб не дичился меня, чтоб он шел ко мне, как к невесте».

Цыплунов. Я иду к невесте, маменька! (Обнимает мать и прилегает к ней на плечо.) Я иду к невесте. Дождались вы?

Цыплунова. Дождалась, мой друг, дождалась радости. Ты повеселеешь, и я повеселею, а то ты ходишь, тоскуешь неизвестно о чем, и я тоскую, на тебя глядя.

Цыплунов. Ну, прощайте!

Цыплунова. Приходите вместе, приводи и ее с собой. Она обещала к нам чай пить.

Цыплунов. Да, вместе придем, теперь уж всё вместе. Зачем нам разлучаться, и что может разлучить нас! (Идет.)

Навстречу ему из калитки выходит Пирамидалов.

Пирамидалов. А, Юрий Михайлович, здравствуйте!

Цыплунов. Здравствуйтесь, здравствуйтесь! Вот маменька, а мне некогда. (Уходит.)

Явление второе

Цыплунова и Пирамидалов.

Цыплунова. А, это вы, Виталий Петрович!

Пирамидалов. Честь имею кланяться, Анна Афанасьевна! Куда это Юрий Михайлович так торопится?

Цыплунова. Он пошел к Валентине Васильевне.

Пирамидалов. Что ж он не сказал? Чудак, право чудак. Так и я туда же. Прощайте!

Цыплунова. Нет, уж повремените немножко здесь!

Пирамидалов. Как повременить, зачем?

Цыплунова. Так уж, я вас прошу покорно.

Пирамидалов. Да мне нужно, Анна Афанасьевна, уверяю вас.

Цыплунова. Ну, уж полчаса куда ни шло. Вы ее увидите, она сама сюда придет с Юшей.

Пирамидалов. Всеволод Вячеславич очень занят сегодня и не может сюда приехать, так вчера он просил меня, чтоб я навестил Валентину Васильевну, ну и к вам просил забежать, нет ли чего нового.

Цыплунова. Какие же у нас могут быть новости, я не понимаю вас.

Пирамидалов. Сватовство не началось ли?

Цыплунова. Так вы знаете?

Пирамидалов. Еще бы. Разве генерал от меня скрывает что-нибудь.

Цыплунова. А вы когда увидите Всеволода Вячеславича?

Пирамидалов. Завтра утром явлюсь к нему.

Цыплунова. Так скажите ему, что у нас дело кончено.

Пирамидалов. Вот как! Скоренько, Анна Афанасьевна, скоренько.

Цыплунова. Да чего ж нам ждать-то?

Пирамидалов. Нет, все-таки... Но я удивляюсь, как Юрий Михайлович со мной не посоветовался.

Цыплунова. До советов ли ему? Он так счастлив, что себя не помнит.

Пирамидалов. А не мешало б меня спросить, я Валентину Васильевну довольно хорошо знаю.

Цыплунова. Что ж вы знаете?

Пирамидалов. Прежде надо было спрашивать, Анна Афанасьевна, прежде. А теперь, хоть спрашивайте, ничего не скажу. Одно только скажу: не мое дело. Я, Анна Афанасьевна, умею молчать, когда нужно.

Цыплунова. Ну, как вам угодно: хоть молчите, хоть говорите, нам все равно.

Пирамидалов. Генералу угодно, вы не прочь, а я что? Я мелко плаваю, следовательно я должен молчать.

Цыплунова. Ну так уж и молчите, я вас покорно прошу.

Пирамидалов. Вы думаете, что такие высокие люди, как Всеволод Вячеславич, и ошибаться не могут. Нет, могут и очень могут.

Цыплунова. Ничего я не думаю, и думать мне незачем.

Пирамидалов. Был у него человек, и человек достойный, дело-то без хлопот бы обошлось; так не захотел Всеволод Вячеславич, не захотел-с. (Про себя.)
Лакейское лицо, извольте ли видеть. (Громко.) Ну, а теперь мы еще посмотрим.

Цыплунова. Оставимте этот разговор.

Пирамидалов. Извольте, с удовольствием. Что уж тут! Ведь и я тоже влюблен в Валентину Васильевну и надеялся...

Цыплунова. А, понимаю теперь.

Бедонегова показывается в калитке.

Явление третье

Цыплунова, Пирамидалов и Бедонегова.

Бедонегова. Виталий Петрович, вот вы где, а я вас ищу. Как это, идете мимо дачи, и нет, чтобы...

Цыплунова. Зайдите, Антонина Власьевна, отдохните!

Бедонегова. Да, уж позвольте посидеть у вас. Вот далеко ли прошла, а устала. Я ведь на даче живу, никогда не гуляю, а выйду за ворота, посижу на лавочке, и довольно. Я больше для воздуха; потому на воздухе мне легче, а в комнате словно на меня тягость какая нападает.

Цыплунова. Так посидите в садике, а я пойду об чае похлопочу. Вот вам и кавалер. (Уходит.)

Явление четвертое

Пирамидалов и Бедонегова.

Беднегова. Что ж вы это, к прочим людям ходите, а ко мне не заглянете?

Пирамидалов. К вам я после, вот всех обойду, тогда и к вам мадеры выпить.

Беднегова. Да, на минуточку-то; некогда ни разговориться, ни что, да все домой торопитесь. А вы бы ко мне на весь день когда, так с утра бы, чтобы уж как следует, не торопясь.

Пирамидалов. Как можно на весь день? Вы еще на неделю скажете! Ведь я человек служащий.

Беднегова. Да что ваша служба! Выгоды от нее, как я посмотрю, большой нет. Вы, коли захотите, так и без службы можете себе хорошую выгоду иметь. А вы сами не хотите, бегаєте по всем дачам, а зачем – неизвестно. Если бы вы могли иметь любовь...

Пирамидалов. Вот еще, любовь, как же, нужно очень!

Беднегова. Нет, вы не говорите! Любовь, коли кто может чувствовать, так это даже очень хорошо.

Пирамидалов. Нет уж, ну ее! До любви ли бедному чиновнику!

Беднегова. Но вас может полюбить богатая женщина, и вы тогда можете иметь себе удовольствие в жизни и во всем достаток.

Пирамидалов. Да нет, я разочарован.

Беднегова. А вы бы попытались, может и выйдет счастье.

Пирамидалов. Я потому в жизни разочарован, что ничто на свете не вечно.

Беднегова. Ну, уж это что ж делать!

Пирамидалов. Жизнь наша скоротечна, а любовь еще скоротечнее, особенно у богатых женщин. Полюбит – ну, и блажен, во всем довольстве; а вдруг увидит офицера – и разлюбила, и опять в бедность.

Беднегова. Да, это бывает. Но и мужчины много фальшивят и неглижируют, а для женщины дороже всего, чтоб уж это постоянно...

Пирамидалов. Вот отчего я и не могу любить, и не верю в любовь, и разочарован. Кабы жениться, это другое дело.

Беднегова. А что ж? Коли вами будут довольны...

Пирамидалов. Скажите, Антонина Власьевна, лакейское ли у меня лицо, или нет?

Беднегова. Ах, что вы, что вы! Самое милое и благородное.

Пирамидалов. У вас какая вотчина-то?

Беднегова. Дом с лавками.

Пирамидалов. А много ль доходу с них?

Беднегова. Тысяч пятнадцать, чай, да у меня и окромя... А вы вот все от меня бегаєте, к соседке моей, к Белесовой, ходите. Зачем вы к ней ходите?

Пирамидалов. Приказывают, так поневоле пойдешь.

Беднегова. А я про эту соседку все доподлинно узнала.

Пирамидалов. Что ж вы узнали?

Беднегова. Генерал этот ей не дяденька.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Пирамидалов. А кто же?

Бедонегова. А так, вроде как благодетель.

Пирамидалов. Ну так что ж за важность! Кому какое дело!

Бедонегова. Ну, уж не та честь, что генеральской племяннице. Нет уж, далеко, цена другая. Генеральскую племянницу взять всякому лестно, а эту кому нужно!

Пирамидалов. Не тот свет, не забракуют, было бы только приданое.

Бедонегова. Само собой, генерал для нее не пожалеет, если человек состоятельный, только много не даст; не дочь ведь, что за крайность изъясниться! А коли и даст, так приданое будет дворянское.

Пирамидалов. Что такое за дворянское?

Бедонегова. Дворянское известно какое, одни только моды, а денег много не спрашивайте.

Пирамидалов. А протекция, разве этого мало?

Бедонегова. И с протекцией тоже ведь служить надо, голову свою утруждать, изнурять себя, а настоящего спокойствия и прохладения нет. А с деньгами-то сам себе господин: захотел – ну и ходи целую неделю дома в халате. Что может быть приятнее! И без нее есть невесты: и девушки из хороших семей, и вдовы; а на такой жениться и от людей совестно.

Пирамидалов. Кому совестно, а кому нет.

Бедонегова. Само собой, мало ль оглашенных-то!

Пирамидалов. Не про оглашенных речь. Вот Юрий Михайлович Цыплунов и не оглашенный, а людей не совестится.

Бедонегова. А что ж он?

Пирамидалов. Женится на Белесовой.

Бедонегова. Да из чего же?

Пирамидалов. Из приданого да из протекции.

Бедонегова. Такой гордый-то. Да он и на людей не смотрел. Батюшки, никак свет перевернуться хочет!

Пирамидалов. Вот на кого у меня злоба-то кипит. Ну, как не скажешь? а скажешь, так не нравится. Теперь и в люди выдет, и нос подымет, вот что обидно-то. А ты пресмыкайся всю жизнь.

Бедонегова. Да зачем, зачем? И вы можете себе линию найти.

Пирамидалов. Какая уж тут линия?

Бедонегова. Через женщину, через богатую.

В калитку входят Цыплунов и Белесова.

Явление пятое

Пирамидалов, Бедонегова, Цыплунов, Белесова.

Пирамидалов (Бедонеговой). Вот извольте полюбоваться! Уж и прогуливаются вместе.

Бедонегова. Да что вы, как будто сердитесь? Аль завидки берут? Вот и верь мужчинам.

Цыплунов, проходя с Белесовой к крыльцу, кланяется Бедонеговой.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Белесова (Цыплунову). Кто эта дама, такая расписанная?

Цыплунов. Соседка наша.

Белесова. Купчиха, должно быть, лавочница какая-нибудь. Что за знакомство!

Цыплунов. Как от них избавишься? Насильно врываються.

Белесова. Я к вашей мамеишке пойду, подождите меня здесь! (Уходит на крыльцо.)

Цыплунов долго смотрит ей вслед.

Явление шестое

Цыплунов, Пирамидалов и Бедонегова.

Пирамидалов. Как смотрит-то, как смотрит! Скажите пожалуйста!

Бедонегова. И то. Ах, это смеху подобно! (Смеется.)

Пирамидалов смеется искусственно. Цыплунов садится на скамейку поодаль.

Пирамидалов (громко). И меня ловили, да нет; я мелко плаваю, а честь берегу.

Бедонегова. Потому что она всякому нужная.

Пирамидалов. Нет, говорю, ваше превосходительство, ищите другого! Не беспокойтесь, говорю, найдутся избранники.

Бедонегова. Да как не найтись! Вот и нашлись.

Пирамидалов. Я, говорит, дам за ней хорошее приданое, буду оказывать вам покровительство по службе. Нет, говорю, ваше превосходительство, я вам очень благодарен, а, извините, решиться не могу. Да почему же? Потому что я себе цену знаю. А вы обо мне как бы думали, Антонина Власьевна? Нет, я за словом в карман не полезу. Потому, говорю, ваше превосходительство, что у меня много знакомых, товарищей, что они скажут! как будут смотреть на меня! Другому это нипочем, а мне дорого, я молодой человек, я только жить начинаю.

Бедонегова. Да ему, чай, за обиду показалось, что вы так говорите?

Пирамидалов. Я говорю: «Ваше превосходительство, я ее не обижаю», – ну, то есть эту женщину, понимаете? «Я к ней со всем уважением, а жениться – нет, не могу. Может быть, через это, говорю, я ваше расположение теряю, а уж нет, не могу».

Цыплунов. Вы про какую это женщину говорите?

Пирамидалов. Нет, мы так, свой разговор ведем.

Цыплунов. Да, вы говорите между собой, но вы нарочно говорите громко, с явным намерением, чтобы ваши слова доходили до меня.

Пирамидалов. Нет, право, мы так вообще.

Цыплунов. Вы нарочно ударяли на те слова, которые должны меня затрогивать в моем настоящем положении. Я эту манеру знаю. Эта манера мелких завистливых людишек. Извольте мне сказать, про какую женщину, про какого генерала вы говорили!

Бедонегова. Что это вы так пристааете?

Цыплунов. Что ж вы молчите? Отвечайте! Вы говорили про Валентину Васильевну?

Бедонегова. Да хоть бы и про нее, так ведь не принцесса.

Пирамидалов. Разве я не могу говорить, про что мне угодно?

Цыплунов. Можете. Теперь или вы идите сейчас же извиняться перед ней, или скажите мне прямо, почему нельзя жениться на ней честному человеку.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Бедонегова. Да стоит ли она еще того, чтобы из-за нее вам ссориться? Все-таки вы товарищи, а она что!

Цыплунов. Вы это слышите? Говорите сейчас, почему не честно жениться на Валентине Васильевне, иначе я..

Пирамидалов. Ну что ж иначе? Что иначе?

Цыплунов. Иначе я просто вас убью!

Пирамидалов. Я говорил только про себя, а другим как угодно. Я не могу жениться.

Цыплунов (горячо). Почему? Говори, почему!

Пирамидалов (сердясь). Почему да почему! Ну, потому что не желаю утешать покинутых фавориток, не желаю подбирать того, что другие бросают. Я могу найти лучше.

Бедонегова. Еще бы не найти!

Цыплунов. Она покинутая фаворитка? Правда это?

Пирамидалов. Конечно, правда. На днях приедет из-за границы жена Всеволода Вячеславича, вот ему и хочется поскорей пристроить Валентину Васильевну.

Бедонегова. Да весь свет про это знает.

Цыплунов. Ну! (Тяжело вздохнув и хватаясь за голову.) Извините меня! (Идет к крыльцу.)

С крыльца сходят Цыплунова и Белесова.

Явление седьмое

Белесова, Цыплунова, Цыплунов, Пирамидалов и Бедонегова.

Цыплунов (Белесовой). Вы не родственница Всеволоду Вячеславичу?

Белесова. Что за вопрос? зачем вам?

Цыплунов. Мне нужно знать.

Белесова. Да разве для вас не все равно? Разве вам нужно родство?

Цыплунов. Нет, не все равно. Мне родства не нужно, но знать правду необходимо.

Белесова. А если необходимо, я вам скажу. Нет, не родственница, а его воспитанница.

Цыплунов. Да, я знаю, были воспитанницей, а теперь?

Белесова. Что за допросы?

Цыплунова. Юша, Юша, что с тобой?

Цыплунов (Белесовой). А теперь?

Белесова (с волнением). Если вы думаете, что я все тот же невинный ребенок, которого вы знали прежде..

Цыплунов (хватаясь за голову). Да, я думал, что вы так же чисты.

Белесова. Так вы ошибаетесь.. я должна признаться, что я уж не.. дитя.

Цыплунов. Зачем же вы от меня скрыли, что вы утратили, погубили этот чистый детский образ? Ведь я его только и любил в вас.

Белесова. Вы меня ни о чем не спрашивали, вы мне говорили только, что любите меня. И вы должны быть мне благодарны; я сделала вам угодное, я позволила вам

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
быть близко и любить меня.

Цыплунов. Да ведь в моих мечтах вы были чисты, кругом вас были лучи, сияние непорочности.

Белесова. Вы должны были знать, на ком вы женитесь.

Цыплунов. Вы меня обманули.

Белесова. Скажите лучше, что вы сами обманулись.

Цыплунов. Нет, вы меня обманули.

Белесова. Чем?

Цыплунов. Вашим ангельским лицом, оно у вас то же, прежнее.

Белесова. Я очень рада, что оно не изменилось.

Цыплунов. Но ведь оно лжет. Замажьте его белилами, румянами, чтоб оно не обманывало.

Белесова. Фи! Что вы, что вы! Опомнитесь!

Цыплунов. Вам жалко его, не правда ли? Да, жалко, жалко. Оно прекрасно, оно такое светлое, чарующее. Так оставьте его... но вывеску, вывеску, какую-нибудь вывеску! Длинный хвост, особую прическу. Мало ли этих примет, по которым любители продажной красоты узнают свой товар!

Белесова. Ах! какое оскорбление! Как вы злы, ничтожный человек! Пирамидалов, заступитесь хоть вы за меня!

Пирамидалов (подходя к Белесовой). Можно ли так оскорблять женщину? Что вы!

Цыплунова. Юша, Юша, что ты делаешь! Пожалей ты хоть самого-то себя!

Цыплунов. Вы уничтожили мечту всей моей жизни, опустошили мою душу.

Белесова (презрительно). Да довольно. Пощадите!

Цыплунов. А вы меня щадили? Вы убили, вы утопили в грязи самую чистую любовь. Я ее лелеял в груди десять лет, я ее считал своим благом, своим счастьем, даром небесным. Я благодарил судьбу за этот дар.

Белесова (Пирамидалову). Пойдемте. Проводите меня! Убежимте из этого дома сумасшедших!

Цыплунов. Нет, это не дом сумасшедших, но вы уходите! Это дом честных людей, и вам здесь не место. (Обнимая мать.) Посмотрите, как все здесь свято, какой здесь рай, и признайтесь перед собой и перед нами, что вам нет места между мной и моею матерью.

Белесова. Если бы у меня был муж, или брат, или хоть молодой преданный любовник, я бы не успокоилась до тех пор, пока бы вас не убили.

Цыплунов. Зачем еще убивать меня? Я уж убит, убит вами... ваш удар прямо в сердце! Вы убили любовь мою; она была для меня дороже жизни, и ее нет... (Хватается за грудь.) Ее здесь нет... нет и жизни! (Падает без чувств в кресло.)

Действие четвертое
ЛИЦА:

Белесова.

Гневышов.

Пирамидалов.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Цыплунов.

Цыплунова.

Комната второго действия.

Явление первое
Пирамидалов, с террасы входит Гневышов.

Гневышов. Ну что?

Пирамидалов. Валентина Васильевна меня видеть не желает, ваше превосходительство.

Гневышов, тихо подходя к двери направо, делает знак Пирамидалову, чтобы он отошел к стороне.

А я, по вашему приказанию...

Гневышов. Молчите! (Стучится в дверь.) Валентина, Валентина Васильевна, можно войти?

Голос Белесовой: «Подождите!»

(Отходит от двери.) Ну, она, кажется, ничего, а как вы меня испугали.

Пирамидалов. Я счел своею обязанностию сегодня утром доложить подробно вашему превосходительству все, что вчера происходило, как вы сами изволили мне приказать.

Гневышов. И поспешили сюда?

Пирамидалов. Так точно, ваше превосходительство, и передал Валентине Васильевне, что вы изволите прибыть вслед за мною.

Гневышов. Ну и что же?

Пирамидалов. Я и понять не могу, ваше превосходительство...

Гневышов. Да где же вам!

Пирамидалов. Слушать меня не стали, а приказали мне сейчас же позвать к ним Цыплунова.

Гневышов. Как, Цыплунова, этого самого? Не понимаю, не понимаю.

Пирамидалов. Я говорю: «Валентина Васильевна, кого вы приглашаете? Где же у вас самолюбие! Я вас не узнаю!» Так ведь я говорил, ваше превосходительство?

Гневышов. Ну, ну, далее!

Пирамидалов. «Да он, говорю, не пойдет». – «Не ваше, говорит, дело. Прикажете ему от меня, чтоб он пришел, ну просите его, ну умоляйте его». И больше ничего разговаривать не стали и ушли от меня.

Гневышов. Вы ходили?

Пирамидалов. Ходил, ваше превосходительство.

Гневышов. Что ж он?

Пирамидалов. Ломается: «Да зачем я пойду, да с какой стати, да что мне там делать?»

Гневышов. Да придет он или нет, я вас спрашиваю.

Пирамидалов. Хотел прийти.

Гневыхов. Странно, очень странно.

Пирамидалов. Я вам говорил, ваше превосходительство, что он дикий, вы мне не изволили верить.

Гневыхов. О мой милый, кто ж не ошибается! Человеку свойственно ошибаться. Но я в вине – я и в ответе, я постараюсь поправить эту ошибку.

Пирамидалов. Если что нужно будет вашему превосходительству, я буду здесь в саду.

Гневыхов. Да, хорошо, ступайте, я слышу шелест платья.

Пирамидалов уходит в сад. Из боковой двери выходит Белесова.

Явление второе
Гневыхов и Белесова.

Гневыхов. Здравствуй, Валентина!

Белесова. Ну, что вы? Зачем вы?

Гневыхов. Мой друг, такой случай... не мог же я...

Белесова. Вы знаете?

Гневыхов. Пирамидалов мне передал.

Белесова. Поймите же вы, в каком я положении, если вы способны понимать что-нибудь.

Гневыхов. О мой друг, всякий может подвергнуться оскорблению, никто от этого не застрахован. Ну, представьте себе: я пошел прогуляться, и вдруг на меня из подворотни лает собака, неужели же мне этот грубый лай принять за оскорбление и обидеться! А эти глупые упреки, эта мешанская брань чем же лучше собачьего лая! И тебе, Валентина, не только обижаться, но даже и думать об этом не стоит.

Белесова. Стоит думать или не стоит, это уж мое дело. Это для меня теперь самый важный жизненный вопрос. (Задумчиво.) Но это не лай... Какая энергия, какое благородство! Я ничего подобного в жизни не видывала. И вместе какая обида, какая обида!

Гневыхов. Ну, оставь же! Отнесись к этому факту с презрением, которого он заслуживает. Презрительность ко всему мелкому и вульгарному в твоей натуре, и она так мило выходит у тебя.

Белесова. Вы знаете все, все, знаете и человеческую природу. Я себе никогда не прощу, что имела глупость вам поверить.

Гневыхов. Я действительно хорошо знаю сердце человеческое, но могу иногда и ошибаться.

Белесова. Вот то-то же. Нет, в делах важных никогда не нужно слушать мудрецов и знатоков сердца человеческого, а надо следовать собственному внутреннему побуждению. В молодом сердце, как бы оно испорчено ни было, все-таки говорят еще свежие природные инстинкты. По вашим словам я думала, что Цыплунов вечно будет моим покорным рабом и что я, разумеется, ничего не обязана чувствовать к нему, кроме презрения. А вышло напротив: он меня презирает.

Гневыхов. И это тебя беспокоит? Какое ты дитя!

Белесова. Беспокоит – мало сказать. Мучает меня, я вся дрожу, я не спала всю ночь. Я хочу его видеть.

Гневыхов. Ну, зачем это, зачем? Ты должна выкинуть из головы всякое помышление о нем. Он человек грубый, для твоей деликатной природы не годится; ну, значит, с ним и о нем всякие разговоры кончены, я привез тебе деньги, сколько мог собрать.

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
На первое время с тебя будет достаточно.

Белесова. Зачем ты привез именно нынче? Почему ты так поторопился?

Гневыхов. Надо ж когда-нибудь, так не все ли равно, нынче или завтра... Я обещал, я должен.

Белесова (с горечью). Нет, неправда. Ты узнал, что я оскорблена, и хотел меня утешить. Признайся! Детей утешают игрушками, конфетами, а женщин – деньгами. Ты думал, что всякую тоску, всякое горе, всякое душевное страдание женщина забудет, как только увидит деньги. Ты думал, она огорчена, оскорблена, она плачет, бедная, словами ее теперь не утетишь, это трудно и долго, – привезу ей побольше денег, вот она и запрыгает от радости.

Гневыхов. Ну, это не совсем так!

Белесова (настойчиво, со слезами). Нет, так, так!

Гневыхов. Ты ко мне придираешься.

Белесова. Ах, мне хочется плакать... Подите прочь!

Гневыхов. Скажи же мне наконец, что тебе нужно?

Белесова. От вас ничего. Мне нужно видеть Цыплунова.

Гневыхов. Но зачем?

Белесова. Я не знаю. Мне хочется и убить его, и оправдаться перед ним, просить у него прощения.

Гневыхов. Какие фантазии! Ну видишь, ты сама не знаешь, что ты хочешь.

Белесова. Не знаю, не знаю. Но я знаю только одно, что если он не снимет с меня этих упреков, этого позора, я могу дойти до отчаяния и сойти с ума.

Гневыхов. Вы в ажитации, мой друг, вам надо успокоиться. Очень жаль, что вы поторопились послать за Цыплуновым; как бы это не расстроило вас еще более. Возьмите же деньги, уберите их. С этими деньгами ты можешь жить самостоятельно, не нуждаясь ни в ком. (Подает Белесовой большой конверт.)

Белесова (с болезненным отвращением). Ах! (Берет деньги и бросает их на стол.) Если б можно было не брать их!

Гневыхов. Вы не оскорбляйтесь! Дети берут же от отцов... Оскорбляться тут нечем. Деньги вещь необходимая. Я к вам как-нибудь заеду на этой неделе. Часто я у вас бывать не могу; вчера приехала жена. Впрочем, когда она узнала от меня, что вы выходите замуж, гнев ее рассеялся, и она шлет вам целую дюжину поцелуев. (Прислушивается.) Он здесь, он здесь, я слышу его голос. Я подожду, чем кончится ваше объяснение.

Белесова. Только не здесь. Подите в сад и пошлите его ко мне, сами вы можете войти после.

Гневыхов уходит. Белесова, взволнованная, ходит по комнате. Входит Цыплунов.

Явление третье
Белесова, Цыплунов.

Цыплунов. Что вам угодно?

Белесова. А, вы пришли, вы здесь, у меня; значит, вы признаете себя виноватым?

Цыплунов. Нисколько не признаю. Вы меня звали, и я пришел.

Белесова. Вы вчера меня оскорбили, вы думаете, что это так пройдет вам? Вы думаете, что все ваши упреки, всю вашу брань я должна принять как должное, как заслуженное и склонить голову перед вами? Нет, вы ошибаетесь. Вы не знаете моего

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e прошедшего, вы не выслушали моих оправданий, и вы осудили, осыпали публично оскорблениями бедную, беззащитную женщину. За упреки вы услышите от меня упреки, за брань вы услышите брань.

Цыплунов. Извольте, я выслушаю.

Белесова. Вы грубый, вы дурно воспитанный человек! У кого вы учились обращаться с женщинами? Боже мой! И этот человек мог быть моим мужем! Теперь я верю вашей матери, что вы чуждались, бегали общества, это видно по всему. Нравы, приемы, обращение с женщинами порядочных людей вам совершенно незнакомы. В вас нет ни приличия, ни чувства деликатности. Каких вы женщин видели? Любопытно знать то общество, то знакомство, в котором вы усвоили себе такие изящные манеры и такую отборную фразеологию.

Цыплунов. Я с младенчества знаю одну женщину, лучше и выше которой не представит никакое общество.

Белесова. Да, это ваша матушка, об ней речи нет. Ну, а кроме ее? Кроме ее, вы видели женский пол только в прислуге, то есть горничных, нянек, кухарок; между ними вы выросли, между ними вы находитесь теперь и никак не можете подняться выше нравственного уровня этого общества. К вашей няньке, которую вы, по своей нелепой, неуклюжей и смешной страстности, конечно обожаете, вероятно ходил пьяный муж; бранил, а может, и бил ее. От частого повторения вам это казалось естественным и законным, и вы подумали, что со всякой женщиной можно так же обращаться. Теперь вы видите, каким ничтожеством считаю я вас, могу ли я обижаться вашими словами. Если я вас позвала, то затем только, чтобы уверить вас, что вчера ваша риторика не произвела того эффекта, на который вы рассчитывали, что брань ваша для меня совсем не оскорбительна, что она даже не задевает, не царапает, а только свидетельствует о вашей невоспитанности, о пошлости вашего ума и грубости сердца. Ступайте!

Цыплунов кланяется.

Постойте! Вы хотите казаться неуязвимым, вы разыгрываете роль святого. Как это смешно!

Цыплунов. Смейтесь, если вам смешно! Ну, все теперь?

Белесова. Нет, для меня этого мало.

Цыплунов. Да, я думаю.

Белесова. Позовите Всеволода Вячеславича и Пирамидалова и при них просите у меня извинения!

Цыплунов. Пожалуй. Только это ничему не поможет и ничего не исправит.

Белесова. Почему вы так думаете?

Цыплунов. Потому, что в словах моих была правда.

Белесова (горячо). Как! Оскорбленная вами женщина ждет от вас извинения, а вы опять с своей школьной моралью!

Цыплунов. Извольте, я буду просить у вас извинения, буду просить униженно, коли вы хотите, даже на коленях; но это не поможет вам, вы ошибаетесь. Извинение мое может успокоить вас только на несколько минут; горькие слова мои, сказанные вам вчера, всегда останутся с вами. Никаким развлечением, никакими забавами вы их не заглушите, они будут вас преследовать везде и вызывать краску стыда на лицо ваше; вы будете с ужасом просыпаться ночью и повторять их.

Белесова. Уйдите, уйдите с глаз моих!

Цыплунов (поклонясь). Прощайте! (Идет к двери.)

Белесова. Ах, нет, постойте, постойте!

Цыплунов (возвращаясь). Что вам угодно?

Белесова. Молчите, не говорите ни слова. Слушайте меня!

Цыплунов. Извольте.

Белесова. Я была дурно воспитана, избалована, я ничему не училась хорошему, ничего не знала, меня занимали только мелочами. Человек без сердца воспользовался моей ветреностью, моей пустотой... обман, обольщение...

Цыплунов. Позвольте!

Белесова. Дайте мне высказаться!

Цыплунов. Не нужно, не нужно. Вы хотите оправдываться?

Белесова. Да, я хочу оправдаться перед вами, я хочу, чтоб вы знали, как мало было моей вины... Я скажу вам все, все, и потом подам вам камень и посмотрю, подымется ли у вас рука убить меня.

Цыплунов. Да не трудитесь, не трудитесь! Скажите только два слова, что вы жертва обмана и обольщения, и я вам поверю.

Белесова. И не будете судить меня?

Цыплунов. Какое я имею право теперь судить вас, когда вы для меня чужая. Живите как знаете, и делайте что знаете!

Белесова. Однако я не совсем посторонняя для вас.

Цыплунов. Потому-то я и прощаюсь с вами не совершенно равнодушно, я чувствую, что должен пожалеть вас и пожелать вам возможного для вас счастья.

Белесова. Вчера вы не жалели меня.

Цыплунов. Да ведь жалеют только тех, которые страдают, плачут. Как можно догадаться, что женщина, которая высоко держит голову, у которой гордая и презрительная улыбка на лице, заслуживает сожаления? Вот теперь я вас жалею.

Белесова. И прощаете?

Цыплунов. За что?

Белесова. За то, что я вас оскорбила сейчас.

Цыплунов. О, вздор какой! Можно ли сердиться на женщину, когда она взволнована и не владеет собой! Но если хотите считаться, так обида за обиду, мы квиты. Мне кажется, вы должны быть довольны нашим объяснением и можете теперь успокоиться. Прощайте!

Белесова. Прощайте! Ах, нет, погодите! Еще не все... не все.

Цыплунов. Я слушаю.

Белесова. Останьтесь хоть на несколько минут!

Цыплунов. Зачем?

Белесова. Говорите что-нибудь... хоть браните меня, да только говорите... Ну, вот что скажите мне! Отчего это, когда я подумаю, что вы уходите, и уходите от меня навсегда, у меня как будто что отрывается от сердца, и остается в душе какая-то пустота? Точно меня бросили, кинули одну между чужими... Скажите, отчего это?

Цыплунов (подумав). Не знаю. Скажите яснее!

Белесова. Мне кажется, что если бы вы или кто-нибудь из подобных вам людей навещали меня хоть изредка, мне было бы лучше, теплее на душе.

Цыплунов. А, понимаю. Вы начинаете скучать, жизнь без всякого содержания вам

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
надоела, и вы почувствовали ее пустоту.

Белесова. Да, кажется, так.

Цыплунов. Это хорошее дело.

Белесова. Как же помочь моему горю? Я прошу вашего совета, не откажите мне!

Цыплунов. Извольте! Это очень просто. Найдите себе занятия, поищите хороших, дельных людей для знакомства, больше думайте, читайте; а лучше всего, познакомьтесь с какой-нибудь доброй, умной женщиной, она вас научит, что делать, чтобы избежать скуки и тоски.

Белесова. Мне этого мало.

Цыплунов. Уж извините, больше я ничего не имею предложить вам. Прощайте! (Идет на террасу.)

Белесова (догоняя Цыплунова). Пойдите! Подождите! Юрий Михайлович! Юрий Михайлович! Одну минуту!

Цыплунов (возвращаясь). Что прикажете?

Белесова (садясь в кресло и закрывая лицо руками). Я люблю вас!

Цыплунов. Что вы говорите? Такими словами не шутят. Посмотрите на меня, я так убит, так жалок, что шутить надо мной вам непростительно.

Белесова (плача). Да нет, нет, правда, правда, я не шучу нисколько.

Цыплунов. Да как это могло случиться? Когда?

Белесова. Вчера, и сегодня особенно.

Цыплунов. Если это правда, то уж я не могу, не смею вас так оставить; я должен позаботиться о вас, должен что-нибудь сделать для вас.

Белесова (печально). «Что-нибудь»... только что-нибудь.

Цыплунов. Нет, все... (Одумавшись.) Все, что могу, что я должен.

Входят Гневыхов и Пирамидалов и останавливаются у двери.

Явление четвертое

Белесова, Цыплунов, Гневыхов, Пирамидалов.

Белесова. Конечно, я не вправе не только требовать от вас... но даже и надеяться... Но уж вы сделали для меня много, вы заставили меня полюбить вас... Я вижу, чувствую, что эта любовь для меня спасительна, умоляю вас, не покидайте меня! Мне нужна помощь, нужно участие...

Цыплунов. Что я могу, что я в силах...

Белесова. Ах, я знаю, я буду много, много тосковать... о погибшей молодости, о своем безумстве... Мне нужна будет поддержка, душевное участие и утешение, которое шло бы от сердца... А то ведь нас утешают обыкновенно вот чем! (Указывает на конверт с деньгами.)

Цыплунов. Что это?

Белесова. Это деньги; мне привез их сегодня Всеволод Вячеславич.

Цыплунов. Разве у вас своего ничего нет? Вы живете на счет Всеволода Вячеславича?

Гневыхов. Нет, у нее есть и свои, но немного; а она должна жить прилично.

Цыплунов. Валентина Васильевна, если вас не оскорбляют эти деньги, тогда мне

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
говорить нечего.

Белесова. Нет, оскорбляют. Я иногда плачу; но то ж делать, я, признаюсь вам, не имею столько силы воли, чтоб...

Цыплунов. В таком случае позвольте мне помочь вам. Ведь вы меня просили?

Белесова. Да, просила и прошу.

Цыплунов. Вот первое доброе дело, которое я могу сделать для вас. Дайте мне эти деньги!

Белесова. Извольте!

Цыплунов. Вам их не жаль?

Белесова. Ах, нет, делайте с ними что хотите; вы лучше меня знаете, что мне нужно.

Цыплунов (Гневыхову). Всеволод Вячеславич, Валентина Васильевна отказывается от вашего подарка.

Гневыхов. Что я дарю, я того не беру назад.

Цыплунов. Вы, ваше превосходительство, человек известный своей благотворительностью; Валентина Васильевна просит вас раздать эти деньги от ее имени бедным, которые действительно нуждаются.

Гневыхов (взяв деньги). Да, если дело принимает такой оборот... (Одобрительно шепчет Цыплунову.) Хорошо, молодой человек, хорошо.

Цыплунов. Потом, потом... что еще потом я обязан сделать для вас?

Входит Цыплунова.

Явление пятое

Белесова, Цыплунов, Гневыхов, Пирамидалов, Цыплунова.

Цыплунова. Юша, Юша! Он и так болен, бедный; зачем привели его сюда? Извините меня, Валентина Васильевна! Юша, пойдем домой!

Цыплунов. Маменька, вы так меня любите, в вас так много любви, такое обилие чувства, что вы можете уделить другим часть его, не обижая меня. Маменька, есть женщина, которая нуждается в сочувствии, в поддержке...

Цыплунова. Про кого ты говоришь, друг мой?

Белесова. Это я, Анна Афанасьевна!..

Цыплунова. Ах, Юша, пойдем лучше!

Цыплунов. Маменька, погодите! Эта женщина очень несчастна. Ни одно высокое чувство в ней не было затронуто. Ей никто никогда не говорил о сострадании, о любви; она не знала даже, что порока нужно стыдиться, а не гордиться им.

Цыплунова. Юша, ты можешь обидеть ее...

Цыплунов. Нет, она теперь не обидится; она любит меня, и вы, я знаю, сами ее полюбите за это и сделаете для нее все, что может сделать умная, любящая женщина для молодой души.

Цыплунова (подходя к Белесовой). Вы полюбили моего сына?.. Это правда?

Белесова. Да, я полюбила его, я люблю его все больше и больше; моя любовь растет вместе с уважением, которое я начинаю чувствовать к вам обоим. Да разве мне трудно полюбить его, вас? Мне стоит только вспомнить мое детство и забыть все, что было потом. Юрий Михайлович, помните, как мы с вами оба вместе, с двух сторон, бросались обнимать и целовать вашу матушку? Вы и теперь ее часто

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
обнимаете... Как я вам завидую. Нет, вы ей не все сказали про меня. (Берет за руку
Цыплунову.) Вы забыли ей сказать, что я сирота, совершенно одинокая; но что если
бы я нашла руку, которую могла бы поцеловать с любовью... (Хочет поцеловать руку
Цыплуновой.)

Цыплунов. Что вы, что вы, Валентина Васильевна!

Белесова. Прошу вас, пойдите ко мне в комнату, на два слова только, на два
слова!

Уходят.

Цыплунов(про себя). Как мне досадно на себя: мои слова всегда так жестки! Но
маменька ее утешит, она умеет, да, умеет... Какое положение! Но нет, не теперь,
после, после... Я должен покойно и серьезно рассудить, как поступить в этом
случае.

Гневывшов (Цыплунову). Молодой человек, прогоните меня, прогоните нас! Я очень
хорошо понимаю, что мы здесь непрошеные гости, что мы здесь лишние...

Цыплунов. Это как вам угодно. Я здесь не хозяин.

Гневывшов (крепко жмет руку Цыплунова и, ударяя себя в грудь, говорит
торжественно). Но, молодой человек, позвольте мне гордиться, что, выбрав вас для
нее, я не ошибся! Да-с, не ошибся. (Делает знак Пирамидалову и отходит с ним на
левую сторону.)

Пирамидалов (Гневывшову). Ваше превосходительство, вы всегда были моим отцом, не
откажите мне и теперь в вашем расположении, в вашей милости!

Гневывшов. Просите, я сегодня в хорошем расположении духа.

Пирамидалов. Ваше превосходительство, я женюсь на Антонине Власьевне
Бедонеговой, позвольте мне просить вас быть моим посаженным отцом. И для меня эта
честь выше всякой меры, да и по купечеству, вы знаете, ваше превосходительство,
как важно...

Гневывшов. Когда генерал на свадьбе... знаю, знаю! Ну, изволь, мой милый, я сделаю
для тебя это удовольствие...

Входят Цыплунова и Белесова, одетая просто.

Явление шестое

Цыплунов, Гневывшов, Пирамидалов, Цыплунова, Белесова.

Цыплунов (пораженный простым нарядом Белесовой). Маменька, я думал о том, что мы
должны сделать для Валентины Васильевны.

Цыплунова (с улыбкой). Погоди, мой друг! С тобой мы поговорить успеем. Хотя нам
всегда приятно слушать тебя, но теперь у нас важное дело, которое надо кончить
поскорей. (Гневывшову.) Валентина оставляет эту дачу, вы можете сдать ее довольно
выгодно, желающих много, лето еще только начинается.

Гневывшов. Пирамидалов, устройте это дело! Но я не понимаю, зачем это?

Цыплунова. Эта дача велика и дорога для Валентины... (Белесовой.) Впрочем, говори
ты сама!

Белесова (указывает на Цыплунову). Маменька обещала мне найти по соседству с
ними одну или две комнаты, больше мне не нужно. Завтра же я велю продать мебель
и все свои лишние вещи; я возьму только цветы. Мы теперь идем смотреть новую
квартиру.

Цыплунов. Маменька, как я вам благодарен! Мы весело будем жить на даче. Мне
кажется, я могу сказать, что рай, о котором я мечтал, открывается для меня. Так
ли это? Вы согласны со мной?

Цыплунова. Думай сам о себе! Я знаю только одно, что я нашла то, чего мне

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
недоставало и чего я так желала, – я нашла дочь себе.

Цыплунов. Об чем же мне думать! И я нашел то, чего искал. В этих прекрасных чертах опять я вижу детскую чистоту и ясность и то же ангельское выражение... Это она, наша прежняя Валентина.

Примечания

1
Довольно! (лат.)

2
Domiñus – господин (лат.)

3
Ничто (лат.)

4
Следовательно (лат.)

5
превосходная степень от stultus: глупец, дурак (лат.)

6
осел (лат.)

7
Человек я (лат.)

8
Превосходно, отлично! (лат.)

9
Так будем же радоваться, пока мы молоды! (лат.)

10
Прощайте, сударь (франц.)

11
ma tante est elle irritie? – тетушка раздражены?

12
absolument – совершенно, совсем (франц.)

13
parole d'honneur – честное слово (франц.)

14
sautiez – прыгай (франц.)

15
Donnez moi de l'argent – дайте мне денег (франц.)

16

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
un peur – немного (франц.)

17
laissez – оставьте (франц.)

18
jamais de ma vie – никогда в жизни (франц.)

19
comprenez vous – понимаете (франц.)

20
attendez – придется подождать (франц.)

21
imaginez-vous – вообразите (франц.)

22
à présent quelque chose – сейчас хоть сколько нибудь (франц.)

23
c'est assez – достаточно (франц.)

24
quelle idée – что за мысль (франц.)

25
voulez-vous – хотите? (франц.)

26
je vous assure – я вас уверяю (франц.); entre nous deux – между нами двоими (франц.)

27
ici – сюда (франц.)

28
mon ange – мой ангел, un mot – одно слово (франц.)

29
taisez vous – замолчите (франц.)

30
mon cher – мой дорогой, sans facons – без церемоний (франц.)

31 malheur – беда (франц.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

сочинений в шестнадцати томах. Том 7. Пьесы 1873–1876. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!